

№ 1

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Мейхош АБДУЛЛАХ. <i>Алагёз. Повесть</i>	3
Гийом ЖАН. <i>SARILAR, Одиссея. Новелла</i>	22
Кямран НАЗИРЛИ. <i>Моя драгоценная память. Рассказ</i>	29
Михаил СМИРНОВ. <i>Рассказы</i>	40
Сейяд АРАН. <i>Рассказы</i>	83
Руфат МУСТАФАЗАДЕ. <i>Рассказы</i>	108

ПОЭЗИЯ

Азад ЯШАР. <i>Стихи</i>	63
Ляман БАГИРОВА. <i>День надежды</i>	104

ПУБЛИЦИСТИКА

Имруз ЭФЕНДИЕВА. <i>Лирическая поэма о Шуше</i>	36
Намазали МУСТАФАЕВ. <i>Украинский бакинец</i>	75
Александр БАКУМЕНКО. <i>«Метаязык» литературоведения</i> <i>Агатангела Крымского</i>	76
Ляман БАГИРОВА. <i>О чём помнит осень? Эссе</i>	99
Татьяна РУСТАМЛИ. <i>Вспоминая Мансура.</i>	105
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. <i>Публичная персона.</i>	131

2022

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 24.12. 2021 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

МЕЙХОШ АБДУЛЛАХ

АЛАГЁЗ

Повесть

Перевод Лейлы КАДЫРЗАДЕ

Дорогой Читатель! Если на этом свете для тебя нет ничего дороже жизни, тогда эта повесть не для тебя. Потому что это рассказ о боли, которая не под силу не только человеку разумному, но и неразумному существу.

...Стоял последний месяц осени. Она в этом году выдалась на редкость дождливой, поэтому трава поднялась по самое колено. Казалось, что это и не осень вовсе, а весна. На безбрежных, изумрудно-зеленых пастбищах с раннего утра до позднего вечера паслись стада – любо-дорого было наблюдать, как жадно жуют свежую траву овцы и коровы. Глядя на эту умиротворяющую картину, я вспомнил слова, услышанные когда-то в детстве от старших: «У каждой бессловесной твари тоже есть Бог». И ведь верно сказано – именно Он в этот последний месяц осени щедро одарил свои бессловесные создания пищей. А животные и есть божьи твари. В отличие от людей они не гоняются за богатством, им не нужны должности, квартиры. Подавай им только еды вдоволь – вот и всё их счастье, за это они и будут благодарны Создателю.

Возвращаясь вечером с работы, я всегда старался пройти мимо пастбища, хоть эта дорога и была гораздо длиннее. Не знаю почему, но для меня нет ничего лучше на свете, чем любоваться зеленеющей травой на лугу и тем, как несёт свои воды река. Усталость как рукой снимает.

Однажды, быстро управившись с делами, я пораньше вышел с работы. Размышляя о жите-бытье, весь поглощенный этими философскими раздумьями, я неторопливо шел домой, с наслаждением ступая по мягкому ковру зеленеющей травы.

Так я шел довольно долго, как вдруг заметил на лугу худощавого мужчину лет 50-55-ти, пасшего скотину. Я часто видел его на пастбище. Он всегда вел за уздечку рыжего жеребца, ни на шаг не отпуская его от себя. Словно это была птица, а не жеребец, и отпусти он его – упорхнёт в небеса.

Поравнявшись с пастухом, я поздоровался с ним. Тот, ответив на мое приветствие, попросил папиросу. Я протянул ему папиросу, чиркнул спичкой, одну прикурил сам. Мужчина на вид не был похож на местного жителя, да и говор выдавал в нем пришлого человека.

Затянувшись папиросой, он заговорил:

– Видишь, брат, какая плодородная выдалась осень. Если сейчас скотина вволю наестся, зима ей не страшна. Аллах пожалел свои создания, не оставил их без прикорма... – потом, глубоко вздохнув, продолжил: – А нам уже и нечего уповать на Господа. Мы своими руками разрушили всё, что имели... Чего уж тут сетовать на Аллаха?

Наверное, неспроста он так горестно начал разговор, подумал я. И поскольку меня по роду деятельности всегда интересовали необычные судьбы и истории, я почувствовал, что собеседнику есть что рассказать. Чтобы расположить его к откровенности, я поддержал беседу:

– Брат, ты ведь не из наших краёв будешь?

Прищурившись, мужик вновь сделал глубокую затяжку, мастерски выпустив колечко дыма из ноздрей, словно хотел сказать: «А тебе так слабо?»

– Да, не здешний я, – помолчав, ответил он. – Я родом из многотрадальной Карабахской земли. Из Кяльбаджара я, беженец. Сначала некоторое время жил в Баку у сына. Потом понял – не моё это. Сам понимаешь, каково человеку, всю жизнь верхом на лошади скакавшему по горам да по долам, прогуливаться по городскому асфальту. Не привычный я к такой жизни. И вот попросил я сына: «Если не хочешь моей смерти, найди мне где-нибудь в деревне местечко, чтобы я мог скотину держать и себя прокормить». У сына в вашем районе студенческий друг живет. Привёз он меня к нему в райцентр. Тот хорошо нас встретил, спасибо ему. Несколько дней я гостил у него, но не по душе мне подолгу жить у чужих людей. Присмотрели для меня квартиру в кооперативном доме, да я не согласился. Сказал, что хочу в деревне обосноваться, чтоб и скотинку мог держать кое-какую. Уважил он мою просьбу. Привез в вашу деревню Гошатепе и дом подыскал пустой. Бывший хозяин с семьёй переехал в Россию, вот жильё и пустовало. Прикупил я пять голов баранов и одну корову. Так и живу – скотину пасу, коротаю свой век.

Внимательно слушая неторопливую речь пастуха, я вглядывался в черты его лица, заросшего густой щетиной. Глубоко в прищуренных глазах пряталась тоска. Его взгляд говорил больше тысячи слов – в них нетрудно было прочесть скорбь человека, лишившегося родного очага. Да разве только в его глазах? Нет! Я видел эту скорбь, эту боль в глазах сотен, тысяч беженцев, с которыми жизнь сталкивала меня. Они напоминали птиц, потерявших своё гнездо, – часто вздрагивали от громкого звука, резкого слова. При разговоре отводили взгляд, словно стыдились чего-то. Может, им казалось, что окружающие осуждают их за то, что бросили свои дома, земли? Но скажите на милость – в чём вина этих людей?! Предатели, продавшие земли, Родину, остались чистенькими – никто и не думает предъявлять им счета, а те, кто потерял в кровавой бойне не только кров, но и свое здоровье, остались ни с чем...

Жеребенок, которого всё это время мужчина держал за уздечку, даже не делал попыток отойти от него, лишь описывал круги вокруг нас. Иногда он трогательно просовывал мордочку под мышку хозяина и ласково фыркал. Тому это явно доставляло удовольствие. Он доставал из кармана телогрейки немного ячменя и протягивал жеребцу.

– Хороший жеребец, жаль, что маленький, – заметил я. – Был бы побольше, вы бы ездили на нём.

Мужчина только вздохнул – да так глубоко, что я пожалел о своих словах. Виногато посмотрев, вдруг заметил слёзы на его глазах... Что это? Он плачет? Я растерялся. Странно... Когда он рассказывал свою невесёлую историю беженца, ни один мускул не дрогнул на его лице. А тут вдруг слёзы...

Увидев моё замешательство, старик выдавил из себя улыбку:

– Знаешь, братец, ты, сам того не зная, затронул мою самую глубокую рану. В последние годы произошли очень горькие для меня события. Всего и не расскажешь... но не буду тебя расстраивать...

Я чувствовал, что ему есть что рассказать, поэтому отшутился:

– Показав тетиву, стрелы не прячут, так что давай, рассказывай и не бойся расстроить меня...

Пожав плечами, мужик бросил телогрейку на траву, приглашая меня присесть. Сам же опутав ноги жеребца веревкой, уселся рядом. Немного помолчав, начал свой рассказ:

– Да, брат. Родом я из Кяльбаджара. Не знаю, был ли ты в наших краях. Одно могу сказать – нет краше земли на свете. Леса, горы – всё кругом зеленеет и цветёт. Глаз не оторвать... А лекарственные травы? Лечат тысячи недугов. Не знаю, что прекрасней в наших краях – зима или лето... Если есть рай на земле, то только там. А жили мы богато. В каждом дворе поголовье скота, овцы, коровы. Сам я работал бригадиром. Знаешь, какой у меня дом был? Эээххх...

Но когда кругом такая красота, тебя и домой не тянет. Весь день – на чистом воздухе, на природе. Оттого и здоровьем не хворал, был крепким, как кремень. Иногда в зимнюю стужу вдруг приспичит мне холодной воды испить из родника... А вода, тебе скажу-у-у... Под каждой скалой, под каждым камнем в наших краях родники бьют – чистые, как слеза ребенка. Бывало, поклонюсь земле, приложусь губами к роднику и пью из него сладкую, как мёд, холодную, как лёд, воду, а она бальзамом разливается по всему телу... Дааа... Словами не передать мою тоску, мою боль.

Один-единственный сын у меня – Ахмед. Жена хворала – не родила других детей. А ещё была у меня лошадь по прозвищу Алагёз, которой не было равных во всей деревне. Да что там в деревне – во всём районе... Быстрая была – птице не угнаться! А поступь... – лёгкая, плавная. Сидишь, бывало, в седле, и тебя убаюкивает, аж засыпаешь. А стоит только слегка уздечку потянуть – быстрокрылой птицей понесётся. Вот хочешь верь – хочешь нет. Я, бывало, только прикурить успею, а она уже домчит меня до нужного места. Сам, наверное, знаешь, какой Кяльбаджар большой район. Но мы с Алагёз каждую пядь земли объездили... На левом бедре её я клеймо поставил, букву «Г». Первую букву своего имени...

Сказав это, он хлопнул себя по коленям:

– Да ведь мы ещё не познакомились! Меня Гасан зовут, – он протянул мне руку.

– А меня Селим, – сказал я, ответив на его рукопожатие.

– Так вот, клеймо-то я потому поставил, что все вокруг зарились на мою лошадь. Не ровён час, украли бы...Эх, брат... Алагёз была как член семьи. Всё понимала, разве что говорить не могла. Стоило только кликнуть её, стрелой летела на зов. От звонкого ржания горы сотрясались. Не было больше радости мне, чем вскочить в седло и мчаться по просторам родной деревни. Казалось, весь мир у твоих ног. Я и часа не мог прожить без своей любимицы. И в радости, и в горе – она всегда была со мной. Не расставались мы никогда.

Гасан-киши немного помолчал. Лицо его неожиданно помрачнело, дыхание стало прерывистым. Несколько раз он судорожно сглотнул, как будто не мог больше выдать ни слова. На глаза навернулись слёзы. Откашлявшись, он продолжил хриплым голосом:

– Когда армяне захватили Кяльбаджар, вся жизнь под откос пошла. Богатый край у нас был, зажиточный... Только в моем подворье больше пятисот овец, около пятидесяти голов крупного рогатого скота насчитывалось. Ручной работы ковров не пересчитать... Всё, всё осталось армянам. В страшном сне не мог бы я предвидеть, что Кяльбаджар отдадут врагу. Ведь каждая гора, каждый утёс там – неприступная крепость, каждый овраг – надёжный окоп. Никто нам не помог. Бросили на произвол судьбы, безоружными, лицом к лицу с врагом.

Вот это и не даёт мне покоя. Как вспомню – так ярость душит. Никто не протянул руку помощи. Много болтали, а как до дела дошло – поджав хвосты, разбежались, как трусливые лисы. Да что там о помощи говорить!

Ладно бы не мешали, не путались под ногами! Дали бы возможность нам самим что-то предпринять. Клянусь могилой предков, мы бы голыми руками справились с врагом...

Скажи на милость – куда подевались эти «храбрецы», в былые мирные времена толпами приезжавшие к нам из Баку, из Шеки, чтобы отдохнуть, поесть шашлыков на природе. Куда подевались эти «пехлеваны», которые горазды оказались только языком молоты и бить себя кулаком в грудь, с пеной у рта доказывая свою значимость... Ну скажи – куда они все подевались?

Да будут прокляты те, кто оставил нас без крова, осиротил детей, пустил их по белу свету. За что? За что они с нами так поступили?

В трудные для Кяльбаджара времена большие чиновники вдруг стали ниже травы, попрятались, как мыши, по своим норкам.

Никогда не забуду, своими глазами видел, как приехала группа людей и стала стращать народ – дескать, бегите, пока не поздно, армяне расправятся с вами как с несчастными ходжалинцами.

Да будет проклят тот день, когда мы поверили их словам и оставили свои дома...

Гасан-киши замолчал, уставившись в одну точку. Потом попросил у меня еще одну папироску. Сделал глубокую затяжку – словно хотел всю свою злость на папиросе выместить.

– Когда армяне напали на Кяльбаджар, всё население стали эвакуировать на вертолетах. Ведь другого пути оттуда и не было... Жена моя была тяжело больна, прикована к постели. Её сердце не выдержало ужаса этого дня. Она скончалась, а я не смог даже её тело предать земле, по-человечески похоронить... так и осталась она лежать в постели.

Знаешь, брат, жизнь – сладкая штука. Я это тогда понял. Каждый думал только о себе, спасался, как мог. Всё перемешалось, все куда-то бежали...

Я сидел возле мертвой жены, и мне казалось, что это просто страшный сон. Потом опомнился, подумал об Алагёз. Ведь ферма, где она была привязана, находилась далеко от дома, на самом краю деревни.

Я понимал, что из этого ада её не вывезти, не спасти. Решил хотя бы отвязать несчастное животное. Побежал на ферму. Ужасное зрелище предстало моим глазам. Кто-то поджёг ферму. Только кучка пепла осталась. Кругом валялись трупы животных. Военная техника армян уже побывала здесь и продвигалась вниз, по направлению к деревне. Алагёз нигде не было. Я побежал обратно и понял, что армяне уже зашли в село – вдали полыхали крыши домов, черный столб дыма поднимался к небу. Казалось, кто-то разжёл огромный костер.

Чтобы не попасть в плен, я побежал окольными путями. От звуков взрывающихся тут и там снарядов глохли уши. Я уже не понимал, куда бегу, но продолжал бежать. В спешке обронил папаху... но не до неё было, не стал искать.

У реки увидел несколько наших вертолетов, эвакуировавших людей. Я едва dospел к последнему. Силы оставили меня. Двое военных, подхватив меня под мышки, втащили внутрь. Там уже было полно народу – яблоку негде упасть. Женщины кричали и плакали, обнимая своих детей, те от страха прижимались друг к другу, кто-то потерял сознание... Вертолет, наконец, поднялся в воздух. Во всеобщей давке меня тесно прижали к иллюминатору. Я бросил последний взгляд на родную деревню, которая по мере того, как вертолет набирал высоту, становилась всё меньше и дальше. Мне казалось, что это не вертолет отрывается от земли, а мясо вырывают из-под моих ногтей... Слышал когда-нибудь звук дерева, когда его с корнями вырывают из земли? Вот так хрипело моё сердце... А ты думал?! Легко ли расставаться с родной землей... да что я говорю – не расставаться, а бежать из родной земли... земли, каждая пядь которой хранит твои следы... бежать, потеряв всё – не только имущество, но и свою честь...а это пострашнее смерти будет. От бессильной злобы я бился головой о стекло иллюминатора, проклиная себя за то, что остался жив. Я ненавижу себя за это. «Куда ты едешь, старый? – говорил я себе. – Кому ты там нужен?»

Я подумал о своем доме и нажитом годами имуществе, в одночасье превратившемся в кучку пепла... Перед глазами встало лицо жены, посвятившей мне лучшие годы своей жизни... а я даже не смог похоронить её... брошенные на произвол судьбы могилы родителей и дедов... Алагёз, которую я любил больше жизни...И я подумал – зачем мне жить без них и главное – как жить? И только подумав о своем единственном сыне Ахмеде, я немного успокоился. Как хорошо, что лет пять назад я купил ему квартиру в Баку, когда он женился.

Не отрывая взгляда, я смотрел на родное село. Всё надеялся увидеть Алагёз.

Если она жива, то, наверняка, ищет меня. Она лучше меня, преданнее. Алагёз никогда бы не бросила меня в беде, не убежала бы. Нам, людям, надо бы поучиться у бессловесных животных верности и преданности.

Расскажу тебе одну историю, чтоб ты понял, какой была Алагёз. Однажды я сильно захворал, сил не было с постели подняться. За скотиной ухаживал сосед, потому что жена, как я уже говорил, болела всё время. Однажды тот пришел расстроенный. Говорит, не знаю, что с Алагёз, не ест ничего, крошки в рот не берёт. Наверное, тоже заболела. С трудом встав с постели, я прошел с ним в конюшню. Надо было видеть, что стала вытворять Алагёз, увидев меня. Словами это не передашь. Она тыкалась мордой мне в лицо, облизывала руки. Увидев настоящие слёзы в глазах Алагёз, я обнял её за шею. Поднёс ей сена, и Алагёз стала есть прямо с моих рук. Увидев эту картину, сосед только всплеснул руками: «Ну и дела, у меня слов нет. Не лошадь, а человек!» Вот такой была Алагёз. А я оставил её в полыхающем аду, спасая свою шкуру. Причём не по земле, как человек, убежал, а летел по воздуху... А ведь земля эта меня кормила, поила... Я же при первой же трудности плюнул на неё и сбежал. Неблагодарный... Вот Аллах и покарал нас...

Так на чем я остановился? Аха, вот привезли нас в Баку и высадили. Я приехал к сыну. Его не было дома – невестка сказала, что со вчерашней ночи ещё не приходил. Как услышал об оккупации Кяльбаджара, места себе на находил, не мог и минуты дома оставаться.

– Куда он пошел? – спросил я у невестки.

– Не знаю. Сказал, пойду попытаюсь узнать, что с нашими.

До поздней ночи мы разговаривали с невесткой, ждали Ахмеда. Он вернулся далеко за полночь. Увидев меня живым-невредимым, схватил в объятия, заплакал от радости. Потом оглянулся по сторонам и спросил: «А мама где?».

Этот вопрос резанул меня ножом. Помолчав, я ответил:

– Чего греха таить, сынок? Болела она сильно, не вставала с постели. А тут такая паника началась. Несчастливая от страха и умерла. Наверное, сердце не выдержало. Не смог я её привезти, сынок. Прости...

Сказал это, а сам подумал – лучше бы и мне так умереть. Как же тяжело и стыдно было отвечать на вопросы сына. Потом подумал – если бы я умер, он бы сейчас чужих людей спрашивал: «А где же мой отец?» И я был бы ему так же дорог, как сейчас мать.

А сейчас... конечно, Ахмед ни словом не попрекнул меня. Но кто знает, что он подумал в тот момент. Я и не виню его. Полное право имел спросить: «А как же ты в живых остался?» Мне казалось, что он винит меня и в смерти матери, и чуть ли не в потере Кяльбаджара. Хорошо ещё, что не спросил про Алагёз. Ведь он тоже очень любил её.

Один Аллах знает, как прошла та ночь. Не приведи Господь ещё раз пережить такое...

Две недели я не выходил из дома. Стыдно мне было людям в глаза глядеть. Мне казалось, что все меня должны презирать и плевать в лицо, потому что я бросил землю отцов. Ведь, если вдуматься, всё так и было в действительности. Смотрят на тебя, прямо в глаза, а сами, наверняка, думают: «Ты-то как жив остался, почему не погиб?»

Да, брат, бывают в жизни моменты, когда смерть в тысячу раз желаннее жизни. Знал я одного парня – тот с начала войны ни одного дня дома не был, сражался с врагом под пулями, под артиллерийским обстрелом, но чудом выжил. И вот теперь у него спрашивают: «Как же ты уцелел? Почему не погиб?» А знаешь, почему спрашивают? Потому что мы потерпели поражение. Верно говорят: «Победителей не судят». Судят проигравших. И осуждают, и проклинают. А как же иначе? За что же хвалить? За поражение?

В городе соседи на нас косо смотрели – мол, вот, понаехали беженцы из Кяльбаджар, обосновались в центре Баку, а мы, бакинцы, шекинцы, должны ехать в Карабах, сражаться за Кяльбаджар?

Тяжело всё это было, но жизнь продолжалась. Сын постепенно смирился со смертью матери. Правду говорят: «Сырая земля боль остужает». Хорошо, что сын не видел, как умерла мать. Рано или поздно всё забудется, боль притупится – земля холодная. А мне? Мне как жить дальше? Как вычеркнуть из памяти то, что занозой за село в сердце?! Я не мог забыть свою жену – не только потому, что прожили мы с ней столько лет, делили вместе радость и беду... А потому, что скорбь по усопшим стирает сырая земля. Я же не предал её земле, не похоронил по-людски, оставив мертвую в постели. Вот это не давало мне покоя, огнем жгло сердце, брат. И этот огонь я не в силах потушить – и не будет мне покоя до конца моих дней.

Каждую минуту перед моими глазами вставали покойная жена, могилы родных, потерянные земли. Каждый миг, преодолевая боль, я твердил себе: «Хватит, нет их больше: ни жены, ни земли...»

Но в сердце моём жила ещё одна незатухающая боль – тоска по Алагёз. Как бы странно это ни звучало, но постепенно я привык к мысли об утрате земли, потому что в городе сталкивался с такими же беженцами, каким был сам, с бывшими односельчанами, друзьями и просто знакомыми. Правду говорят, «На людях и горе – вполгоря, на миру и смерть красна».

Я понимал, что всем нам сейчас трудно, и от осознания этого боль переносилась легче. Ведь не мне одному такая участь выпала, кругом всем не сладко. К тому же я был простым трудягой. Не учителем, не начальником каким-нибудь большим, чтобы решать важные вопросы. А то знаешь, есть такие, что дома ниже травы, тише воды, а на людях – гоголем ходят, о вселенских проблемах рассуждают, словно круче них только горы.

Я – сын пастуха, мое дело – овец пасти, за лошадьми ухаживать.

Как-то сын взял меня с собой на ипподром, чтобы рассеять мою тоску. На душе сразу потеплело от знакомого, до боли родного запаха конюшни. Я даже проследил. Но ни одна лошадь не шла ни в какое сравнение с моей Алагёз – ни красотой, ни поступью. Несколько раз мне казалось, что я вижу Алагёз. Я как сумасшедший подбегал к похожей лошади, но каждый раз меня ждало разочарование... Владелец лошадей, естественно, не нравилось мое странное поведение.

После скачек Ахмед внимательно посмотрел на меня в надежде прочесть на моём лице радость, но увидел лишь ещё большую тоску и усталость.

– Папа, почему ты такой грустный? Хватит уже казнить себя. Разве кони на скачках не понравились тебе?

– Да буду я твоей жертвой, сынок. Глядя на них, я ещё больше затосковал по Алагёз. К тому же по сравнению с ней они гроша ломаного не стоят. Не пойду я больше на скачки! Ни за что не пойду. Чего зря душу беречь?!

После неудачного похода на ипподром какое-то время я вообще не выходил из дома. Хотелось всё забыть: потерянную в одночасье родину, близких, Алагёз... Но память – жестокая штука. Чем больше я гнал от себя тяжелые мысли, тем больше они угнетали меня.

Гасан-киши попросил ещё одну папиросу. Я протянул ему всю пачку. Вытянув из неё одну, он хотел было вернуть пачку, но я тихонько придержал его руку – дескать, оставь себе.

– Знаешь, а я ведь раньше не курил. На дух не переносил папиросного дыма. А вот на старости лет втянулся, – поблагодарив, сказал Гасан-киши и сделал такую глубокую затяжку, словно хотел наверстать упущенное.

Бросив недокуренный окурочок в траву, примял его ногой. Затем продолжил свой рассказ:

– Утомил я тебя своими рассказами... Верно говорят, дума в сон клонит, а горе язык развязывает... Вот и я ворчу на жизнь без умолку. А может, тебе надоело меня слушать...

– Нет-нет, прошу тебя, продолжай. Мне интересно, – поспешил я заверить его.

– Я всех расспрашивал – не видали ли мою Алагёз? Несколько раз даже к границе ездил. Но всё впустую, а тоска ещё больше съедала меня. Однажды сын даже не выдержал, упрекнул меня – мол, стыдно перед людьми. Многие семьи свои потеряли...родных. Ищут: кто – мать, кто – отца, кто – детей ... А ты – лошадь ищешь, никак не можешь успокоиться.

Слова сына задели меня за живое.

– Оставь меня в покое, сын. Заклинаю тебя неприкаянной душой усопшей матери, обещаю, что больше никогда не будешь так со мной говорить. Не трогай меня лучше. Ведь я всё равно как живой мертвец в этом городе. Считай, нет у тебя отца, умер он в Кяльбаджаре вместе с матерью. Ведь так оно и есть. Если человек потерял всё, что у него было, что нажил непосильным трудом, если у него нет больше своего дома – какой смысл в его жизни?!

Клянусь Аллахом, когда я вижу беженцев, ютящихся в палатках, я умираю сотни раз на дню от стыда. Раньше им было тесно в огромных домах, а теперь они вынуждены ютиться в убогих палатках. Да будет проклята такая жизнь! – в сердцах произнёс Гасан-киши, возведя руки к небу.

Помолчав немного, он продолжил свой рассказ:

– Как-то на Агджабединском базаре повстречал я своего односельчанина Худам. Обрадовались мы встрече, обнялись, поцеловались, поговорили о жите-бытье. Худам ещё с советских времён занимался торговлей. Ездил по российским городам. А как СССР развалился, зачастил за границу. Весь мир, можно сказать, объездил. Даже в Африке побывал... Чаще всего в Иран он ездил. Для него туда поехать, что к соседям на огонёк зайти. В неделю несколько раз границу пересекал... Я поинтересовался у него:

– Худам, чем ты сейчас занимаешься? – на что он, громко рассмеявшись, ответил:

– Так я ещё в советские времена спекуляцией занимался, а сейчас, когда весь народ торгует, ты ещё спрашиваешь, чем я занимаюсь? Всё тем же, брат, – продолжаю дело своих дедов! Только теперь это бизнесом называется... Слышал поговорку «Волк окрас поменяет, а характер останется»... А ты чем занимаешься, Гасан-киши? Неужто и в Баку овец пасешь? У тебя, помнится, большое поголовье было. Что с ним стало?

Спросив об этом, он почему-то неожиданно погрузился. Потом схватил меня за плечи:

– Гасан, у тебя лошадь была славная. Как, бишь, её звали? Гарагёз, Алагёз... Представляешь, где я её увидел? В Иране, в Тебризе! На скачках. Клянусь могилой брата! Алагёз это была – как пить дать Алагёз! Я бы эту красавицу из тысячи других узнал бы.

Меня аж в пот бросило от этой новости, сердце как сумасшедшее заколотилось в груди, ноги обмякли. Я чуть было не упал. Увидев это, Худам встревожился:

– Да что с тобой, Гасан? Сердце? Будь прокляты эти армяне: у людей всё отняли – и землю, и имущество, и здоровье!

Я не мог больше сдерживать слез. Худам растерялся:

– Что с тобой? Почему ты плачешь?

– Худам, заклинаю тебя могилой предков! Скажи, ты точно видел Алагёз? В Иране?

– Ну да... А что ты удивляешься. В прошлом году на ардебильском базаре увидел я ковёр, который собственноручно моя матушка соткала в приданое сестре моей.

Подошел к продавцу, хотел выкупить его – так мошенник такую цену заломил, куда там... Разворовали нашу страну, братец, ограбили. Всё, что можно, стащили и теперь на базарах продают. Всё продаётся – не только ковры и тряпки, но и совесть, честь... А ты говоришь – лошадь... Говорю тебе – твоя это лошадь была, стопроцентно твоя! Не так уж много времени прошло, чтоб я не узнал её. Каких-то 3-4 года назад видел я её в последний раз... Как не узнать?! К тому же клеймо было у неё, на левом бедре...

От радости я чуть не задушил Худаму в своих объятиях. Он тоже растрогался.

– Да ладно... будет тебе, успокойся, Гасан. Ты чего это? С тех самых пор Алагёз ищешь?

– Худам, да буду я твоей жертвой. Ищу – не то слово. Считаю, что не живу я без Алагёза. Извёлся весь, места себе не нахожу... Ну скажи – как, когда ты видел Алагёза?

– Когда, говоришь?.. Да недавно, месяца 2-3 назад. В Тебризе друг мой живет, Агазаде его фамилия. Пошли мы с ним как-то на ипподром – там и увидел я твою ненаглядную Алагёз. Перед скачками лошадей показывают людям, чтобы выбрали, на кого ставки делать. Твоя Алагёз первой пришла. Клянусь всеми святыми, другим даже за пылью из-под её копыт не угнаться было.

После этих слов я окончательно убедился, что Худаму видел именно Алагёз. И стал я упрашивать земляка взять меня с собой в Иран.

Подумав немного, он ответил:

– Гасан, клянусь могилой матери, послезавтра я должен срочно лететь в Китай – товар мой застрял там на таможне. Дел у меня примерно на месяц. Дождись меня – как только приеду, сразу в Иран и махнём.

– Что ты, Гасан. За месяц я от тоски умру. Я не месяц, а даже одного дня больше не выдержу.

Подумав ещё немного, он сказал:

– Ладно, не горюй. Мы вот как сделаем – ты поезжай в Иран один. Я дам тебе адрес своего друга Агазаде. Найдешь его. Всё, что надо, он сделает. Поможет тебе, не беспокойся.

Вытащив из кармана листок бумаги и ручку, Худаму чиркнул другу несколько слов. На другой стороне листка написал для меня адрес иранца.

В тот же день, не мешкая, я сел в автобус и приехал в город, к сыну.

Поскольку день был воскресный, тот по счастью оказался дома. Увидев меня в таком взбудораженном состоянии, Ахмед удивился:

– Что с тобой?

– А что не так?

– Да нет. Просто ты в последнее время всегда такой грустный, молчаливый, а сейчас вроде повеселел... Наверное, есть хорошие новости?

– Ещё какие, сынок. Алагёз нашлась, моя красавица!

Не только сын, но и невестка обрадовались этой новости, бросились поздравлять меня.

Ведь им тоже нелегко пришлось со мной.

Молодые ведь, им бы жизни радоваться, веселиться... Не хоронить же себя заживо с теми, кто умер. И не очень-то приятно было им видеть меня всё время таким угрюмым.

Но надо отдать им должное – ни разу ни сын, ни невестка и виду не подали, что я им в тягость. Повезло мне с ними, конечно.

Ахмед обнял меня за шею.

– Где ты нашел Алагёза?

– Она в Иране, – ликуяще ответил я.

– В Иране? – переспросили сын с невесткой в два голоса.

– Ну да – армяне вывезли её из Кяльбаджара и продали в Иране.

– Откуда тебе это известно?

– Худам сказал, земляк наш. Он видел Алагёз пару месяцев назад, своими собственными глазами. В Иране, в Тебризе – на скачках.

Сын недовольно нахмурился – я знал, что он недолюбливает Иран. Когда отдали Шушу врагу, Ахмед считал, что здесь есть и рука иранцев.

До утра я не сомкнул глаз. А утром, провожая сына на работу, попросил его срочно сделать загранпаспорт для поездки в Иран. Ахмед попытался отговорить меня от этой затеи, но я твердо заявил: «Если не хочешь помочь, тогда хотя бы не мешай».

Ни слова не говоря, сын ушел на работу. А вечером, придя домой, уже с порога сообщил, какие документы нужны для загранпаспорта, добавив:

– Завтра пойдем сфотографируемся, и через неделю паспорт будет готов.

Я возликовал и в душе поблагодарил Аллаха.

Через неделю, как Ахмед и обещал, загранпаспорт был готов. Сын с невесткой проводили меня в Иран через Билясуварский пограничный пункт.

Я впервые попал в эту страну. Всё здесь было мне не знакомо, и я лишь крепко сжимал в руке листочек с адресом, который вручил мне Худам. Не буду утомлять тебя подробностями. Короче, приехал я в Тебриз. Раньше я много слышал об этом городе, и надо отдать ему должное – он действительно очень красив. А какие дороги гладкие, ровные. Можно спокойно чай пить в автобусе.

Подошел я к одному таксисту. Показал адрес. В общем, сел я в машину. Путь оказался неблизким. Агазаде жил на самой окраине города. Показав на дом с высокой оградой, таксист сказал:

– Баба́ (*обращение к мужчине у иранцев*), Агазаде живет вот в этом доме. Если я вам больше не нужен, позвольте мне уехать.

Я попросил его проводить меня до дома, так как был в Иране впервые и не был знаком со здешними порядками.

Водитель не стал возражать, подошел со мной к дому, позвонил по домофону и сообщил хозяевам, что к ним приехал гость из Баку. Потом повернулся ко мне и сказал:

– Баба́, не беспокойтесь, сейчас вам откроют дверь.

Я поблагодарил таксиста и, расплатившись, попрощался с ним.

В ту же минуту дверь открылась. Навстречу мне вышел высокий седой, как лунь, мужчина средних лет. Смерив меня взглядом с головы до ног, он учтиво заинтересовался:

– Баба́, извините, кто вам нужен?

Я протянул ему записку и сообщил, что меня прислал к нему Худам, его давний друг, и что приехал я в Иран по очень важному делу.

Услышав имя Худам, мужчина приветливо улыбнулся и радушно протянул мне обе руки. Затем взяв под локоть, провел в дом.

Мы выпили чаю, потом поужинали. И я рассказал ему свою историю во всех подробностях – вот как сейчас тебе рассказываю.

Внимательно выслушав меня, Агазаде вздохнул:

– Гасан, брат мой, не переживай. Я помогу тебе. Друг Худам – мой друг. Мой дом теперь и твой дом. Что касается твоей лошади, то знай – скачки у нас проводятся по воскресным дням. А сегодня понедельник. Значит, у нас ещё целая неделя впереди. Будешь моим гостем. Воспользуемся временем, и я покажу тебе город и местные достопримечательности.

Агазаде был известным человеком в Тебризе, занимался торговлей автомобилями. Он был владельцем машинного базара и пользовался большим уважением в городе. Каждое утро мы вместе выходили из дома. Закончив с делами, он знакомил меня с городом. Всё мне здесь нравилось, но ничто не радовало сердце, так как я не переставал думать об Алагёз, с нетерпением ожидая дня скачек. Стоило мне услышать цокот копыт на улице, я оборачивался, надеясь увидеть Алагёз.

Мой иранский друг был очень грамотным и начитанным человеком, хорошо разбирался в политике. Иногда мы до самого рассвета беседовали с ним. Он осуждал азербайджанцев за то, что не отстаивали свои земли, отдали их врагу. Говорил, нелегко будет отвоевать эти земли обратно. «Чтением Корана свинью от проса не отогнать, – говорил он. – Ваша самая большая проблема в том, что вы не видите врага перед носом, а ищите его среди своих же, воюете друг с другом. Один кричит – ты продал земли, другой говорит – нет, это ты их отдал. А армяне только посмеиваются – мол, «вы продали – мы купили». И если вдруг лет этак через десять они всё-таки надумают вернуть вам эти земли, то обязательно напомнят: «Мы за них столько денег отвалили, так верните нам их, а мы вам – земли».

Так что, брат, сначала прекратите враждовать друг с другом, объединитесь, отвойте свои земли, а потом уже выясняйте, кто прав – кто виноват... А то один убежал в Россию, другой – в Америке, третий в Иране, остальные – в тюрьме... И все ненавидят друг друга, враждуют меж собой... Да буду я твоей жертвой, разве так можно? Отец мне рассказывал, что если бы не Баку, половина иранцев с голода бы померла. Отсюда в Баку люди раньше на заработки ездили. Сейчас же жителей Баку разбросало по всему миру, за куском хлеба едут в далекие края. Как же так? Душа болит за вас. Я несколько раз был в ваших краях и пришел в ужас от увиденного – сколько нищих на улицах! Можно сказать, полстраны нищенствует. Кругом одни беженцы. Сколько времени человек может жить в палатке?! Ну год, два... Но не десять же лет. Глядишь, англичанин приехал – посмотрел, русский, француз... И всех вы тащите в палаточный городок. И они смотрят, а несчастные беженцы, жалко согнувшись, плачут, слёзы льют – да так жалостливо, что сердце кровью обливается. Ну имейте же вы совесть – не унижайте этих людей перед приезжими. Знайте, никто их не пожалеет. Всё это политическая игра и притворство. А вы ещё на дорожку им подарки вручаете, каждый приезжает с пустыми руками, а уезжает с дорогим ковром под мышкой. Отдайте лучше эти ковры тем, кто мёрзнет в палатках, на холодном полу. Несчастные болеют туберкулёзом. Всё равно ваших беженцев никто из этих «гостей» не пожалеет. К тому же все они – на стороне вашего врага. И это ещё полбеды!

Настанет момент, и эти же гости напустят на вас армян, как свору бешеных собак! Эх, брат, ну не хотят они, чтобы вы пришли в себя, оправились от бесчисленных ударов. Не выгодно это им. Так что надейтесь только на себя – никто вместо вас не будет у армян отвоевывать ваши земли. Может, слышал такую пословицу – «Сколько бы повитух ни крутилось вокруг роженицы, рожать-то всё равно ей самой придётся».

Господи, какой мудрый человек был этот Агазаде! Он знал такие факты, о которых многие и не слышали. Очень близко к сердцу принимал наши беды, не говорил: «Что мне до ваших проблем, у меня-то голова не болит». Во времена СССР бытовала такая поговорка «Советская власть зайца на телеге ловит». Так вот, сегодняшняя власть телегу остановила и вежливо так просит зайца самому сесть в неё.

Утром следующего дня должны были состояться скачки. Всю ночь до самого рассвета я не мог сомкнуть глаз, всё думал о завтрашнем дне. Несколько раз Агазаде просыпался и спрашивал, почему я не сплю. Но, наверняка, он и сам хорошо понимал, что я думаю о своей Алагёз.

Усмехнувшись, он сказал мне:

– Баба, не обижайся, я тебе вот что скажу. Кажется, во всём Азербайджане только ты один и думаешь о чести и достоинстве. Вот ищешь свою Алагёз, никак не успокоишься.

Честно говоря, слова Агазаде заделали меня:

– Почему ты так говоришь? У нас много достойных людей. Просто их притесняют. Кого-то убирают, кого-то в тюрьму сажают...Иные, убегая от преследований,

бросают дома и уезжают в другие страны. А разве есть другой выход? Ведь правду говорят: пока лев докажет, что он лев, с него три шкуры спустят. Все только и думают, как бы прокормиться, кусок хлеба заработать. Трудно он даётся нам. Скотина и то лучше живёт. С утра пасётся на пастбище, а вечером сытая домой возвращается. Да ещё по головке её гладят, когда в стойло загоняют. А у нас и живот пустой, и голова бита. И перед людьми стыдно, и перед Аллахом. Нам даже ад не страшен, потому что мы его на этом свете видим. Нет справедливости, мы неправы. А если кто требует свои права, ему быстренько язык укорачивают. Пустословы, лжепатриоты кричат: «Родина, Отчизна», но это только пустой звук. А на деле ничего нет. Им-то что? Это простые люди голодают, их дети погибают. Они ведь прежде, чем что-то сделать, не думают о последствиях. А проходит 2-3 года, и видят – да, ошиблись мы.

И не стыдятся этого, не просят прощения у народа – а наоборот, его же обвиняют во всех смертных грехах. И ничего им не бывает за эти ошибки, всё сходит с рук.

В последнее время мы больше болтаем, чем делаем. И я в том числе. Есть такая присказка: бежал как-то заяц по лесу. Видит – лиса ему навстречу. Лиса остановила зайца и спрашивает: «Куда бежишь, косою?» Заяц, оглядываясь, отвечает ей: «Разве не слыхала, рыжая, что в лес комиссия с проверкой пришла. У кого три уха, одно отрывают. Лиса смеётся: «А чего тебе-то бояться, дурак? У тебя ж два уха». А заяц в ответ: «Я-то знаю, но они странные такие – сначала ухо отрывают, а потом уже считают».

Мой иранский друг покачал головой и сокрушенно вздохнул.

В десять утра мы вышли из дома. Как Агазаде и говорил, скачки должны были начаться ближе к полудню. А до этого времени люди осматривали лошадей и делали ставки. Народу было очень много – яблоку негде упасть. Я и не знал, что в Иране так велик интерес к скачкам. С трудом достав билеты, мы протиснулись на свои места.

Я внимательно всматривался в каждую лошадь, но их отделяло от нас большое расстояние. Все были как на подбор. Немного погодя скачки начались. Вокруг меня люди больше всего обсуждали лошадь под номером 10. Из разговоров я понял, что она уже несколько раз побеждала.

Как я уже сказал, лошади стояли далеко от нас, и поэтому их номера трудно было различить.

Уже в первом же забеге золотисто-рыжая лошадь под номером 10 вырвалась вперед. От криков болельщиков закладывало уши. Зрители наблюдали за скачками стоя, и я ничего не мог толком увидеть. Только когда скакуны равнялись с нашей трибуной, удавалось их разглядеть. Та же рыжая лошадь продолжала нестись впереди всех. Она не скакала, а летела, как стрела, выпущенная из туго натянутой тетивы. Сердце ёкнуло – это, наверняка, моя Алагёз. Однако точно этого я утверждать не мог, так как расстояние было слишком далеким. От волнения меня прошиб холодный пот, сердце в груди колотилось так, что казалось, его биение должно быть слышно всем, если бы не шум вокруг.

Как бы подойти поближе? – подумал я. И не в силах больше томиться неизвестностью, стал локтями прокладывать себе дорогу вперед, толкая всех, кто попадался на пути. Наконец, я подошел поближе к барьеру. От лошадей меня отделяло лишь железное ограждение. Не было сомнений, что в этот раз я смогу как следует разглядеть лошадей.

Я дрожал, как осенний лист, и до боли сжимал костяшки пальцев.

Лошади приближались... О, Господи – вот же она, моя Алагёз, сомнений быть не может! Правда, грива покорооче, словно постригли её. Ну по хвосту-то я точно её узнаю, у Алагёз был такой красивый длинный хвост. Опять не повезло – хвост у лошади оказался скручен в узел. Жаль, что с моего места был виден лишь правый её бок. А метка – клеймо с буквой «Г» должно быть на левом боку, который был виден лишь с дальнего конца поля, когда лошади делали круг.

Нет, больше терпеть я уже не мог. Поэтому, как только лошади поравнялись с нами, я громко позвал: «Алагёз!» Лошадь, скакавшая впереди всех, наострила уши, но не остановилась... И знаешь, что произошло потом? Скажу – не поверишь... Клянусь жизнью своего единственного сына, когда лошади, сделав круг, стали скакать в нашу сторону, рыжая, поравнявшись с нами, высоко вскинула морду и так громко заржала, что волосы встали дыбом на голове. У меня уже не оставалось ни малейших сомнений – да, это она, моя несравненная Алагёз. Поэтому я ещё раз громко, что было сил, крикнул: «Алагёз!» ... Брат, словами не передашь всего. Это надо было видеть...

Алагёз остановилась, как вкопанная, прямо напротив меня и громко заржала. Господи, чего только она ни вытворяла. Кружилась на месте, громко ржала. Я подбежал к заграждению, вцепился пальцами в железные прутья. Теперь мы хорошо видели друг друга. Жокей что было сил натягивал уздечку, бил шпорами по бокам, но всё было напрасно. Лошадь не двигалась с места. Уздечка была натянута так сильно, что ещё чуть-чуть, и удила разорвут пасть несчастного животного. Глаза Алагёз, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

Я не мог совладать с собой. Ведь я нашел на чужбине то, что годами искал на родине. Сердце готово было разорваться в груди. Я едва сдерживал слёзы, а бедная лошадь, как сумасшедшая, кружилась на месте. На скачках стало твориться что-то невообразимое. Все повскакали со своих мест и возмущенно кричали. Ведь столько людей сделали свои ставки на Алагёз, и теперь, не понимая, что происходит, они накинулись на меня. Неудивительно, ведь на кону были большие деньги, и Алагёз почти что пришла к финишу первой... Теперь же люди, потеряв свои деньги, жаждали проучить меня, как главного виновника.

Паника царила не только среди людей, но и среди животных – лошади сбились в одну кучу, чуть ли не сталкиваясь мордами. Они били копытами, громко ржали, вставая на дыбы. Те, кто был подальше, спешили на помощь своим соплеменникам. Всё смешалось вокруг.

Меня окружили со всех сторон. Возмущенная толпа начала пинать меня, обызывать последними словами, кто-то бросил на голову кулек с семечками.

Спасибо Агазаде – он буквально вырвал меня из рук разъяренной толпы. Если бы не он, меня бы просто растерзали. Агазаде, заслонив меня грудью, объяснил ситуацию и попросил, чтобы меня оставили в покое.

Многие хорошо знали Агазаде. Как я уже говорил, он пользовался большим уважением в городе. Поэтому толпа расступилась, и я вздохнул с облегчением. На самом поле тоже столпились люди – это были близкие и друзья владельцев скаковых лошадей.

Я едва стоял на ногах, но не мог оторвать глаз от Алагёз. Несколько человек, взявшись за уздечку, пытались оттащить несчастное животное. Алагёз упиралась, то отступая назад, то вырываясь вперёд. Кое-как её, наконец, увели.

В это же время подоспели полицейские. Маленького роста рыжеватый мужчина, показывая на меня пальцем, что-то сбивчиво стал говорить им на фарси. Агазаде попытался объяснить ситуацию полицейским, но они не стали слушать его. Меня затолкали в патрульную машину. Агазаде, попросив разрешения, сел рядом со мной.

А мне всё было нипочём. Наверное, даже, если бы меня резали, я бы не почувствовал. Все мои мысли были рядом с Алагёз. Машина ускоряла скорость, но звонкое ржание Алагёз от этого не становилось тише, оно словно застряло в моих ушах.

Агазаде сидел мрачнее тучи. Пригнувшись ко мне, он тихо прошептал мне на ухо:

– Баба́, плохи твои дела. Тебя посадят.

Но эти слова не испугали меня, мне было безразлично, что со мной сделают. Да и в чем я виноват? Никого не убивал, банки не грабил. Ведь это у меня украли лошадь, я за ней приехал – вот и всё.

Машина остановилась перед двухэтажным зданием. Двое полицейских, взяв меня за руки, отвели в участок. За столом в кабинете восседал высокий, бородатый офицер. Мои провожатые что-то долго ему объясняли. Офицер обратился ко мне с каким-то вопросом. Я обернулся, ища глазами Агазаде. Но того в комнате не было.

Посмотрев в глаза офицеру, я непонимающе пожал плечами – мол, не знаю вашего языка. Один из полицейских что-то сказал ему. Офицер кивнул головой в знак согласия. Полицейский тут же вышел из кабинета и спустя минуту вернулся с Агазаде. Увидев друга, я очень обрадовался. Ведь я ни слова не понимал на фарси и от этого чувствовал себя беспомощным. Когда мой иранский друг вошел в кабинет, офицер привстал с кресла и протянул ему обе руки. Затем предложил ему сесть. Увидев, какое уважение оказывают здесь Агазаде, я немного успокоился и невольно улыбнулся. Подумал – раз они друзья, это поможет моему делу.

Агазаде долго о чем-то говорил с офицером – не трудно было догадаться, что он рассказывает мою историю.

Чутье не обмануло меня – слова Карабах, Баку, звучавшие в разговоре, подтвердили мои догадки. Агазаде говорил очень эмоционально, горячо. Его голос звучал то громко, то тихо и грустно. Казалось, он читает строки ясына из Корана. Звучание его речи напомнило мне голос муллы на поминках.

Офицер внимательно слушал, и лицо его то мрачнело, как туча, то прояснялось, как небо после дождя. Не соврать – наверное, около часа они так проговорили. Точнее, говорил главным образом Агазаде. Лишь один раз офицер кивком головы распорядился подать мне стул. Его немой приказ был тут же исполнен.

Агазаде закончил свою речь, и офицер коротко что-то сказал ему. Потом оба встали со своих мест, и мой иранский друг обратился ко мне:

– Гасан-гардаш, я всё рассказал господину офицеру. Он – мой близкий друг. Хочет помочь нам. Но дело очень серьезное. У нас не в пример вам, закон есть закон. Пока идет разбирательство, ты останешься здесь. Не беспокойся, с тобой будут обращаться как с гостем. Проблема в том, что инцидент на ипподроме дошел до начальства. Пока дадут разъяснения, пройдет какое-то время. Не волнуйся, я каждый день буду навещать тебя.

Агазаде попрощался со мной и хотел было уйти, как я окликнул его:

– Прошу тебя... Ты и так много сделал для меня. Позволь побеспокоить ещё одной просьбой. Узнай, пожалуйста, как Алагёз очутилась в Иране.

Друг посмотрел на меня с улыбкой:

– Гасан-джан, мог бы и не говорить. Я и так собирался всё разузнать, потому что мне и самому это интересно. Клянусь, та сцена на скачках всё ещё у меня перед глазами.

Агазаде попрощался с офицером и ушел.

Меня отвели в другое помещение, где были все необходимые удобства.

Стемнело, и на душе стало ещё тоскливее. Маленькая комната давила на меня. Я всю ночь думал об Алагёз. Сердце сжималось от жалости к бедному животному. Каково ему там?

Наутро в мою комнату пришел врач. Рядом с ним был молодой парень, переводчик. Доктор поинтересовался, нет ли у меня каких-либо жалоб на здоровье. Я ответил, что всё в порядке, хотя это была неправда. До утра болело сердце. Я массировал его, но, конечно, толку от этого не было. С ужасом подумал: «Не приведи Господь, умру вдруг на чужбине. Кто меня тут искать будет». Но, слава Аллаху, всё обошлось, боль потихоньку отпустила. Затем врач поинтересовался, как меня кормили. Я вновь ответил, что нормально, жалоб нет. А про себя подумал: «Смех, да и только – как будто меня в санаторий определили, здоровье поправлять. Не надавали «шаллагов» (ударов плеткой) – и на том спасибо». Я был наслышан, что в Иране нарушителей правопорядка по закону бьют плетьюми, аж до синяков на спине.

Я попросил переводчика перевести, что всё отлично, я всем доволен и счастлив. Доктор кивнул головой, и оба покинули мою комнату с чувством исполненного долга.

До вечера больше никто не заходил ко мне. Я заскучал – ведь Агазаде обещал прийти, почему же не сдержал обещания? Может, что-то случилось? Я вспомнил его слова, сказанные в машине:

– Баба́, плохи твои дела. Тебя посадят.

Только сейчас я осознал всю серьезность своего положения. А что если меня посадят? Никто ведь и не узнает, что со мной. Государство обо мне и не вспомнит. Больно я им нужен. Таких, как я, тысяча. И даже если со всеми нами что-то случится, оно и пальцем не пошевелит. Наоборот, еще порадуются, что меньше пособий надо выплачивать.

Ночь прошла в бессоннице. На душе было так тоскливо, что не хотелось жить. Дали бы только в последний раз погладить холку Алагёз, поцеловать её в глаза – а там пусть хоть казнят!

Казалось, утро не наступит никогда. Я метался по маленькой комнатке из угла в угол, пока ноги не заболели. Эта ночь была, наверное, самой длинной в моей жизни.

Наконец, забрезжил рассвет. Я с нетерпением уставился на дверь. Примерно около девяти часов дверь открылась. Мне принесли завтрак, но я даже не притронулся к нему. Кусок в горло не лез.

Ближе к полудню пришел дежурный. Он повел меня к вчерашнему офицеру. Зайдя в кабинет, я тотчас же увидел и Агазаде. На душе сразу полегчало. Хотел было спросить у него – почему же ты вчера не пришел? Я весь извелся от ожидания.

Но постеснялся высказать эти мысли вслух. Ведь Агазаде имел полное право сказать мне: «А кто ты мне вообще? Брат или сват, чтобы я ходил за тобой по пятам?»

И офицер, и Агазаде поздоровались со мной за руку. Друг спросил, как мои дела, и я только пожал плечами – мол, какие тут могут быть дела? Хуже некуда.

Агазаде, немного помолчав, сказал:

– Вижу, ты обеспокоен. Поверь, весь день вчера я бегал, даже голову некогда было почесать. Сейчас тебя отпустят на несколько дней. Положение очень серьезное. Из-за тебя понесли убытки как рядовые граждане, так и государство. Люди требуют назад свои деньги. Спасибо добрым людям, что помогли. Особенно моему старому другу Садигу, – сказал он, кивнув головой в сторону офицера. – А что касается твоей лошади, поговорим об этом дома.

Мы попрощались с офицером, которого, как выяснилось, звали Садиг, и пошли домой.

На душе словно тяжелый камень лежал, к тому же сильно болела голова. Неудивительно – ведь я двое суток не спал. Тоска по дому, события последнего дня окончательно выбили меня из колеи.

Когда мы пришли домой, я попросил Агазаде позвонить сыну в Баку. Наверняка, домашние волнуются за меня.

Агазаде взял телефон – не прошло и минуты, как нас соединили.

На звонок ответила невестка. Услышав мой голос, она даже расплакалась:

– Где вы, дядя Гасан? Мы все извелись от беспокойства. Куда только Ахмед ни звонил в Иране... А что с Алагёз? Есть какие-нибудь новости?

Я ответил:

– Не беспокойся, дочка. Скажи Ахмеду, пусть больше никуда не звонит. Я здоров, всё в порядке. У меня здесь остались кое-какие дела. Как только завершу их, приеду обратно. Алагёз я нашел. Расскажу подробности при встрече, когда приеду. В общем, передавай всем привет.

Поговорив с домом, я немного успокоился. Затем посмотрел в глаза Агазаде. Тот сразу понял, о чем мне не терпится спросить, и не стал томить ожиданием.

– Да, Гасан-гардаш, дело обстоит следующим образом. Когда вы, побросав свои дома, бросились бежать из Кяльбаджар, сверкая пятками, армяне начали мародерничать и тащить всё, что приглянется. Короче, твоя лошадь попала в руки одному армянскому офицеру. А у того в Тебризе дядька живет. Так вот – этот самый дядька как раз в то время, когда вашу деревню захватили, гостил в Армении. Увидел он твою лошадь, и очень она ему понравилась. Попросил он своего племянника подарить ему её, потому что его сын интересовался лошадьми. Короче, подарили ему лошадь, и привез он её с собой в Тебриз. По их словам, она никак не хотела признавать новых хозяев, долгое время никого к себе близко не подпускала, лягалась. Потом немного смягчилась, успокоилась, как и вы, – вполшутку-вполусерьез сказал иранец, с усмешкой глядя на меня.

Мне нечего было возразить на это справедливое замечание:

– Ты прав, брат. Так оно и есть. Мы, люди, хоть и сознательные существа, но забыли всё, что с нами сделали враги, все свои беды... забыли покинутые земли, могилы родных, близких... Что же взять с бессловесного животного?

Агазаде, выслушав мою горькую тираду, продолжил:

– Значит, сейчас твоя Алагёз – у сына того самого армянина. Его зовут Ашот. Он выигрывает на всех скачках. Твоя Алагёз, можно сказать, озолотила его. Я лично с ним говорил. Мерзавец даже слушать меня не хотел поначалу. Он зол на тебя из-за того, что ты сорвал скачки. От злости прямо слюной брызгал, как бешеный пёс. Ну я сказал ему: «Знай, с кем разговариваешь». Тот и сбавил спесь.

Когда я предложил ему продать лошадь, тот взвыл, словно ему хвост дверью прищемило. Долго я с ним говорил, и так, и сяк. И знаешь, что он под конец мне заявил? Говорит, где это видано, чтоб армянину в руки попало что-то, а он потом это добровольно вернул? Из разговора с ним я понял, что этот негодяй ни за что не вернет тебе лошадь. Запомни это. К тому же, сам знаешь, – эти мерзавцы не возвращают награбленное. Их Господь создал по подобию кукушек, которые откладывают яйца в чужих гнездах. Добром они ничего не отдадут. Долго мы пререкались с этим армянином. Наконец, я добился, чтобы он разрешил тебе хоть повидаться с Алагёз. Знал, что ты не уедешь, не повидав её. Он согласился при одном условии: чтобы ты частично возместил понесённые им убытки. А для этого суд должен вынести приговор. Так что придётся подождать ещё пару деньков.

Услышанное очень расстроило меня. Как будто весь мир рухнул в один миг. Агазаде попытался утешить меня:

– Не отчаивайся. На всё воля Аллаха. Говорят, после черной полосы в жизни обязательно наступает белая.

Но эти слова не только не утешили меня, а только подлили масла в огонь:

– О чём ты говоришь? Разве на такое может быть воля Аллаха? Где это видано, чтобы у тебя украли самое ценное, а потом ещё и денег требовали взамен разрешения посмотреть на пропажу через глазок. Я больше не в силах это выносить. Сердце разрывается.

Агазаде попытался успокоить меня:

– Баба́, имей терпение, не волнуйся так. Что было – то прошло и болью поросло... Потерпи немножко, посмотрим, что будет. А насчет денег не беспокойся, я всё оплачу.

Признаться, когда я думал о том, сколько сделал этот, по сущности чужой человек для меня, я готов был от стыда сквозь землю провалиться.

Прошло два дня.

Наконец, суд вынес решение. Если перевести сумму штрафа, к которому меня приговорили, на манаты, то на эти деньги можно было бы купить не одну лошадь, а целый табун.

Ближе к полудню мы пришли в полицейский участок.

Агазаде отдал начальнику полиции решение суда и квитанцию об оплате штрафа. Пробежав глазами по обозначенной там сумме, начальник аж присвистнул и нахмурил брови.

Провожая нас, он что-то сказал Агазаде и посмотрел на меня. Лицо моего иранского друга вмиг покрылось багровыми пятнами. Я понял, что речь идет обо мне. Интересно, что мог сказать обо мне начальник полиции? Может, посоветовал Агазаде не бросать денег на ветер? Ведь, наверняка, человек, не ценящий свои земли, не оценит и его благородство. Подумав об этом, я покраснел ещё больше, чем мой друг.

Я попросил Агазаде не мешкать и, если это возможно, пойти проведать Алагёз прямо сейчас. Хоть на пять минут, а потом я уеду.

Ни слова не говоря, Агазаде взял меня под локоть и вывел на улицу. Мы сели в такси и направились в дом армянина. В действительности его и домом нельзя назвать. Это был целый дворец. Мы нажали кнопку звонка. Дверь открыл худощавый мужчина средних лет. Агазаде что-то сказал ему на фарси. Мужчина быстро пошел в дом. Где-то через минуту он вернулся и пригласил нас пройти во двор. Наверное, это слуга, – подумал я. Да, хорошенькое дело – армянину в Иране прислуживает иранец. Впрочем, у нас всё было в точности так же. Азербайджанцы в Баку арендовали квартиры у армян.

Мы прошли во двор. Это был не двор, а райские кущи с бассейном, экзотическими цветами, павлинами, разгуливающим по саду. Прах на наши головы – мы зарабатываем в поте лица, а кто-то отнимает у нас заработанное, грабит нас и живет, как у Христа за пазухой. А мы только грызёмся друг с другом... В центре двора стояла небольшая беседка. Там сидели двое. Я догадался, что это Ашот и его жена. Предположение оказалось верным. Ашот протянул руку Агазаде и поздоровался с ним. Меня же не удостоил даже мимолетным взглядом.

Они о чем-то переговорили. Затем мы все вместе направились к конюшне, расположенной в дальнем конце двора. О том, что это конюшня, мне сообщил Агазаде. Сам я ни за что бы не догадался, так как постройка тоже была под стать дому – такая же нарядная, помпезная.

Когда мы приблизились к двери конюшни...

Гасан-киши замолчал, не в силах продолжать рассказ. Дрожащими руками он вытащил из кармана телогрейки мятый, засаленный носовой платок. Скомкал его в ладони. По всему было видно, что он сильно волнуется, и я приготовился услышать что-то очень печальное.

Помолчав минуту и справившись с волнением, Гасан-киши продолжил свой неселый рассказ:

– Только мы приблизились к двери конюшни, как оттуда донеслось ржание. Я узнал голос Алагёз. Значит, она почуяла меня. Когда я толкнул дверь и зашел внутрь, она заржала ещё громче. О, Господи, я не верил своим глазам – передо мной стояла моя красавица Алагёз! Всё было, как прежде, – отливающая золотом грива, пушистый хвост до земли, гордая осанка, взгляд, как у газели...

Забыв обо всём на свете, я упал перед ней на колени и обхватил тонкие лодыжки. Клянусь могилой предков – хочешь верь, хочешь нет: лошадь тоже опустилась на колени, положила морду мне на плечи и так тихо заржала, словно это был её последний вздох. Я обхватил её шею, поцеловал в глаза. Я вдыхал её родной до боли запах, а вместе с ним и запах родной земли – ведь Алагёз покинула Кяльбаджар после нас. Её кожа словно ещё сохранила аромат родины.

Лошадь, тыкаясь мордой мне в лицо, под мышку, тихонько фыркала. Я поднялся, Алагёз тоже встала на ноги. Я никак не мог наглядеться на неё, всё гладил и гладил по длинной шее, упругой холке. Пальцами расчесывал рыжую гриву. Из глаз Алагёз катились слёзы – такое мне довелось видеть лишь несколько раз в жизни: у верблюда, собаки и голубя.

Эта сцена растрогала даже окружающих. Я услышал позади себя приглушенные рыдания. Обернувшись, увидел, как плачет молодая жена армянина. Агазаде, незаметно утирая слезы на глазах, отвернулся в сторону. Плечи его сотрясались от сдерживаемых рыданий.

Ашота же в конюшне не было. Он ушел.

Словами не передать моего состояния. Я трясся словно в лихорадочном жару. Как сумасшедший метался по конюшне, разговаривая то ли с Алагёз, то ли сам с собой. И неудивительно – ведь в эту минуту я обладал всем, что считал потерянным. Алагёз на этой чужой земле была для меня всем.

Увидев мое состояние, Агазаде погладил Алагёз, взял меня под локоть и тихонько шепнул:

– Ну, будет тебе. Пошли.

Я вновь обвил шею Алагёз руками. Она положила морду мне на плечо, словно почувствовав момент разлуки. Я, не поворачиваясь к ней спиной, медленно побрел к дверям. Поняв, что я ухожу, лошадь встала на дыбы и так заржала, словно пыталась снести стены конюшни. Я в последний раз посмотрел на неё. О, Господи, никогда не забуду этих огромных глаз. Казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Ноздри Алагёз от волнения раздувались, как кузнечные меха.

Выйдя из конюшни, я попытался взять себя в руки, чтобы не показать армянину своих слёз. Но это плохо удавалось мне – то и дело рыдания сотрясали грудь.

Сердце разрывалось от доносившегося из конюшни ржания Алагёз. Оно не прекращалось ни на минуту.

Во дворе жена Ашота, схватив его руку, что-то объясняла со слезами на глазах. Склонив голову на плечо мужа, она стала плакать. Я догадался, что молодая женщина о чем-то просит его. Но тот, грубо оттолкнув её, прошел в дом.

Рыдающая женщина схватила стакан, стоявший на столе в беседке, со злостью швырнула его на землю и плюнула вслед мужу.

Мы вышли на улицу. Мне казалось, что в роскошном особняке армянина мне не хватало воздуха. Я глубоко вдохнул, и мне стало немного легче. Не укоряй меня – это облегчение подарила мне Алагёз. И в то же время сердце разрывалось от разлуки с ней.

Я всё ещё слышал её голос. Бедное животное... какие муки выпали на её долю из-за меня горемычного.

Сев в машину, мы поехали домой. Я попросил Агазаде проводить меня, пора ехать домой. Он упрасивал меня задержаться ещё на пару денёчков. Но я твердо решил ехать, так как знал – чем дольше я здесь пробуду, тем тяжелее будет и мне, и Алагёз. Лошади ведь очень ранимы и чувствуют душевную боль сильнее людей. Чем дальше я буду от Алагёз, тем спокойнее ей будет.

Иранский друг не стал возражать и проводил меня до пропускного пункта. Расставаясь, я попросил у него прощения за причиненные неудобства. И ещё сказал, что постараюсь как можно быстрее вернуть долг.

Агазаде похлопал меня по плечу, заверив, что не стоит волноваться из-за денег. Всё, что он сделал, он делал от чистого сердца. Мы обменялись телефонными номерами. При расставании он ещё раз повторил:

– Я ещё раз попытаюсь сделать всё возможное.

– Не мучай себя зря. Эти мерзавцы никогда просто так ничего не возвращают. Не в их это натуре.

В Баку я приехал поздно вечером. Обнял домашних – мы так соскучились друг по другу. Немного отдохнув, рассказал им всё, что со мной приключилось – вот как сейчас тебе рассказываю.

Вслушав эту печальную историю, и сын, и невестка долго молчали. Потом Ахмед подошел ко мне. Сел рядом на диван и положил руку на плечо:

– Отец, за эти годы ты столько выстрадал... Похорони прошлое. Что было – то прошло. Какой смысл беречь душу воспоминаниями? Прошу тебя, забудь. Что касается денежного долга, не беспокойся – постепенно я верну деньги Агазаде. Он многое сделал для тебя, Аллах ему в помощь.

Я ничего не ответил, только покачал головой. На самом деле мне и нечего было сказать. Ведь сын правду сказал.

Наутро сын отправил немного денег в Иран, на адрес Агазаде.

Прошла неделя. Как-то вечером мы сидели за ужином. Неожиданно раздался телефонный звонок. Сын поднял трубку – звонок был из Ирана. Услышав это, я рывком вскочил с места – невестка даже вздрогнула от неожиданности.

Дрожащими руками прижал трубку к уху. Так и есть – звонил Агазаде. После расспросов о здоровье и погоде он сообщил, что получил деньги, добавив: «К чему такая спешка? Я же вас не тороплю».

Про себя я подумал – не знаю, как там у вас принято, у нас же спешка в таких делах лучше задержки.

Агазаде некоторое время молчал, словно подбирая слова. Потом с грустью в голосе сообщил: «Алагёз умерла вчера. Об этом мне сказал Ашот. К тому же он собирается подать в суд на тебя, так как считает, что это ты виноват в смерти лошади».

Дальше я уже не слышал ничего. В глазах потемнело. Как слепец я провёл рукой по стене. Прислонился, чтобы не упасть. Казалось, сердце остановилось в груди. Мне было больно дышать. Ахмед, подхватив меня под локоть, усадил на диван. Кажется, я даже не попрощался с Агазаде... Но какое это теперь имеет значение?..

Бедная моя Алагёз – выходит, не выдержала она разлуки, умерла от тоски. А я? Потеряв всё, что у меня было – землю, дом, родных и близких, не сумев даже похоронить жену... я продолжаю жить, дышать, влачить жалкое существование!

И после этого вы будете утверждать, что я – человек разумный, а она – неразумное животное?

С той минуты время словно остановилось для меня.

Прошли недели, месяцы. Не было мне покоя в городе. Стал я просить Ахмеда подыскать мне домик в деревне. Сын и невестка сначала ни в какую не соглашались – мол, живи у нас, чем тебе здесь плохо? Но я настаивал на своём, и в конце концов они были вынуждены согласиться. Не хотел я со своей изболевшейся, исстрадавшейся душой портить им жизнь. Ведь они – молодые, им ещё жить да радоваться жизни. А я? Только мешал бы им...

Дальше ты знаешь... Сын подыскал мне место в вашем районе.

Вот такие дела, братец. Такая печальная у меня история. Целую книгу написать можно...

Теперь я один-одинешенек хожу-брожу по белу свету, небо копчу только... Отцы наши говорили: «Если ты мужчина, у тебя должно быть три ценности: жена, папаха и конь».

Мертвую жену я оставил в деревне, даже не похоронил... Папаху потерял, когда бежал, спасая свою жизнь. А лошадь... отдал в руки врагу. Вот Аллах и наказал меня за мои грехи. Я уже на этом свете терплю муки, которые уготованы были на том свете.

Одно только меня держит на этой брэнной земле. Ожиданием живу я... Наверное, через четыре месяца исполнится мое заветное желание. Вот потому и купил я этого жеребца. Уж больно похож он на мою Алагёз в детстве. От себя не отпускаю, так мне спокойнее. Может, и настанет скоро тот самый день.

– Какой день, Гасан-киши? – заинтересовался я. – Наверное, ты ждешь день освобождения Кяльбаджар?

– Нет, братец. Не об этом я. Не этот день я жду. Не будет этого, пока кяльбаджарцы и все беженцы будут сидеть, сложа руки, и ждать, что кто-то другой вместо них пойдет на врага, отвоюет их земли, а они босиком побегут в родные края. Никто этого за нас не сделает. Кто-то жизнь отдаёт за Родину, шехидом становится, а мы... разулись и держим туфли в руках, чтобы быстрее добежать до дома. Уповаем на милость Аллаха. Нет, так не бывает. Не верю я. Много воды ещё утечёт, наверное... А я другой день жду. Потом поймешь...

Стемнело. Холодное дыхание осени, забравшись за шиворот, леденило тело. Ноги затекли от долгого сидения на траве.

Мы поднялись с земли. Гасан-киши отвязал жеребца, погладил его по холке и тяжело вздохнул. Потом, попрощавшись со мной, погнал стадо домой.

Наступил второй месяц весны. Всё кругом цвело и зеленело. Воздух постепенно прогревался.

Как-то вечером я вновь встретил Гасан-киши, которого давно не видел. Он очень изменился. За каких-то четыре месяца он словно постарел на несколько лет. Жеребец тоже подрос, превратился в статного коня. Мы немного поговорили о том-о сём. Где-то очень глубоко в помутневших от пережитых страданий глазах Гасан-киши словно тлел едва видимый уголёк. Как-будто лучик света пытался пробиться сквозь завесу туч. Непонятно было, погаснет ли этот огонёк или...

Чувствовалось, что Гасан-киши хочет поговорить, но не решается.

Да и я хотел спросить: что же за день такой, который он с нетерпением ждёт. Но при виде его грустных глаз вопрос, готовый сорваться с языка, так и застыл на губах. Не хотелось бередить его душу расспросами. И я промолчал. Обменявшись ничего не значащими фразами, мы попрощались.

Прошло ещё несколько дней.

Я шел мимо пастбища и вдруг увидел мальчонку лет одиннадцати-двенадцати, который верхом на лошади пас скотину. Подойдя поближе, я узнал в лошади повзрослевшего жеребца Гасан-киши. Поздоровавшись с мальчишкой, поинтересовался, где Гасан.

Вытирая нос рукавом, тот ответил:

– Так умер ведь дядя Гасан.

– Как это? Когда?

– Второго апреля, в полночь, повесился в конюшне... А этого коня он ещё при жизни обещал мне отдать. Я ведь помогал ему. А коня моего Алагёз зовут.

Сказав это, мальчишка потянул уздечку, и конь резво сорвался с места.

Я стоял как вкопанный, не в силах пошевелиться. Думал – почему Гасан-киши повесился 2 апреля? Неужели он ждал приближения этого дня? Что произошло 2 апреля?

Я терялся в догадках, ничего не понимая.

Нет, не случайно ведь он выбрал эту дату. Наверняка, с ней было что-то связано. Но что? Беда с этой забывчивостью, прямо настоящая национальная беда какая-то.

В это время мальчишка, пришпорив коня, обернулся и словно в ответ на мои мысли закричал:

– Дядя, а знаешь, почему Гасан-киши 2 апреля повесился? Ты что, забыл? Это день оккупации Кяльбаджара...

Разорванные, искалеченные судьбы, горе, смерти, неизбывная тоска. Война, одним словом. Спросите у любого человека: хочет он войны? В большинстве случаев он ответит – нет. И все же, как ни трагично, может сложиться ситуация, когда человек скажет: да, я согласен пойти на войну для того, чтобы изменить существующую невыносимую трагическую ситуацию. В случае, когда враги захватили ваши земли, убили и взяли в плен ваших родных, стерли с лица земли ваши следы пребывания на этой земле, чтобы убедить весь мир, несмотря на очевидные факты, историю, что это не ваш дом, что вам нет места на вашей родной земле, тогда в душе у изгнанников наряду с тоской поселяется гнев. Так и случаются войны. В современную эпоху война ведется на многих фронтах. Один из важных фронтов – информационная война. Правда может быть на вашей стороне. Но это не главное. Очень сложно, иногда просто невозможно достучаться до людей, у которых свое сложившееся мнение обо всем, что происходит в мире. Раз и навсегда сложившиеся мифы очень сложно переломить. В мировом сообществе у больших наций есть младшие братья, сестры, друзья, можно называть их по-разному, нации, не имеющие мощного государства. В нашем, конкретном случае, мы, азербайджанцы, долгое время оставались в информационной блокаде. Наши соседи, армяне, захватившие наши земли, в этом отношении намного более удачливы. Франция, великая Франция называет Армению своей младшей сестрой и относится к ней соответственно. Вполне понятная позиция, учитывая влиятельную армянскую диаспору. Однако правда о войне в Карабахе просачивается тоненькими ручейками и во Францию.

Предлагаем вашему вниманию новеллу Гийома Жана, побывавшего в Азербайджане и сумевшего проникнуться болью наших обездоленных людей, оценившего благородство и мужество людей, сберегших карабахскую породу лошадей, редких по красоте, выносливости и смелости.

ГИЙОМ ЖАН

Новелла из сборника «Новые новеллы Азербайджана» под редакцией Мишки Ассаяса (Mishka Assayas). Издательство Intervalles, 2016 год.

SARILAR, Одиссея

Перевод Гюлюш АГАМАМЕДОВОЙ

Табун хлынул из впадины на равнине, тридцать или сорок горячих лошадей, рыжие, отливающие янтарем, почти красные, появившиеся одна за другой, скачущие, словно в титрах вестерна, с наостренными ушами, живым взглядом. Их шаг одновременно легкий, вольный и уверенный, и если они начинают идти рысью, кажется, что они сейчас взлетят: разве карабахские лошади не славятся своей гордой поступью, задором, выносливостью, щедростью и веселым нравом? Они – кузены арабских чистокровок, такие же изящные, маленькие, их ноздри словно раздуваются при усилии, чтобы позволить вдохнуть больше воздуха, потому что это лошади солнца. И огня: из всех их характеристик более всего запоминается пылающий цвет. В Азербайджане их называют SARILAR, золотистые.

Табун появился из степи, как ни в чем не бывало, неожиданно, почти случайно, свободный, сильный, позволяя себе шум ноздрей, топоча серую землю и желтую траву, приводя в движение белые камни под волной копыт. Редкий табун, драгоценный. Осталось всего семь или восемь тысяч таких лошадей медового цвета в азербайджанском государстве. Семь или восемь тысяч выживших в этой стране, формой, напоминающей дефис между Европой и Азией, на чудесной земле, расположенной на окраинах русской, турецкой и персидской империй. Или скорее семь или восемь тысяч

потомков выживших. В начале 90-х годов XX века порода карабахских лошадей чуть не угасла, заложница бесконечного территориального конфликта. Порода унаследовала название от Нагорного Карабаха, расположенного на юго-западе Азербайджана в горах Малого Кавказа; это ее колыбель. Сегодня изрезанный рельеф оспаривают как азербайджанцы, которые его населяют, так и армяне, селившиеся здесь на протяжении веков со своими церквями, культурой и историей. В 1991 году, когда Советский Союз разорвался в клочья, горный анклав, расположенный внутри азербайджанской территории, самопровозглашает независимость – с тем же успехом можно самопровозгласить войну и предоставить слово огнестрельному оружию, старым танкам Красной Армии, которые надо было вновь использовать, поскольку они все еще годны, как и штурмовые винтовки Михаила Калашникова или ракетные пусковые установки «Град». С тем же успехом можно самопровозгласить, что люди должны умереть в боях либо убежать вместе с семьями. Тысячи беженцев пускаются в путь между 1991 и 1993 годами: 400000 с армянской стороны, 800000 с азербайджанской стороны и столько же порушенных жизней. Сегодня Нагорный Карабах пребывает в состоянии войны, мир не был подписан, но война заморожена, потому что бои прекратились. Обе армии противостоят друг другу, а дипломатические переговоры буксуют.

Они происходят оттуда, эти замечательные лошади, проходящие перед нами. Их родители оттуда. Они проделали длинный путь до Шеки. Зажили новой жизнью у подножия другой горы. Но, похоже, что их «рубашка» не такая красная, похоже, что трава не такая питательная и подходит им меньше. Это говорит Мехман, сторож легендарного табуна, одинокая душа с лицом, испещренным тремястами морщинами, на голове выцветшая кепка; челюсть, отягощена восьмью золотыми зубами, его единственным богатством. Под ним благородная кобыла, он ездит без седла, скромно расположившись на шкуре барана. Он свистит и ругается, подгоняя опоздавших, одновременно считая глазами каждую лошадь, чтобы убедиться, что все на месте. Мехман рассказывает, что он гонит своих лошадей каждый вечер в загон из камней и кустарника из-за волков, что бродят по пшеничным полям.

– Когда они голодны, они спускаются с горы в надежде полакомиться жеребенком или буйволенком.

Пастух отмахивается от мухи, севшей на щеку, вытирает пот, спускающийся со лба вплоть до плеч.

– Вы хотите знать историю карабахских лошадей? Те, кого вы видите, в большинстве родились здесь. Но их родители преодолели путь из Агдама. Приходите завтра в конный центр, они смогут вам рассказать лучше, чем я.

15 июня 1993 года пять мужчин вызволили около 300 лошадей из горного анклава Нагорного Карабаха, когда бомбы падали в их сады, и враги могли разрушить их дома, но только не их лошадей. Отряд отправился из конезавода в Агдаме, основного центра разведения этой породы.

В советскую эпоху, когда Москва превратила Азербайджан в одну из своих республик-сателлитов, выносливость и быстрота этих лошадей использовалась в особенности на конных скачках; заводчики в это время скрещивали их с английскими чистокровными лошадьми, большими по размеру и более быстрыми. Скрещивание делали без всяких расчетов, по-гусарски. *По-козацки*, если хотите. Моторизация деревень во всех случаях сократила полезность этих союзников крестьян и сельчан. Однажды, это случилось в 70-е годы, заметили, что почти не осталось чистокровных карабахских лошадей. Конному заводу в Агдаме доверили спасение породы, в некотором роде ее восстановление.

Но началась война, вздыхает Эльман Гадиров, директор конного центра в Шеки. Он принимает в своем кабинете, скромной и небранной комнате, окном выходящей на загон, где скачет галопом красный жеребец. Эльман прерывает вздох, следя глазами за чудесной лошадей, и восклицает:

– Посмотрите, как он красив! Полюбуйтесь его силой! Вы заметили? Ни капли пота!

Старая женщина, чья голова повязана цветастым платком, приносит нам очень крепкий чай в маленьких, расширяющихся кверху стаканчиках, затем неистовый Эльман возобновляет свой монолог. Он тоже из Карабаха, он со страстью рассказывает о лошади, гордости его края.

– Верховое животное гибкое, управляемое, смелое и даже доброжелательное, у него есть все качества для игры в човган, вы знакомы с игрой човган? Это национальный спорт. Что-то вроде дедушки поло. В нее играют так же, с мячом и деревянной клюшкой. Спорт для ловких, лошади должны резко останавливаться, кружиться, а затем удаляться галопом.

Директор вновь делает паузу, чтобы посмотреть на красного жеребца в загоне, глотает чай, обжигается и продолжает разговор также увлеченно:

– А их масть! Говорят, что первый карабахский конь, ступивший на французскую землю, принадлежал азербайджанской княгине, которая привезла его в Париж, чтобы представить на всемирной выставке 1876 года. Замечательный жеребец, завоевавший медаль в том году. Говорят еще, что его грива медового цвета так понравилась парижанкам, что они кинулись в парикмахерские салоны, чтобы выкрасить волосы в тот же цвет; они продолжают это делать? А? Вы хотите поговорить об их исходе? Красивая история. Красивая история, славная и грустная. Лучше вам поговорить с моим дядей Кямилем, потому что это он привел коней из Карабаха. Да, да, он самый, с четырьмя другими всадниками. Конечно, вы можете с ним встретиться. Только он живет далеко отсюда. Подождите минутку.

Эльман Гадиров вытаскивает мобильный телефон из кобуры, нажимает на несколько клавиш, обменивается приветствиями, на секунду опускает трубку, чтобы спросить, когда мы свободны. Я: Завтра? Он: Нет, завтра суббота, мой дядя не сможет.

– Тогда послезавтра?

– Послезавтра – это воскресенье. В понедельник?

Договорились, встреча назначена на полдень понедельника.

– Вы увидите, дяде Кямилю 75 лет, но у него память слона. Его будет сопровождать сын, он тоже участвовал в этой одиссее.

Это дает мне немного времени, чтобы погладить лошадей конного центра и подготовить вопросы, которые я хотел бы задать. Не каждый день встречаешься с героями, я не думал, что это будет так просто. *Какое снаряжение вы взяли с собой? Почему вы решили уйти? Вы ехали ночью? Я хочу все знать. Какого цвета была луна? Слышали ли вы волков? Останавливались, чтобы поспать? Проходили через русла рек? На заре была ли роса? В вас стреляли? Было жарко, как сегодня? Пшеницу уже собрали? Дорога пахла весной? Вы чувствительны к запаху папоротника? О чем говорил пейзаж? Вам было страшно? Вы курили? Какие сигареты? Вы склонны к ностальгии? Вам попадались серны?* Надо проиграть всю сцену. Надо всё разузнать, чтобы увидеть масштаб этого необыкновенного приключения. Всё, и в особенности детали. *Какая ваша любимая птица? Любите ли вы фотографии? Какое у вас седло? Как вы думаете, человек может умереть от горя? Вы читаете стихи? Любите больше море или горы?* Я ничего не знаю из истории, которая меня преследует, как наваждение, ничего об этом импровизированном Ноевом ковчеге. Чтобы скорей прошло время, я выстраиваю вопросы в определенном порядке. Кто сказал, что война – это дерьмо?

– Мы выехали из Агдама 14 или 15 июня 1993 года. В понедельник, кажется. Или вторник. Бои приблизились к городу. Шум от снарядов оглушал, стены тряслись, окна ломались. Наши семьи уехали в поисках убежища, но мы не знали, что делать с лошадьми. Два жеребенка родились накануне, одна кобыла родила прямо утром.

Мы не могли уйти оттуда так скоро. И потом, мы все еще верили, что война не продлится долго, что скоро все уладится. В тот день я спорил с соседом, мы разговаривали у обочины дороги. Сосед говорил, что не боится и останется, чтобы не случилось, как вдруг на нас обрушился огонь, упал снаряд метрах в тридцати, и соседа разорвало осколками. Он погиб в грохоте металла, умер на моих глазах, и меня, безусловно, ожидала такая же судьба, если бы моя лошадь не отошла в сторону. И вот, в пять часов пополудни сосед умер ни за что. Он стоял, он был гордым, он не хотел покидать свою землю. Вот тогда мы решили уехать, уехать не мешкая. Я вернулся в конюшню, и мы объявили об отъезде. В тот день мы работали впятером. Четверо сели в седло, и мы собрали лошадей.

Это говорит Кямиль Гадиров. У него голубые глаза, светло-голубые, как небо на заре, усы тщательно подстрижены. Он сидит в чайном доме на обочине дороги и не снимает соломенной шляпы с волос с проседью. У него нет нескольких зубов, клетчатая рубашка застегнута до воротничка. Его сын Сахават сидит рядом с ним: у него такие же небесно-голубые глаза, немного грустные, меланхоличные и руки такие же большие, как и у отца, внушительные, загорелые, спокойно лежащие на столе, иногда подрагивающие. Их машина, античный «Жигули» кремового цвета, припаркована рядом под инжировым деревом. Сын, в свою очередь, рассказывает:

– У нас ничего не было, только рубашка на теле, платок на шее и нож в кармане. И наша **парақ**, наша шапка из бараньей шкуры, чтобы защитить голову, в случае грозового дождя. Наш отец посоветовал нам взять с собой железную плоску и скатать одеяло, положив его за седла, потому что мы не знали, сколько продлится путешествие. У нас больше ничего не было.

14 или 15 июня 1993 года 280 лошадей конезавода в Агдаме пустились в большой спешке в сомнительное путешествие, погоняемые пятью потными всадниками, которые кричат, не знают, куда идти, где спать, смогут ли они увернуться от бомб. самого старшего зовут Аббас Акбаров, ему 57 лет, он зоотехник, самый старший из заводчиков и присутствовал при рождении большинства жеребят табуна. Затем идет Кямиль, ему 53 года и его сын Сахават, которому в то время было всего 23 года. Еще два работника конезавода Сабир Ахмедов и Хосров Гасанов, 30 и 36 лет, замыкают шествие. Каждый взял по палке, чтобы направлять непокорных кобыл, им много надо успеть, потому что все происходит в беспорядке. Жеребята испуганы, их матери делают вид, что будут лягаться, чтобы защитить их. Но нужно уходить без промедления, и тогда татарские *(во французской культуре так часто называют азербайджанцев – Г.А.)* ковбои кричат громче и ударяют дубинками по крупам, они делают круги галопом, чтобы повести дикое сообщество в одном направлении, к северу. Когда они покидают Агдам, наступают сумерки, светло, но свет запачкан пылью, большой спиралью коричневой и горячей пыли, зарождающейся от топота копыт по летней земле. Мужчины защищают лица платками, чтобы не наглотаться пыли, и прищуривают как можно больше глаза, но, тем не менее, пыль проникает и заставляет их кашлять. Она заставляет их плакать, без сомнения. Да, она заставляет их плакать, глаза слезятся, и караван пускается в путь. Удары копыт звучат далеко впереди и далеко позади и заставляют дрожать землю, звук колокольчика гремит, как поток, и тяжелая поступь каравана эхом отдается на сотни метров. Дядя Кямиль идет впереди с главными лошадьми, вожаками табуна, Сахават занял место по одну из сторон. Он оборачивается, но ничего не видит из-за пыли, он не видит вершин гор, оставленных за спиной. Молодой человек даже не может различить Сабира и Хосрова, в десяти метрах, но он все же оборачивается, сидя в седле, это сильнее него. Потому что он знает, что мы уехали слишком быстро: Сорушма осталась в Агдаме, Сорушма, кобыла, родившая в это утро. Сорушма и ее жеребенок, которых они там оставили. Новорожденный потерялся бы в табуне. Или поранился бы в панике, во всех случаях он не мог идти. Из-за него все бы задержались. Кямиль сказал, что надо их оставить, что они придут за

ними позже, когда найдут надежное место, и когда у жеребенка будет больше сил. Звук разрыва снаряда послышался вдали, совсем далеко, но все-таки его было слышно. Задрожал воздух, и все шумы затихли, дыхание прервалось. Один жеребенок заржал, чтобы спросить, что происходит на этой земле, другие шумно дышат ноздрями. Лошадям нужно время, чтобы успокоиться. Они потеряны.

Долгий поход продолжается. Смотри, лошади теперь кажутся не такими нервными, может даже показаться, что они послушно идут вперед. О, надо еще поторопить тех, кто медлит в низине, где пучки травы, надо помешать им поворачивать шею в направлении загона, куда все хотят вернуться, чтобы успокоиться. Но лошади уже не такие нервные, и табун идет вдоль ряда тополей: тени ложатся под последними лучами солнца, жара утихает, затем спускаются сумерки, чтобы уступить ночи, укутывающей картину изгнания, пейзаж, мужчин и лошадей. Остался лишь шум копыт, перекрывающий звук сверчков. Остались лишь звезды, зажигающиеся одна за другой. Остались печаль и беспокойство.

Табун идет шагом уже три часа, а кобыла Сорушма все бежит в голове Сахавата. Молодой человек задается вопросом: а если в нее попала ракета? Что станет с жеребенком, если его захватят армянские солдаты? Он едва замечает луну, поднявшуюся позади него и покрывшую самую высокую вершину горы. Луна круглая, щедрая, заполонившая окрестность своим бледным и холодным светом. Сахават словно отсутствует, его корпус машинально следует за поступью лошади, о чем он думает? Может, о своей любимой Севиндж, на которой он должен жениться через три месяца? На которой он должен был жениться через три месяца. А если он думает о Севиндж, тогда он думает и о брате Севиндж, ставшем солдатом и убитом в бою 19 дней назад. Печаль земная. Сорушма! Сорушма! Кобыла возвращается, укладываясь в его мозг. Сахават сердится на себя за то, что оставил ее. Чем больше он об этом думает, тем больше у него решимости вернуться за ней, пусть под пулями. Молодой человек воодушевляется. Он должен немедленно поговорить с отцом. Он сжимает ноги, и его лошадь делает восемь или девять шагов галопом, затем останавливается рядом с Кямилем. Молодой человек скажет ему о своем решении поехать за кобылой и ее жеребенком, прямо сейчас, чего бы это ни стоило. Вот что мы можем сделать, отец, мы могли бы стать лагерем прямо сейчас, вы меня здесь подождете, я вернусь за Сорушмой ночью, спокойно, без спешки и вернемся так быстро, как сможет ее жеребенок. Мы к вам присоединимся до зари. Сын хочет все это сказать, но удерживается, глядя на красные глаза отца, припухшие веки и сжатый рот. О, он никогда прежде не видел его плачущим. Он тоже грустит, но в этом нет его вины. Он не знает, как утешить отца, тогда сын пускает лошадь шагом, рядом. Бесплезно говорить, отец понял, и отцу нет необходимости отвечать сыну, что тому надо остаться, пока лошади не уйдут подальше от места боев. Они едут вперед, без ненужных слов, мысли каждого из них в тревожном ожидании в пыли, сгущающей ночь. В полночь табун прибывает в Gülcülük. Деревушка безмолвна, за исключением злого лая нескольких собак, но это не беспокоит караван, потому что, начиная с этого участка, земля под защитой солдат азербайджанской армии. Они в надежном месте, можно даже остановиться, чтобы передохнуть. Табун идет медленнее, зоотехник Аббас нашел обширный луг, где все могли бы провести ночь при свете луны. Об остальном позаботятся завтра. Лошади фыркают, некоторые катаются по еще теплой земле, другие пьют из реки, текущей по краю поля. Сахават возвращается к отцу.

— За четыре часа табун прошел только 20 километров, я вернусь в Агдам меньше, чем за час, кобыла еще свежая, посмотри, посмотри, отец, потрогай ее шею, она даже не вспотела.

Кямиль колеблется, потому что все же его сын едет туда, где война, и перед ним картинка его соседа, изрешеченного железом; как он устал от всей этой тоски, от всех умерших, но в то же время он гордится его смелостью. И ехать недалеко, 20 кило-

метров. И потом, разве они не несут ответственности за всех лошадей конезавода?

Сахават повернул уздечку и пустил свою кобылу в галоп, в тихий галоп. Он проходит дорогу в обратном направлении, останавливаясь один раз у ручья, чтобы напоить кобылу, дать ей передохнуть и посмотреть на звезды. А потом ученик Дон Кихота уезжает крупной рысью, сердце его стучит так же сильно, как и копыта по каменной дороге. Не столько от страха, сколько от возбуждения и гнева или от спешки, в подобных ситуациях большой опасности невозможно все распознать. В ста метрах от конезавода Сахават удерживает свою кобылу, пускает ее шагом, тихо, никогда не знаешь, чего ждать. Строения кажутся пустыми и холодными, оружейная стрельба затихла, слышны сверчки. И сова. И трескотня насекомых. Именно так, ночь бурлит, как ни в чем не бывало, не зная, что с ней происходит. Парень слушает стрекочущую тишину, пока его кобыла не заржала в сторону Сорумы. Та сразу же отзывается, мечется в своем загоне, возбуждается. Сахават приближается к ней, это я, он говорит с ней нежно, ласкает ноздри, трет щеку, чешет холку и прикладывает голову к ее шее, чтобы успокоить ее, да, это я, не беспокойся. Жеребенок чувствует себя хорошо, он лучше стоит на ногах, как он окреп за несколько часов! Не задерживаясь, Сахават привязывает лонжу к недоузду Сорумы и выводит ее, увлекает в тень деревьев, позаботившись о том, чтобы она ступала по траве, чтобы звук ее копыт не отдавался эхом на зацементированной аллее. Ее жеребенок следует за ней. Они прибывают под сень первой рощи, и все становится спокойным, чудовищно спокойным.

О чем ты думаешь, Сахават? Тебе так нравилось жить в Агдаме, этой ночью город безмолвен, заморожен, мертв. Обычно начало лета наполнено тысячью обещаний, щедрым солнцем, золотящим и оглушающим всю округу, шепотом между природой и беспечностью, голубыми вечерами, криком ласточек и чудесным полетом жаворонков, утешающим во всем, но этот июньский вечер похож на конец осени, город застыл, и ты догадываешься, что лето больше не принесет веселой меланхолии, довоенного упоения. Однако тебя зовет жизнь, когда Сорума тянет лонжу: ее жеребенок хочет молока, надо остановиться ненадолго. Температура умеренная, и луна в зените благосклонно следит за вами. Мы живы, мы еще живы. Нужно воспользоваться этим. Подул легкий ветерок, чуть раньше зари появился свет за холмами, еще бледный свет, что затопит скоро унылый рельеф сухой местности. Сахават приближается к лагерю: он вначале почувствовал теплый и сладкий запах табуна, острый запах, запах срезанного сена, свежего навоза, запах кожи, усиленный росой. Сахават подходит ближе и различает неподвижный силуэт. Это отец, он ждет его. Он ждал его всю ночь.

Путешествие не закончилось, нужно оставаться смелыми. Путешествие длится шесть месяцев и даже больше, уточняют отец и сын, оба сидящие в **chaikana**, доме чая. Лошади остаются три дня неподалеку от Gülcülük, мужчины не спешат двигаться вперед, потому что они надеются не сегодня-завтра вернуться в Агдам. Но бои с каждым днем все сильнее, и караван вынужден продолжить свое бегство. Местами дорога переполнена беженцами: все идут в одном направлении. Семьи пешком с детьми на плечах, другие на лошадях, кто-то – на машине, из тех, у кого она есть. А те, у кого осел, едут на осле. А те, у кого бараны, гонят их впереди себя по дороге. А те, у кого ничего нет, засунули руки в карманы или помогают тем, кому сложнее. Элементарная солидарность. Лошади из Агдама отказываются идти вперед в этой давке, они вращают глазами, они не быки, но всадники их подгоняют либо угрожают им палками. Они делают несколько ежедневных переходов от 20 до 30 километров, идут вдоль пшеничных полей – некоторые из полей сжаты, другие нет, громадный комбайн оставлен на опушке леса. Они идут по пологому склону, оставляя все дальше за собой гору, по унылой равнинной земле. Заросли, чертополох, камни, кузнечики, мошки. Комары с наступлением ночи. Кямил молча размышляет. Однажды вечером он прищипывает свою лошадь, чтобы она поднялась на возвышение, откуда он окидывает

взглядом удаляющиеся вершины Карабаха. Как если бы он попрощался с ними. Когда я еще увижу тебя, чудесный край? Перед ним красные крупы и золотистые шеи идут вперед, как один человек в их плюмаже из пыли, устремленные вперед чудесной энергией их храбрых сердец, бьющихся в унисон. Вокруг серая земля, бедная, безликая, однако они уходят в эту унылую степь. Кямилль сплевывает, прочищая горло.

– Люди из Министерства сельского хозяйства указали нам на бывший совхоз в Евлахе, – рассказывает он. – Туда мы должны идти. Они сказали, что там мы найдем большую овчарню, чтобы разместить наших лошадей. Овчарню.

Они прибывают туда, в овчарню Евлаха. Они наконец прибывают туда, грязные, с натруженными мускулами. Ни одна лошадь не поранилась в пути, им есть чем гордиться. Всадники пьют речную воду, грызут хлеб и твердый сыр, купленный на деньги, которые унесли с собой, все их деньги. Они покупают арбузы у маленьких продавцов по краям дороги – у тех же, что мы встречаем и сегодня, растянувшихся на металлической кровати в тени дуба или липы; иногда они дарят арбузы, настолько вид красных лошадей, спускающихся с гор, потрясает, незабываемый спектакль разбивает сердце.

– Мы надеялись вернуться в Агдам, – повторяет Камилль. – Мы все еще надеемся. – Он опускает голову, чтобы потереть глаза и под столом сын толкает его коленом, чтобы он не растрогался.

– Надо было сторожить лошадей все ночи, – рассказывает сын. – Надо было сменить друг друга для охраны. Почему? Потому что лошади, естественно, хотели вернуться в Агдам. У них была ностальгия, у них тоже.

Мужчины и лошади оставались три месяца в овчарне Евлаха, три месяца влетней печи сухой травы. Все исхудали. У них не было денег на еду, выживали с помощью еды, раздаваемой правительством беженцам. Другие вопросы? Табун пробыл три месяца в Евлахе, прежде чем уехать на север в Шеки, где земля лучше, пейзаж немного похож на пейзаж Агдама. Отдаленно. Там они понимают, что стали беженцами, что нигде не будут на своем месте, пока не вернуться в свои горы в Карабахе. Полуденное солнце прогуливается между столами чайханы. У Кямили перехватило горло, руки дрожат, он предпочел бы не ворошить воспоминания. Вопросы? Нужно ли все еще искать черта в деталях? Позднее табун продолжит свою одиссею вплоть до Баку, на этот раз на грузовиках. Десять грузовиков надо обустроить, чтобы поместить всех лошадей, в несколько поездок в оба конца. Но возможно ли за короткое время найти корм для трех сотен лошадей на земле, где на поверхность выходит нефть, и где трава низкорослая и бедная. Невозможно получить все сразу. Еще вопросы? Две пары небесно-голубых глаз теряют терпение, надо сейчас заканчивать.

– Ни один армянин не может сказать, что он захватил лошадь из Агдама, – говорит Кямилль в качестве заключения. – Мы всех их спасли. Ни одна из лошадей не поранилась в пути, – добавляет Сахават, – мы гордимся этим. Даже Сорумша и ее жеребенок смогли проделать весь путь. Еще вопросы? – двое мужчин извиняются, что должны уйти так скоро, – понимаете, мы живем далеко, дорога плохая, нам надо покормить животных, мой брат болен.

Что осталось от этой эпопеи? Говорят, что карабахская порода возрождается. Большинство спасенных лошадей собрали на конезаводе в Лемберане, на границе анклава Нагорного Карабаха, и сотни маленьких жеребят родились после исхода 1993 года. Несколько кобыл остались в Шеки, они стали родоначальницами фантастической орды нового зачина. Кямилль и Сахават не занимаются больше лошадьми, они кружатся по своему клочку земли, ведут жизнь изгнанников и каждую ночь видят сны о своем возвращении в Агдам. Что осталось от смелого вызволения? Отец и сын попрощались, забытые герои с грустными светлыми глазами, они попрощались и уехали в своем кремовом «Жигули», оставив позади себя тонкий завиток белой пыли...

КЯМРАН НАЗИРЛИ

Моя драгоценная память

Рассказ

Перевод Пюсте АХУНДОВОЙ

Соседские ребята, пришедшие встречать вернувшегося домой из госпиталя гази, резвились, размахивая трехцветными флагами, и время от времени то порознь, то хором кричали: «Карабах – это Азербайджан!», «Слава нашему гази!» «Шехиды бессмертны, Родина неделима!»

Была среди дышащей безмятежной радостью толпы, состоящей из соседей и родственников, девушка небольшого роста, в белоснежном покрывале; она не смеялась, не размахивала руками, а стояла смущенно за толпой, рядом с соседскими женщинами и смотрела на ликующих, время от времени подправляя белую маску, соскальзывающую с ее маленького округлого носика и открывающую взорам некрашенные губы. Ее глаза, виднеющиеся над маской, словно стали ярче, а в угасшем в последние месяцы взгляде проснулась улыбка. С тех пор, как скользкий и безнравственный мир был охвачен пандемией вируса, даже в сельской местности людям не разрешалось выходить на улицу и находиться в местах скопления людей без масок. Но сегодня мало кто был в маске; толпе было не до этого – вся деревня собралась здесь, чтобы встретить героя села – отважного **гази**, героя 44-дневной войны.

Невозможно было равнодушно смотреть на пожилую женщину, стоящую среди толпы, – ее засеребрившиеся волосы беспорядочно выбивались из-под черного платка, окаймленного алыми цветами, глаза, покрасневшие от слез радости, блестя, а лицо светилось гордостью. Женщина была матерью гази. Она обнимала сына, улыбающегося, как невинное дитя. Близкие и родственники один за другим подходили, чтобы обнять и поцеловать парнишку. Кто-то поднял руки к чистейшему небу деревни (в деревне и земля, и небо чисты!) и взмолился:

– Хвала Всевышнему! Слава Тебе, Господи! Ай, Месме, слава Богу, вернулся твой мальчик домой, живой и здоровый!

Ворота были открыты настежь; серая «Волга» въехала во двор, полный людей. Высокий бородатый мужчина (видимо, из близких к семье людей) тащил с пастбища, стирающего до подошвы зеленых гор, к машине, под ноги гази барашка с красной ленточкой на шее. Теплые, ласкающие землю лучи зимнего солнца отражались в глазах барашка; глаза животного гневно пламенели, казалось, оно гипнотизировало бородатого худого мужчину, не желая быть принесенным в жертву. Наконец, барана зарезали, одна из пожилых женщин обмакнула палец в кровь и помазала лоб гази; кто-то даже зажег пучок руты от дурного глаза и дунул душистым и дымным запахом в лицо пареньку. А паренек беспомощно улыбался, глядя всем в лицо, словно впервые за девятнадцать лет входил в этот дом, видел так много людей и слышал шум-гам.

Одна из соседских женщин повернулась к девушке в маске:

– Бедная Месме! Горе-то какое! Хорошо еще хоть руки-ноги на месте. Говорят, память тоже со временем восстановится...

– Конечно, конечно, – уверенно прошептала девушка.

– Ей-богу, даже не верится, – подключилась к беседе другая соседка, съезжившаяся от холода. – Говорят, каких только врачей ни привозили, все без толку. Погляди, как смотрит на людей, как малахольный... Начисто память отшибло...

Чуть поодаль молодая женщина в черной маске и очках громко говорила стоящему рядом представителю муниципалитета:

– Видите ли, Мамед-муаллим, потеря памяти обычно свойственна пожилым людям. Зачастую они тащат с собой в будущее тягостные воспоминания молодости, и уже в старости отвечающие за память центры мозга не выдерживают этого груза...

Девушка в белой маске тотчас обернулась назад и заметила, что сотрудник муниципалитета внимательно смотрит на толпу, однако кивает женщине, словно понимает все сказанное ею. Женщине было примерно тридцать-тридцать пять лет, очевидно, она была не местная, видимо, прибыла из города. «Худющая, как тростинка! Если бы не теплая черная куртка на ней, можно было подумать, что она годами живет впроголодь!» Девушка в белой маске наострила уши, как кошка.

– Конечно, это одна из многих причин, – продолжала приезжая женщина. – Положение Ильхама Теймурова совершенно отличается. Может, так даже лучше пока – мозг немного успокоится; ведь он еще молод, у молодых нет груза тяжелых мыслей... Они должны очищать свой мозг от негатива и двигаться к будущему с приятными воспоминаниями...

Девушку охватило любопытство, смешанное с тревогой. Немного спустя, она долго (и кто знает, с какими чувствами) смотрела вслед сотруднику муниципалитета и женщине в черной маске, покинувшему толпу и удалившемуся в неизвестном направлении, усевшись в черную «Ниву».

А в сравнительно спокойном уголке двора отец гази был занят более серьезным делом – давал интервью корреспонденту местного телевидения.

– Будь у меня десять сыновей, клянусь Богом, всех десятерых отправил бы на фронт! Главное – положить конец этой тридцатилетней тоске по родине и освободить наши земли...

– Победа далась ценою крови наших доблестных сынов и шехидов, – перебила его журналистка в рваных на коленях джинсах, не давая пожилому мужчине закончить мысль. – Вы собираетесь обратиться в фонд «YAŞAT» с целью получения поддержки для лечения вашего сына?

– Нет, доченька, – торопливо ответил отец, видимо, не до конца поняв суть вопроса. – Спасибо нашему государству и врачам, они сделали все возможное. Он деревенский паренек, здоровье крепкое, ничего с ним не станется. Даст Бог, и память восстановится.

Третьего ноября на пути в Шушу в пяти шагах от него взорвался российский снаряд; осколки пробili его тело в нескольких местах, самый крупный осколок попал в голову. После этого он ничего не помнил: ни то, как был доставлен на плечах боевого товарища в полевой госпиталь, ни оказанную ему первую медицинскую помощь, ни то, как его везли на вертолете в Баку, ни слов сокрушенно качающей головой медсестры: «Везите в морг, он мертв!», ни, в конце-то концов, крика совершенно случайно схватившегося за его запястье в коридоре госпиталя врача-турка и его распоряжения несущим его санитарам: «Стойте! Везите его обратно, в хирургию!» Он не очнулся даже после нескольких операций – впал в кому.

Через сорок дней, когда он открыл глаза, весь госпиталь ликовал. Все радовались, но эта радость длилась недолго: выяснилось, что раненый никого не узнает, ничего не помнит. Нейрохирург из Измира сказал отцу раненого:

– Такое случается у большинства пациентов, вышедших из комы, и память постепенно возвращается к ним... однако может и не вернуться...

С того дня его семья переживала смешанные чувства; радость сменялась гордостью, грусть – надеждой, сожаление, боль и страдания порой озарялись верой, а порой стенания матери, проклинающей весь свет, не давали покоя семье.

Это случилось, когда сын не узнал ее; он то постоянно всем улыбался, то глядел подолгу в потолок, то издавал отрывистые звуки, бредил и спал по многу часов. Странно, что в эти минуты Месме проклинала не армянских, а русских матерей. Казалось, женщина обезумела от горя. А местные газеты и сайты тем временем писали о гази, распространяли новости о его боевой доблести, орденах и медалях. Наконец, он узнал своих родителей, но больше никого и ничего не мог вспомнить. Он забыл, где он находится, даже недавнего прошлого своего вспомнить не мог. И Отечественную войну, и своих друзей, павших смертью храбрых у него на глазах, и как громили вражеские танки и окопы, как водружали трехцветный флаг в освобожденных ими районах, как его боевые друзья, ликующие от радости после каждой победы, пели и танцевали... он забыл все и всех.

После шумного торжества, едва стало темнеть, гости разбрелись по домам. Деревня вновь погрузилась в привычную глухую тишину, рожденную ясностью последней ночи зимы.

Дом с красной черепицей и застекленным балконом был построен в старинном стиле с видом на озеро Ловайын¹. Семья была небогатой, одной из миллионов простых крестьянских семей, которые не могли отрешиться от повседневных бытовых забот. В задней части двора они разбили цитрусовый сад площадью около четырех соток, упирающийся в подножия холмов. Каждый год, в канун зимы, плоды, собранные в саду, скупали по оптовой цене прибывшие из районного центра торговцы. Семья жила за счет доходов от сада. Еще за несколько месяцев до войны отец, отправляя сына на военную службу, сказал жене:

– Если урожай будет богатым, построим дом для Илиша в дальнем конце двора, а потом и женим. Нельзя приводить невесту в тесный дом.

– Дай-то Бог! – согласилась Месме.

Для гази выделили небольшую комнату справа, окно которой смотрело на горы. Все три его сестры спали в средней комнате, а родители разместились в комнате, прилегающей к кухне. Не очень просторный застекленный балкон в передней части дома заменял гостиную. Обычно семья проводила здесь большую часть времени.

В понедельник утром к ним пожаловала вместе с председателем местного муниципалитета и давешняя врач-психотерапевт.

– Добро пожаловать! Дай Бог вам здоровья! Мальчик как будто в зимнюю спячку впал. Наверное, скоро проснется... Проходите, прошу, – пригласила мать гостей в дом.

– Не беспокойся, сестра! Это хорошо, что он много спит, – сказал председатель муниципалитета с видом знающего человека и сразу же представил горожанку: – Фарида-ханым прибыла из Баку, какое-то время проработает в нашей больнице. Она из волонтеров...

– Очень хорошо, милости просим, доктор! – поприветствовал отец. – Ей-богу, в этой войне каждый нес свою службу, и доктора в том числе... Прошу, проходите, устраивайтесь, приехали издалека, наверняка утомились в дороге, отдохните...

– Нет, нет, что вы, не беспокойтесь, это наш долг. Отважные ребята, вроде вашего Ильхама, заслуживают намного больше внимания и заботы. Лишь бы выздоровел...

– Ох, доктор, мой сын не живет, нет, нет, это не жизнь, а существование... – расстроилась женщина, и набухшие глаза ее вновь налились слезами. – Ночами бредит, разговаривает невпопад, ничего не помнит... никого не узнает. С того дня, как приехал, всего один раз назвал меня «мамой». Джан, сынок, джан, хоть бы Бог меня забрал!

– Хватит причитать, женщина, не позорь нас при гостях! Пойди, принеси чаю! – одернул ее муж.

¹ Искусственное озеро в южной зоне, созданное для орошения.

Все три сестры, войдя в комнату, с интересом рассматривали молодую женщину-врача.

– Какие у вас замечательные девочки, храни их Аллах! – сказала психотерапевт, глядя на детей.

– Спасибо, доктор, дай Бог вам здоровья! – ответила Месме, торопливо направляясь в кухню. Старшая из сестер кинулась за матерью.

Председатель муниципалитета повернул строгое лицо к самой младшей из сестер и спросил:

– А ты почему такая худая, малышка? Ты что, каши не ешь?

Девочка молча опустила голову.

– Как тебя звать? – спросила врач, взяв девочку за руку и поглаживая ее волосы.

– Айтен. А это Айнур.

– Машаллах! Сколько тебе лет?

– Восемь. А Айнур десять лет. А Айгюн будет пятнадцать.

– Ай машаллах! Все-то ты знаешь! – засмеялся председатель муниципалитета.

– А в школу ты ходишь?

– Нет, пандемия ведь. Полиция не разрешает... И Айнур не ходит. А Айгюн маме помогает.

Отец семейства вошел в комнату с подносом, полным фруктов.

– Это из нашего сада, еще с прошлого года оставил на деревьях, – сказал он, показывая на апельсины и мандарины. – Попробуйте, вам у себя в городе таких не отыскать – экологически чистый продукт без каких-либо удобрений.

Фарида взяла один мандарин, неохотно очистила от кожуры, но есть не стала.

После чаепития председатель муниципалитета ушел, а врач приступила к сеансу. Провожая ее, Месме, ее муж и девочки глядели на нее с надеждой. Фарида не стала говорить домочадцам о том, что первый сеанс прошел неудачно:

– Черепно-мозговая травма – нештучное дело. Пока говорит не ясно, часто путается. Сеансы обязательно помогут, это работа не одного дня.

А сеансы тем временем продолжались. Вот уже более месяца, как больной не произносил других слов, кроме как «папа» и «мама», сестер не узнавал, а тети и дяди словно и вовсе не существовали; посетители – навещающие больного бывшие одноклассники, друзья детства – все, с грустью качая головами, говорили:

– Вряд ли память вернется к нему ...

– И лекарства не помогают, некачественные, никакой пользы от них.

А старые, бывалые женщины села думали иначе:

– Врачи, лекарства – все это чепуха, дорогие. Народная медицина – вот что ему нужно. Либо же везите парня к Сейиду Аге, да буду я жертвой их благословенного рода, увидите, как он быстро поправится.

– Ей-богу, мое дитя не живет! Если не помнит прошлого, значит, не живет, нет у него ни настоящего, ни будущего!

– Лучше и он бы стал шехидом, как мой внук... Так хоть знали бы, что на том свете пребывает в раю! Бедный парень, ни жив, ни мертв... Не жизнь это, клянусь, не жизнь! Так жить невозможно! – Эти слова Молла Ходжатулла сказал на поминках своего внука, и весть об этом дошла до Месме. Несчастливая женщина не могла унять слез.

За день до последнего вторника перед праздником Новруз, когда врач, завершив свой последний сеанс, расстроенная вышла из комнаты газа, Месме сказала:

– Доктор, вы не утруждайтесь более... Вот уже более месяца ходите, и никакого толку. Не мучайте больше ни себя, ни мое дитя.

– О чем вы говорите?! Что вы? Вы его почаще выводите на свежий воздух, пусть нормально питается, и результат обязательно будет.

– Милая моя, не могу я его из дома вытащить. Он замкнулся в себе. Что же мне, горемышной, делать, как мне быть?!

«Даже Книги¹ различают женщин друг от друга. Разве можно сравнивать звезды?» Молодая горожанка сидела в кабинете, выделенном для нее в сельской больнице, и размышляла. Ей думалось, что даже женщин-близняшек – и тех можно отличить друг от друга.

Из разговоров и намеков Месме-ханум в последнее время она пришла к выводу, что между городскими и сельскими женщинами существует значительная ментальная разница; порой сельские женщины, абсолютно не стесняясь и не краснея, говорят все, что думают, прямо в лицо. К примеру, Месме порой и сама не понимает, что говорит, не задумываясь над тем, что обижает всех подряд. «Да, да, ее психическое состояние сильно пошатнулось. Другая бы на ее месте вообще умом тронулась... А может, и нет. Мы много учимся, они много знают». В такие моменты Фариды злилась и на себя, из-за безрезультатности лечения. «Разве мало сегодня наших гази, ветеранов, нуждающихся в психотерапии? Каждый из них требует отдельного подхода». Порой Фариде казалось, что жизнь до войны и жизнь после войны в корне отличаются друг от друга. Война выворачивает жизнь наизнанку. Да и она сама словно былинка, занесенная в село внезапно взбушевавшимся городским ветром. А ведь она была врачом-победителем страны-победительницы, причем одной из лучших в своей сфере. «Так отчего же не смогла вылечить гази? Ни один из моих методов лечения не помогает. Нет, завтра же уеду отсюда».

Среди путающихся мыслей молодой женщины было также немало вопросов; эти вопросы терзали ее, и порой Фариде казалось, что все вокруг, как все ее существо, полыхает огнем. «Ведь мы победили в войне! А разве победитель не проливает кровь? Разве не несет потери, не теряет храбрых сынов? Разве не имеет и гази, и храбрецов, и трусов, и предателей, разве не испивает также горькую чашу потерь?» До войны у нее даже в мыслях не было этого, ведь они отправлялись на правый бой – улыбаясь, с высоко поднятой головой, с огромным энтузиазмом и воодушевлением отправлялись изгнать врага со своей родной земли. Они имели на это право, и они это право завоевали! «А затем жизнь абсолютно меняется, и ты начинаешь думать не о приобретениях, а сожалеть об утратах... В особенности, если среди ушедших были близкие тебе люди. Я не осуждаю и мать гази. Те, кто говорит, что война закаляет человека, делает сильным, бессовестно лгут. Кто сказал, что война – это еще и внутренний покой, умиротворение? Какой там покой, какое к черту умиротворение? Враг еще не повержен...»

С каждым днем состояние гази все более и более ухудшалось; Месме не могла сдерживать слез, глядя на поникший стан своего сына. Бывали дни, когда она словно разум теряла, носилась по двору как угорелая, бранила и жалила то дочерей, то случайно заглянувших к ним соседей, а порой металась и плакала навзрыд. Муж, пытается успокоить жену, говорил:

– Не плачь при ребенке! Перестань, возьми себя в руки, вон сколько людей и вовсе потеряли своих детей, твой хотя бы живой вернулся. Все только и говорят о храбрости и доблести нашего сына, государство наградило его орденами-медалями, газеты, телевидение вещают о нем. Нас чуть ли не поздравляют...

– Вот уж повезло, так повезло! Лучше бы наш сын без руки, без ноги вернулся, а не без памяти.

Между мужем и женой часто случались такие разговоры.

В селе было немало женщин, думающих так же, как она. Матери шехидов рассуждали примерно так же. «Из одной маленькой деревушки полегло двенадцать молодых ребят! Матери провожали их на войну с напутствием «Со щитом или на щите». Вот они и стали шехидами, но победу завоевали.

¹ Подразумеваются Тора, Библия и Коран.

Месме сама рассказывала доктору Фариде, что покрытый трехцветным флагом гроб внука того самого Моллы Ходжатуллы на кладбище несла на плечах его мать. Да и зять ее золовки тоже стал шехидом, его гроб несла на плечах его жена...»

Каждый раз по возвращении от газа Фарида подолгу размышляла о том, не вернуться ли ей в город.

Внезапно ей стало душно в комнате. Она подошла к окну, чтобы распахнуть его, как вдруг сзади раздался какой-то звук.

Кто-то очень робко стучался в дверь. Молодая женщина отвлеклась от своих мыслей и повернулась к двери. В дверь снова тихонько постучали.

– Кто там? Заходите... – сказала она громко.

– Доктор, здравствуйте! – заговорила бледная девушка небольшого роста, войдя в кабинет. – Простите за беспокойство. Я решила прийти к вам сюда для серьезного разговора.

Хотя врач и не скрыла своего удивления, однако приятное, привлекательное личико девушки пробудило в ней симпатию, и она заинтересованно ответила:

– Слушаю вас.

– Меня зовут Илаха.

– Очень приятно, Илаха. В чем дело? Вас что-то беспокоит?

– Нет, это личный вопрос, Фарида-ханым...

В комнате повисла тишина.

– Видите ли... я хочу сказать... человек никогда не забывает ту, что безмерно любил...

– Верно...

– Я... мы учились с ним в одном классе. Мы... мы любили друг друга. Когда он уехал в армию... он сказал мне...

Девушка снова замолчала. Какое-то время врач и девушка молча смотрели друг на друга.

Глаза Фариды внезапно заискрились, взгляд оживился, душа затрепетала, как бабочка... В эти минуты ей словно подарили дорогой подарок, а она со сладостным и нетерпеливым интересом пыталась его вскрыть.

– Илаха, я понимаю, я тебя прекрасно понимаю.

– Спасибо. Я хотела узнать, как он, есть ли хоть какая-то надежда?

– А почему же сама не сходила и не поинтересовалась?

– Как же мне туда пойти? Его мать меня недолюбливает... Она наметила в жены для сына свою племянницу, а та убежала с другим и вышла за него замуж... А мы любим друг друга.... Клянусь Богом, у меня предчувствие, что если он меня увидит...

В комнате повисла глубокая тишина, и никто не желал ее нарушать. Фарида, немного поразмыслив, улыбнулась, быстрыми шагами подошла к девушке и решительно заявила:

– Завтра я сама тебя туда отведу. Пойдешь со мной?

– Пойду...

Утром первого дня праздника, когда доктор вместе с Илахой вошли во двор, Месме скривила губы и шепнула мужу:

– А эта чего явилась?

– Ну пришла... не гнать же ее...

Гази, увидев их, быстро встал и потер глаза. Казалось, перед ним сверкнула молния и все его существо пронзило током. Его глаза засияли.

– Погляди, кто пришел, – улыбнулась врач.

– Ильхам, ты узнал меня? – Илаха сняла маску, шагнула вперед и встала у табуретки, стоящей перед ним.

Гази уставился на девушку; его взгляд постепенно разгорался, смягчался, словно что-то таяло в глубине его зрачков; на девушке было голубое платье, длинные черные волосы она, как школьница, заплела в две косы, которые повязала белыми ленточками, а в руках держала школьный портфель, как будто только что вышла с занятий. Она, открывая портфель, взволнованно сказала:

– Гляди, что я тебе принесла! – и стала доставать содержимое портфеля и складывать на табуретку перед ним. Там лежали кялагаи¹ молочного цвета, с фиолетовой каймой, солнцезащитные очки в розовой оправе, турецкий парфюм с надписью «Бахчисарай», маленький, разноцветный альбом для фотографий, написанное от руки письмо на клочке бумаги и бусы из искусственного жемчуга...

Парень взволнованно воскликнул:

– Илаха!

Девушка сжала его руку в своих руках.

– Ты узнал меня!

– Как я мог тебя забыть?

– Да, первую любовь не так просто забыть...

– Первую и последнюю... – добавил он.

– Скажи, ты помнишь, что сказал мне в школьной библиотеке перед отправкой в армию?

– Я сказал... я обещал... Я верен слову...

Девушка, не обращая внимания на окружающих, кинулась ему на шею и со слезами на глазах воскликнула: «Мой любимый гази! Значит, ты все вспомнил?»

Парень дрожал всем телом, словно молнии, совсем недавно сверкающие в его мозгу, внезапно куда-то исчезли, и в его душе заморосил мелкий дождь, дарящий желанную прохладу. Он крепко обнимал девушку за талию и не хотел отпускать.

– Я помню: на последнем звонке ты была в этом голубом платье, помню и эти вещи, которые я подарил тебе. Как хорошо, что ты их сохранила! О, Господи, я вспомнил все: как мы ходили в школу, как играли в снежки, дубовую рощу позади вашего дома, как я уезжал в армию, войну, письмо, которое написал тебе, друзей, дорогу на Шушу... О, Боже! Как же я люблю тебя! Как мне тебя не хватало!

– И мне тебя!

Девушка смеялась сквозь слезы. Доктор из города чувствовала себя, как рыба, сорвавшаяся с крючка и вернувшаяся в родную заводь; она тихонечко вышла из комнаты. В окна стучался первый весенний дождь...

Баку, март, 2021

¹ Кялагаи – азербайджанский национальный женский головной убор. Представляет собой шелковый платок из некрученых нитей, с набивным узором, выполненным традиционным способом резервирования воском.

ИМРУЗ ЭФЕНДИЕВА

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА О ШУШЕ

*о фундаментальном труде Земфиры Сафаровой
«Шуша – цитадель азербайджанской музыки»*

«Классика потому и классика, что в каждую эпоху то или иное относимое к ней творение как бы поворачивается к людям новой своей гранью. Сокровищница мировой культуры не этнографический музей, куда время от времени заглядывают, чтобы ощутить аромат старины, а нескудеющее духовное богатство, которым человечество владеет».

Георгий Товстоногов

Слова Георгия Александровича, сказанные давно, сегодня звучат современно и прекрасно, словно характеризую возрождающееся духовное богатство нашей Шуши. А сейчас откроем читателям всю истину об авторе этой книги. Мы с Земфирой Сафаровой в один год 1955-ый поступили в Азербайджанскую государственную консерваторию имени Узеира Гаджибекова (ныне Бакинская музыкальная академия им. Узеира Гаджибейли) на историко-теоретический факультет, а далее в 1962 году вместе поступили в аспирантуру «Института архитектуры и искусства Азербайджана» при Академии Наук Азербайджанской ССР. Недавно нашей дружбе исполнилось 65 лет! И этот юбилей мы отметили новыми книгами, научными статьями.

А теперь всё по порядку. Нашими педагогами были самые строгие и высоко-профессиональные педагоги: И.В.Абезгауз, М.С.Исмаилов, А.М.Эльдарова, Э.М.Никомарова, Г.З.Бурштейн, Э.А.Абасова и другие. Оба сектора – русский и азербайджанский – учились вместе. Ясно, что азербайджанскому сектору изучать общественно-политические предметы, связанные с историей бывшего Советского Союза, было очень трудно. Лекции по истории западноевропейской, русской музыки и многих других музыкальных культур азербайджанскому сектору было трудно записывать. Земфира обратилась тогда к руководству Консерватории со справедливым и своевременным требованием – обеспечить азербайджанцев педагогами, свободно владеющими национальным языком. Конечно руководство знало, что она дочь Юсифа Сафарова, выдающего нефтяника, дважды лауреата Сталинской премии, и именно тогда руководство организовало несколько групп по специальным предметам, где преподавание шло на азербайджанском языке. Например, историю русской музыки на азербайджанском языке читала наша всеми уважаемая Гамер ханым Исмаилова. Земфира ходила в группу Гамер ханым Исмаиловой, а лекции по некоторым общественно-политическим предметам посещала на азербайджанском языке. Мы благодарны З.Сафаровой, ведь ее законное требование стало началом нового и востребованного в Консерватории проекта о создании азербайджанского сектора. Когда я окончила Консерваторию, мне доверили руководство азербайджанским сектором всего заочного отделения (предметы: специальная гармония, анализ музыкальных произведений). Земфиру ханым тоже приглашали в Консерваторию на педагогическую работу.

Но после свадьбы она вместе с Анаром уехала в Москву (Анар поступил тогда на высшие курсы по Кинематографии, а Земфира в аспирантуру. Ее руководителем был И.Я.Рыжкин). Когда я бывала в Москве в командировках, всегда посещала свою подружку.

Дипломная работа Земфиры ханым была посвящена Узеиру Гаджибекову и его музыкально-эстетическим взглядам, впоследствии эта работа была издана в Москве, с предисловием Кара Караева (З.Сафарова «Музыкально-эстетические взгляды Уз.Гаджибекова». М. «Сов. композитор», 1973), а я исследовала творчество выдающегося симфониста (автора 27 симфоний) Н.Я.Мяковского. Хочу отметить, что он был единственным композитором, удостоенным за свои творческие труды (без защиты диссертации!) ученого звания доктора искусствоведения.

И еще, Николай Яковлевич был любимым композитором нашего прекрасного педагога Н.С. Чумакова. Мне вообще повезло! Автор этих строк училась у Николая Семёновича по всем специальным дисциплинам в Музыкальном Училище (гармония, сольфеджио, анализ музыкальных произведений, полифония). А когда мы поступили в Консерваторию, меня и Земфиру определили в класс Н.С.Чумакова (однако в связи с его долгой и неизлечимой болезнью, его заменяла другая преподавательница).

Мы с Земфирой ходили на все концерты в Консерватории, Филармонии, часто выступали на вузовских, Республиканских научно-теоретических и практических конференциях. А когда поступили в аспирантуру, то участвовали и во Всесоюзных конференциях. И по сей день мы принимаем активное участие во всех научных мероприятиях, проводимых Союзом Композиторов Азербайджана и АМЕА (Азербайджанская Национальная Академия Наук).

З.Сафарова – удивительно организованный и требовательный к себе человек. Две ипостаси единого художественно-созидательного процесса – напряженный труд и неподдельный интерес к музыкальной истории нашей страны – гармонично сочетаются во всех научных исканиях, разработках Земфиры ханым. Она не только создала оригинальные научные труды, освещающую древнюю музыкальную культуру Азербайджана, но также является автором статей, эссе, очерков почти обо всех наших композиторах.

Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств, заслуженный деятель науки Азербайджана, заведующий отделом «Музыкальное Искусство» (ныне «История и теория Азербайджанской музыки») института «Архитектуры и искусства Национальной Академии Наук» Азербайджана, академик (кстати первый академик в области музыковедения) З.Сафарова и творческий коллектив отдела в течении многих лет создавали и издали пятитомник, включающий всю богатую и многообразную историю музыкальной культуры Азербайджана, охватывающий период с VII по XXI вв.

Фольклорная музыка и музыкальные жанры устной традиции (танцы, песни, мугамы, ашугская музыка, как основа всей национальной культуры) размещены в пятитомнике отдельным блоком, а в пятом томе представлено творчество современных композиторов.

24 сентября нынешнего года в Союзе Композиторов успешно прошла презентация пятитомника З.Сафаровой. Она была организована Академией Наук и Союзом композиторов в рамках XIII Международного Гаджибековского фестиваля.

Теперь, когда я коротко охарактеризовала научную деятельность Земфиры ханым, пора перейти к ее книге, посвященной Шуше.

Эту книгу я хочу назвать лирической поэмой о городе, заложенном в 1752 году. Природа одарила его изумрудным ожерельем лесных массивов, манящей притягательностью горных вершин, переливающихся под лучами солнца. Только в Гарабахе, в Шуше, произрастает цветок – Харыбюльбюль, ставший символом не только этого региона, но и всего Азербайджана!

Уже на первой странице свой книги Земфира ханым задает тон всему повествованию: «В мире существует несколько городов, каждый камень, каждая крепость, вся аура, которых пропитаны музыкой. Это такие города, как Вена в Австрии, Неаполь в Италии, а также Шуша в Карабахе» (З.Ю.Сафарова. «Шуша – цитадель азербайджанской музыки». Баку, «ЭЛМ», 2020, с.3) и приводит слова замечательного русского поэта Сергея Есенина, который в своем письме из Баку Бениславской Г.А от апреля 1925 г. писал: «недаром мусульмане говорят: если он не поёт, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза» (Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. М.: Наука; Голос, 1995-2002. Т. 6. Письма. 1999. С. 209-210.).

Сегодня все хорошо знают, что Шуша – родина выдающихся композиторов и музыкантов-исполнителей. Русский музыковед, Виктор Сергеевич Виноградов, написавший книгу об Уз.Гаджибейли, отмечает, что именно город Шуша **в Закавказье** (подчёркнуто мною – **автор**) была центром музыкальной культуры, притягивая всех талантливых певцов. (В.С. Виноградов: «Узеир Гаджибеков и азербайджанская музыка», Москва, 1947.)

В книге «Шуша – цитадель азербайджанской музыки» дана краткая, емкая, необходимая читателю четкая характеристика истории Азербайджана.

Вот что пишет автор: «Как известно с VII века вплоть до середины XI века Азербайджан находился под властью арабского халифата. В основу идеологии халифата легла новая религия – ислам. Официальным государственным языком был арабский язык, на котором написан Коран – священная книга мусульман. В то время исламом были сформированы и узаконены два стиля пения. Первый – чтение Азана муэдзином, певшим его с минарета мечети. Вторым стилем прочтения и формой было пение сур Корана во время молитвы». Земфира ханым отмечает, что несмотря на установленные законы ислама, во дворцах звучала профессиональная аристократическая музыка – одnogолосная мелодия-монодия. Эта музыка не дошла до нас. В книге отмечается, что достижением монодии в Азербайджане является мугам. Как верно указывает З.Сафарова, XII век вошёл в историю как «Золотой Век» и эту эпоху называют «Мусульманским Ренессансом».

Автор книги с гордостью называет имена ученых, архитекторов, поэтов: Абу-бекр Аджеми, Фелеке Ширвани, Абульула Гянджеви, Мехсети Гянджеви, Афзаладдин Хагани Ширвани, Имадеддин Насими и Низами Гянджеви. Как известно, впервые в «Хамсе» поэт Низами называет инструменты (около 30 названий), которые по сей день используются нашим народом и входят в состав оркестра азербайджанских народных инструментов.

В книге глубоко освещается деятельность Абдулгадира Марагаи (1353-1435) – выдающегося ученого, непревзойденного виртуоза-исполнителя и композитора. З.Сафарова отмечает, что в начале 70-х годов XIV века Абдулгadir Марагаи участвует в меджлисах правителя – султана Увейса Джелаира. За сочинение музыкальных произведений (цикла мугамов) получил в жены дочь Хаджи Ризваншаха ибн Заки ат-Тебризи. Вот такие подробности оживляют динамику научного повествования и вносят свежее дыхание в нее. А подобные примеры рассыпаны как жемчуга по отдельным страницам.

Теперь о конструкции книги: она состоит из 2-х больших развернутых частей (с фотоснимками, нотными примерами, копиями редких архивных документов), плюс «Резюме» на английском языке «Новая интерпретация древнего мугама в творчестве Джаббара Гарягдыоглу» (стр. 218). Заметим, что такое же «Резюме» на английском языке, подытоживающее деятельность Мир Мохсуна Навваба, имеется и на стр.123.

Первая часть называется «Мир Мохсун Навваб» и посвящена этому выдающему новатору-музыковеду, ученому, просветителю и его огромной роли в культурной жизни Шуши. З.Сафарова подробно и глубоко анализирует научный труд М.М.Навваба «Визухиль-аргам».

Она пишет: «Основной целью Навваба было, как сам он отмечал, «обучение грамоте, просвещение нации, содействие развитию науки о музыке...»».

Трактат М.М.Навваба «Визухиль-аргам» является ценным трудом, в котором рассмотрены и исследованы важные актуальные проблемы мугамного и исполнительского искусства не только азербайджанского народа, но и всех восточных народов. Этот оригинальный трактат вошел в историю музыкального искусства азербайджанского народа и других народов Востока. Велика роль и значение М.М.Навваба в общекультурном развитии родной Шуши и горячо любимого им Карабаха. В книге дается факсимиле трактата М.М.Навваба «Визухиль-аргам» (на азербайджанском языке арабским алфавитом, стр. 65-96). И далее перевод на русский язык .

В переводе трактата на русский язык сохранены особенности языка и стиль изложения первоисточника. Приведены и пять таблиц трактата «Визухиль-аргам». В первых двух таблицах названы музыкальные термины, указаны высота, регистр мугамов. В следующей таблице даны степени, градации 4-х первоэлементов: огня, воздуха, воды, земли и соответствующие им тона. Последние таблицы трактата связаны непосредственно с вопросами и особенностями мугамного исполнительского искусства. А в заключение З.Сафарова представляет читателю интересные и глубоко содержательные комментарии к трактату.

Вторая часть труда З.Сафаровой посвящена «Пророку восточной музыки» – Джаббару Гарьягды оглу (1861-1944). Первые строки о Джаббаре Гарьягды оглу – это слова восхищения, сравнение ханэндэ с ярчайшей звездой на небосклоне, которого Фикрет Амиров назвал мыслителем народной музыки.

Гурбан Примов также высоко отзывался о Джаббаре Гарьягды оглу (в течение долгих лет музыкант аккомпанировал ему), называл его великим ханэндэ, подчеркивая его поэтический и композиторский дар. Уз.Гаджибекову в возрасте 13 лет довелось увидеть сцену «Меджнун на могиле Лейли», где в роли Меджнуна выступал Джаббар Гарьягды оглу.

Джаббара Гарьягды оглу, как прекрасного исполнителя мугамов, приглашали и на съемки различных фильмов (в 1916 г. он снимался в фильме «Нефть и царство миллионов»). А в 1985 г. писатель Анар снял 2-х серийный фильм «Жизнь Узеира» («Акорды долгой жизни») и пригласил на съемки ныне покойного Гадира Рустамова. Дело в том, что тембры голосов и манера, стиль исполнения этих двух ханэндэ схожи.

З.Сафарова исследовала богатейший архивный материал, связанный с великим ханэндэ – встречалась с его детьми, внуками... Собрала неповторимые фотографии, освещающие концертно-исполнительскую деятельность Дж.Гарьягды оглу.

А «Пророком восточной музыки» его назвал С.Есенин в 1924 году, после того, как услышал пение Дж.Гарьягды оглу на торжестве, устроенном в Баку в честь поэта в доме Алигейдара Караева. Восхищенный поэт сочинил экспромт, в котором он и назвал ханэндэ «пророком». Музыкально-общественная деятельность Джаббара была насыщенной. Вспомним его встречу с Ф.Шаляпиным, совместную работу с Р.М.Глиэром!

Книга о прекрасной Шуше завершается словами Президента Ильхама Гейдар оглу Алиева: «Карабах – это Азербайджан». Этот лозунг звучал все 44 дня Отечественной войны за освобождение Гарабаха от армянских оккупантов.

Я начала статью словами Г.Товстоногова и завершаю его же словами: «Мы стремимся, чтобы классика учила понимать прошлое, помогала нам думать, жить и строить будущее, ибо одно из оснований этого будущего – нравственное совершенствование человека». (Г.Товстоногов. «Начало гражданское-начало художественное». Журн. «Коммунист», 1979, №11, Москва.) И действительно, наш народ в нравственно-духовном отношении вырос, окреп и стал новым, словно вновь возродившимся.

ГОСТЬ

МИХАИЛ СМИРНОВ

(Россия)

РАССКАЗЫ

Крепкая нить

– На пригорке притормози, – сказал Иван Носков. – Дальше пешком доберусь.
– Далеко же ещё, – буркнул небритый шофёр в замусоленной спецовке, но нажал на тормоз, и машина остановилась. – Я бы на повороте высадил, всё ближе шагать.

– Нет, спасибо, – отмахнулся Иван и выбрался из кабины. – Давно не был в этих краях. Сюда дольше добирался, а пройти пешком час-два – это уже мелочи.

– Ну, как знаешь, а то бы я... – шофёр нажал на газ, и машина, громыхая расхлябанными бортами, потащила по разбитой дороге.

Иван махнул рукой вслед и с любопытством осмотрелся. Давно не был в этих краях, очень давно. Как увезли его в далёком детстве, с той поры не появлялся. Свободного времени не нашлось, чтобы проведать родные места, где родился, в школу пошёл, но не успел доучиться. Мать увезла его в город, и началась городская жизнь. Большая школа, как ему показалось. Много новых друзей. Огромный город, где можно часами бродить по улицам, а если зайти в музей, вообще о времени забывается, и на фоне всего этого нового как-то незаметно стала теряться далёкая деревня, а вместе с ней и детство, проведённое там, и всё, что было в его прошлом. После школы была служба в армии. А вернулся, недолго гулял. Женился. Детишки родились. В общем, всё, как обычно. Повседневные заботы-хлопоты, за которыми всё исчезает, и прошлое – тоже. Хорошо, если сам не пропадёшь. Правда, Иван себя не потерял. Многого в жизни добился – это заслуга супруги. Она заставила его учиться, сама с детьми нянькалась, когда он вечерами корпел над заданиями. Со всех сторон оградил, лишь бы он выучился. Иван одолел институт, на другую работу перешёл. Хорошая работа. А со временем пришли почёт и уважение. Дети радовали. На ноги поставили. Два сына по его стопам пошли. После института устроились на завод. Хорошие мастера, как про них говорили. Иван радовался. Дочка вышла замуж и живёт припеваючи. Уже внук бегаёт. Шустрый! И получается, что жизнь удалась, но промелькнула, и не успел заметить. Оглянись, хорошая жизнь была. А стоило ему заглянуть подальше, в само детство и юность, которые прошли в деревне, и оказалось, многое стал забывать. Проходит время, и всё стирается из памяти. И стёрлось бы, оставив лишь небольшой след в документах, где он родился, если бы деревня не стала напоминать о себе и обо всём, что с ней связано...

С недавних пор деревня стала сниться. Редкий раз вспоминал про неё, а ещё реже, что родился там. Друзей деревенских вообще не помнил. Так, какие-то смазанные расплывчатые лица, неразборчивые голоса, имена стандартные: Ванька, Колька, Галька, Петька, а кто из них – кто, он не помнил. Общая картина детства и не более того. Сидел, что-то в памяти перебирал, когда деревня стала сниться, и оказалось, даже бабушку Нину стал забывать. Она была невысокая, всегда в тёплом платке, одежда балахонистая, а лицо стёрлось из памяти. Что-то мелькало в голове, а воедино собрать образ не получалось. Зато деда Николая не забыл. Колоритный старик. Взглянешь, словно из сказки или старины явился. Высокий, широкоплечий,

длинные волосы, седая борода по пояс, рубаха расстёгнута, на груди вьётся шнурок с простым крестиком, штаны в сапоги заправлены и голос словно труба иерихонская. Его так и называли в деревне – Трубач. На одном конце деревни рывкнет, а на другом слышно было. В деревне деда уважали и к советам прислушивались. Попусту не говорил, а если что-либо посоветовал, всё сбывалось. Серьёзный старик был, до-тошный. Со всеми общий язык находил, а с родной дочерью не справился. Разругались в пух и прах. Как говорят, нашла коса на камень. Он вгорячах упрекнул, что одного байстрюка в подоле принесла и снова принялась хвостом юлить, и гляди второго притащит, когда сказали, будто видели её с командировочным шофёром, как они в кабине миловались. Не стал разбираться. Упрекнул дочь, а потом до конца дней своих корил себя, что не удержался, а дочка взбеленилась. Сказала, что без них проживёт и уедет в город свою жизнь налаживать. Дед промолчал, а бабка заплакала, что внука хотят увезти, но не стала вмешиваться. Старик и дочка с характерами, как бы самой под горячую руку не попасть. И осталась в стороне. Мать подхватила Ивана и укатила в город. Потом ещё несколько раз приезжала в деревню. Документы забирала, вещи, но не задерживалась. Старалась одним днём побывать. И, сухо распрощавшись с родителями, возвращалась в город. Ни разу к себе в гости не позвала. Принялась личную жизнь устраивать, если это можно было так назвать. То один мужик появится, то другой, а там пятый и десятый, но для Ивана все были на одно лицо. Он хмурился, но с матерью не спорил. Жалел её, что ей в жизни не везёт и поэтому мужики в доме не задерживаются. Некоторые пытались воспитывать его, даже прикрикивали и кулаком по столу стучали, а мать не заступалась за него, и тогда Иван уходил из дома. До ночи шлялся по улицам или сидел у друзей, а возвращался, мать снова начинала жаловаться на неустроенную жизнь, что без мужского крепкого плеча тяжело слабой и беззащитной женщине, и Иван прощал её. Жалел. Может, правда, матери не повезло в жизни – он не знал, да и не вникал особенно. Ему казалось, что взрослая жизнь, если посмотреть на жизнь матери, – это враньё и кулаки на первом месте, где грызутся, как собаки, где главенствует сила, а всё остальное – это мелочи. И поэтому он опасался взрослой жизни, но в то же время хотел, чтобы она побыстрее наступила, и тогда он станет жить по-другому, не как мать, а у него будет своя жизнь, куда никого не пустит и свою семью не даст в обиду...

После смерти деда и бабушки, а они ушли друг за другом, мать с Иваном съездили в деревню. Побывали на кладбище. Мать плакала на могилках, прощения у них просила, у родителей своих. Сильно убивалась, но старалась виду не показывать. Потом поднялась. Глаза сухие и какие-то острые, всё смотрела на могилки, вроде что-то сказать хотела, но не решилась. Не захотела жить в деревне, постояльцев пустила, чтобы за домом присматривали, а сами в город вернулись. Иван не задумывался, почему мать перестала в деревню ездить. Всё мимо него прошло. Не задело его. А может, молодым был и бестолковым и не захотел разбираться, почему взрослые ругаются, а пошёл своей дорогой в жизни. И прошлое выбросил из головы. Думал, что навсегда, но оказалось, прошлое возвращается. И не только напоминает, но и тянет к себе, словно они были крепкой нитью связаны и с каждым днём сильнее и сильнее...

Иван не удержался. Захотелось взглянуть на деревню, где он родился. Всё же малая родина, как говорится. Малая родина, можно сказать – это всего лишь маленькая частичка, то местечко, где родился человек, но оказалось, что в эту частичку столько вложено неведомой силы, что смогла напомнить о себе через многие и многие годы. Иван не удержался. Собравшись, он отправился туда. Захотелось взглянуть, что с деревней стало. Кто в ней живёт, да и живут ли вообще. А может, остались одни лишь могилки, да и те сравнялись с землей, потому что ездить некому, а у него времени не было. И сможет ли найти могилы деда и бабушки – он не знал. Так получилось, жизнь прожил, а только сейчас выкроил время, чтобы побывать в родной деревне...

Он постоял, осматриваясь. Давно не был. Всё вокруг изменилось. Дорога, по которой раньше грузовики сновали туда-сюда, почти заросла травой. Видно, в эту сторону редко ездят. А раньше, как помнил, сюда автобусы ездили. И можно было из райцентра добраться. А сегодня приехал. Сунулся было на автовокзал, а кассирша удивлённо взглянула – нет такой деревни в районе. Как нет, если я родился там? Иван возмутился, а потом поник и вышел на улицу. Видать, и правда, исчезла деревня, и люди стали забывать, что она была, что в ней жили люди. Он поднялся в гору, туда, где был перекрёсток, и долго стоял в ожидании попутки, а когда машина затормозила, он обрадовался, но в то же время на душе появилась грусть. Он едет в своё прошлое, в свою деревню, от которой и названия-то не осталось, кроме маленькой пометки в паспорте, где родился...

Он продолжал стоять на обочине и осматривался. Кажется, и там была деревня. Да-да, точно была! Правда, название забыл. Он взглянул на далёкий лесок. Деревня стояла на опушке, огородами спускаясь к реке, а теперь ничего: ни домов, ни огородов, ни людей – тем более. Исчезла деревня. А что его ждёт в родной деревне, он не знал. Зачем туда поехал, не мог себе объяснить. Наверное, хотел со своей душой разобраться, почему его тянет в давно забытую деревню, а заодно взглянуть, если от неё что-то осталось, или на место, где она была. Посмотреть и подумать. Посидеть и вспомнить деревню, людей, кто жил в ней, своего деда и бабушку, да вообще о жизни подумать. Поэтому приехал...

Иван долго смотрел по сторонам, прислушиваясь. А потом неторопливо направился по заросшей колее в сторону тёмного ельника. За ним виднелись зелёные кроны берёз. Там, в той стороне была его деревня или то, что от неё осталось. Он шагал по разбитой колее, а потом решил срезать путь, потому что дорога вела в окружную и пришлось бы часа три топтать до деревни. Иван свернул с дороги и направился через берёзовый лес. Светло в нём, просторно. Вроде густой лес, а взглянешь, и в глазах светло становится. Солнечный луч пробьётся через кроны, и вспыхнули берёзки, засияли. Пронёсся ветер над головой. Зашумели кроны. Загудели птицы на ветвях и тут же умолкли. Иван задрал голову. Так и есть. Коршун кружит над ним. Поэтому птицы напугались. Притихли. Ждут, когда коршун улетит. Но он продолжал медленно кружиться над лесом, высматривая добычу. Он стал хозяином округа.

Выбравшись на опушку леса, Иван остановился. Присел на поваленное дерево. Закурил. Почему-то сердце сжалось, когда увидел среди деревьев и кустов редкие заброшенные избы. Всё же надеялся, что не умерла деревня. Верил, хоть кто-нибудь, но живёт в ней. Но было видно по старым избам, деревня умирает. Там и сям среди кустов и деревьев выглядывали крыши. Некоторые провалились, и наружу торчали стропила, словно рёбра неведомого чудовища, а кое-где виднелись печные трубы. Иван прищурился, всматриваясь вдаль. А там, кажется, был деревенский клуб, если память не изменяет, а теперь пустырь. С этого места, где сидел Иван, виднелась река, её легко различить по кустам, которые разрослись по извилистым берегам. Вон они тянутся! Раньше бегали купаться с ребятами, а теперь некому... Он прислушался, словно хотел услышать крики ребят, мычание коров и звонкие голоса петухов, такие привычные деревенские звуки, которых, как оказывается, так не хватало в его суматошной городской жизни. Но вокруг были запустение, необжитость, и стояла тишина, лишь изредка ветер пронёсся по кронам деревьев. Осмотрелся. Крапива и репейник повсюду вымахали. Хозяевами стали. Всю округу заполнили. Умирает деревня.

Поглядывая под ноги, Иван стал спускаться с пригорка к деревне, от которой осталось всего с десятка полтора дворов, а может, и поменьше. Приостановился возле разрушенного крайнего дома. С недоумением осмотрелся, вспоминая, какой была деревня, и нахмурился, увидев, что от неё осталось. Постоянно оглядываясь, он медленно направился к дальнему дому, что виднелся среди деревьев. Кажется, там они

жили... Едва заметная колея, а раньше через деревню проходила дорога. Повсюду трава и сорняки. Они чувствуют себя вольготно. Их время пришло. Всё больше и больше захватывают территорию. И не успеешь оглянуться, вымахает вездесущая крапива, заполонит округу, скрывая в непролазных зарослях трубы печные да брёвна гнилые, и лишь она будет напоминать случайным людям, что здесь была деревня, потому что крапива растёт лишь в тех местах, где живёт или проживал человек...

Иван остановился возле прогнивших поваленных ворот. Вроде ничего не изменилось во дворе. Постояльцы много лет прожили, но всё осталось по-прежнему. Потом ещё какие-то были постояльцы. Но и они не переломились. Спасибо, что за домом присматривали, а то бы давно развалился. За последние годы деревня полностью опустела. Люди ушли, кто в город перебрался, а кто на погосте лежит, и дома стали умирать. Умрёт последняя изба, и деревня исчезнет. Хорошо, если останется в памяти людской, но может и так случиться, что некому будет вспоминать...

Двор в запустении. Забора давно нет, лишь кое-где столбы видны. Штакетника не видно.. Может, сгнил за годы одиночества, а может, последние жители на дрова пустили. Зимы долгие, суровые. Сарай накренился. Нашёлся добрый человек, слегка подпёр, а то бы давно рухнул. Дом ещё стоит, а крыша прохудилась. Правду дед говорил, будто дом простоит лет двести, а может, и поболее того. Другие в развалины превратились, а его – стоит. Пусть не такой, как раньше был, но всё же. Он стал приземистым и каким-то маленьким, словно игрушечный, а раньше, как Ивану казалось, дом был огромным и высоченным. В том далёком детстве Иван умудрился забраться на конёк крыши. Собирался с неё сигануть. С мальчишками поспорил, что не испугается. Залез, глянул, и поджилки затряслись. Снизу смотришь, кажется, ерунда, а сверху глянул, и страшно стало. Так и лежал на крыше, распластавшись, как лягушка, пока дед не появился. Бабушка Нина за ним бегала. Испугалась, когда Ивана увидела. Крикнула, чтобы крепче держался, а сама припустилась за дедом. Он пришёл. Походил возле дома, поворчал что-то под нос, взглянул на Ивана, который лежал, раскорячившись, и расхохотался. Громко, на всю деревню! Иван растерялся, услышав смех. Он думал, что дедушка Коля начнёт ругаться, а тот стоял посреди двора, хлопал ручищами по коленям и во всё горло хохотал. К нему и бабушка присоединилась. Тоненько смеялась, всё слезы утирала. Иван смотрел на них, смотрел и тоже залился, а до этого даже боялся шевельнуться. Дед подошёл к дому, покосился на мальчишек, которые прятались в кустах, и крикнул Ивану, мол, ничего не бойся, покажи своим друзьям, какой ты храбрый, не посрами деда, и велел прыгать. И что удивительно, Иван поднялся, балансируя, постоял на краю крыши, оглянулся на ребят, которые были на другой стороне улицы, и смело шагнул вниз. Сердце зашлось, когда полетел, но в последний момент старик подставил руки и поймал его. Дед Николай нахмурился, глаза скрылись за густыми бровями, хотел было наказать, даже руку отвёл, чтобы шлёпнуть посильнее, но, заметив испуганный взгляд, закричал, опустил его на землю, погрозил пальцем, хотел было что-то сказать, но укоризненно покачал головой, махнул рукой и ушёл в избу. Спустя годы, случайно вспомнив этот случай, Иван понял, что старик испугался, что он разобьётся, и стал отвлекать и смеяться, лишь бы он не сорвался. Дед испугался, но виду не подал, а бабка, когда он спрыгнул, сидела на крыльце и тоненько плакала...

Иван взглянул на конёк крыши. Сейчас дом казался небольшим, не то, что раньше. А может, он в землю врастает. Да, скорее всего так... Завалинка была высокая, даже деду приходилось опираться, чтобы на неё сесть, а сейчас окна почти вровень с землёй. Ещё немного, и они скроются. Ставни распахнуты. Одна створка среди травы виднеется. Кое-где не хватает стёкол. Может, вытащили, а может, выбили. Теперь стоит дом и пустыми глазницами упирается в небо. Взглянул на дверь. Замок. Неужели, как съехали последние постояльцы, в доме никто не был. Почему же... Они же с матерью приезжали! Правда, Иван не заходил в дом, по двору шлялся и на

крыльце дожидался, когда мать выйдет, да ещё ворчал, что она задержалась. Мать стояла, а глаза заплаканные. Наверное, с домом прощалась. Окликнула его, вышли на улицу, она оглянулась на дом, долго смотрела на него, может, хотела вернуться, а может, запоминала и потом направилась в сторону дороги. И с той поры они ни разу не были в деревне.

Он стоял посреди двора и крутил головой, осматривая деревню. Кое-где, среди зарослей и деревьев видны дома. Некоторые смотрелись получше, посохранинее, так сказать, а другие не выдержали одиночества. Просели крыши, там торчат стропила, а здесь стоит дом с выбитыми стёклами и двери нараспашку. Наверное, чужаки бьют. Может, хотят себя найти, но не получается, вот они и идут от одной деревни к другой, от города к городу и так всю жизнь. Может, искатели заглядывали. Много развелось этих искателей. Да что тут найдёшь? Что лежало, всё мышами погрызено и в труху превратилось. А они приезжают, выбивают двери, заходят в дома и начинают в них хозяйничать. Всё перетряхнут, повытаскивают, что можно увезти и продать. Пусть бы ходили, лишь бы не пакостили, лишь бы костры не жгли. Не успеешь оглянуться, и нет её, деревни-то. Сгорела, одни головёшки остались. И так деревенские пожары полыхают повсюду. Уходят люди, а следом исчезают деревни. Пройдёт немного времени, и сотрётся из памяти людской, что здесь была деревня и жили люди. Да, были селения, а теперь пустыри повсюду... И даже странно видеть на дедовском доме замок, наверное, стороной обходили его, словно опасались зайти. Вдруг рассердится старик и...

Иван подошёл к дому. Раскинул руки и крепко прижался к нему, словно обнять хотел. Долго стоял, не шелохнувшись. Пыль пахнуло, плесенью и запустением. Ветра на улице не было, но вдруг скрипнули ставни, словно поздоровались. И вдруг Иван заговорил: быстро, бессвязно и непонятно. Со стороны можно подумать, что пьяный бормочет, уткнувшись головой в стену, а Иван стоял и торопливо говорил, словно хотел выговориться за долгие годы отсутствия. А потом замолчал. Постоял. Снова оглянулся. Потом присел на едва живом крыльце, закурил и стал затягиваться: быстро, густо и тоскливо...

Иван долго сидел, о чём-то думая, потом поднялся. Обошёл дом. Заглянул в мутные грязные окна. На улице светло, а там – словно вечерние сумерки. Он прищурился, пытаясь разобрать, что находится в доме, но ничего не видно. Добравшись до крыльца, осторожно поднялся по прогнившим ступеням. Медленно подошёл к двери, подёргал висевший замок, хотел было уйти, но тут вспомнил, почему-то всплыло в памяти, куда дед Николай или бабушка убирали ключ, если надолго уходили из дома. Так было принято в деревне. Оставляли ключ, не опасаясь, что кто-нибудь залезет в дом. Иван торопливо сунул руку в узкую щель над дверью и вскоре среди всякого мусора нащупал ключ. Показалось, будто для него оставили, словно знали, что он появится. Обрадовался. Покрутил в руках заржавленный ключ, рассматривая, а потом ткнул его в замочную скважину и принялся вертеть во все стороны, пытаясь открыть. Долго простоял возле двери. Уж было отчаялся, сколько лет прошло, когда замок в последний раз открывали, но тут словно кто-то помог, и он почувствовал, как ключ со скрежетом медленно провернулся, и дужка едва сдвинулась с места. Иван принялся дёргать дужку замка. Потом спустился. Взял камень, несколько раз ударил по замку, и проржавевшая дужка выскочила наружу. Иван скинул щеколду, толкнул рассыпшуюся дверь, визгливо заскрипела она, открываясь, и Иван шагнул в серо-тёмный сумрак веранды...

Даже сейчас веранда казалась огромной. Дед под свой рост делал её, как и двери в родном доме. Говорил, что не собирается каждый раз лоб расшибать о прилоку. И прорубил, хоть бегом бегай. Иван мотнул головой, поражаясь. Гляди ж ты, память вытаскивает наружу то, что давно забыто-перезабыто, как ему казалось. А сейчас вспомнил. Удивлённо покачивая головой, Иван остановился на веранде. Возле

двери была вешалка. Несколько здоровенных гвоздей вбито в стену, а над ними полка – это Иван сделал на уроках труда. Гляди ж ты, сохранилась! Какая-то тряпка свешивается с неё. На одном гвозде висит чья-то кацавейка, внизу – сморщенные опорки, и почему-то стоял стакан, а рядом валялась шапка, покрытая толстым слоем пыли и вся в паутине. Иван поднял её, стряхнул, и закружилось облако пыли в тонких лучах света, а потом повесил на свободный гвоздь. В дальнем углу кучей навалено разное тряпье, обрывки веревок висят с потолка. Там бабушка Нина бельё сушила, если на улице были дожди. Возле окна большой стол и две скамьи вдоль стен. Летом, когда на улице было тепло, всегда кушали на веранде, и когда гости приезжали, всех за этот стол усаживали. Гляди ж ты, тоже сохранился!

Иван шагнул и ногой зацепил какую-то коробку, которая лежала возле ножки стола. Что-то выпало и прокатилось по грязному щелястому полу. Иван наклонился, поднял старое шило. Это шило деда Николая. Он был мастером на все руки. Со всей деревни приносили старую обувь, чтобы подлатал или подшил, а ближе к зиме приходили с валенками. И тогда дед Николай доставал суровые нитки, натирал их варом, но чаще вытаскивал большой кусок гудрона и натирал, а потом брался за шило и долгими вечерами просиживал в уголке, склонившись над дырявой обувью. А Иван, дождавшись, когда старик отвернётся или отвлечётся, пытался чуточку откусить от гудрона, и, если удавалось, он бежал на улицу, хватался перед друзьями и сплёвывал через щербинку, гордо поглядывая на ребят.

Иван вздохнул. Да, хорошие были времена. И правда были, а он забыл, но теперь, когда приехал в деревню, память то и дело возвращает в далёкое прошлое, когда ещё были живы дед с бабушкой и они с матерью жили в этом доме, где он родился, где прошло его детство...

– Ванюша, внучек, кушать пора, – сказала бабушка Нина и загремела чугуном. – Чать проголодался...

– Захочет – поест, а насильно не заставляй, – недовольно сказала мать. – Недавно обедали, а ты снова его пичкаешь. Пусть уроки учит!

– Ну, что вы разгалделись, как сороки? – забасил дед, распахнув дверь. – На улице слышно. А ты, Катька, попридержи язык. Как с матерью разговариваешь? Ей слово, а она два в ответ. Гляди у меня, живо всыплю по первое число. Ишь, взрослой себя почуяла! Ванька, живо за стол, а потом мне поможешь. Скворечни будем делать. Соседи попросили...

Иван невольно оглянулся. Почудилось, что голос деда рядышком прозвучал и так явственно, аж не по себе стало. Они частенько занимались скворечниками. У деда Николая в сарае был закуток, где стоял верстак, а на стене висели всякие инструменты, но Ивану нравилась лучковая пила. Название-то какое вкусное – лук, лучок! И он не мог понять, почему так называли эту пилу, а дед посмеивался, говорил, что не от лука, который на огороде растёт, а от другого лука, где тетиву натягивают, и на этой пиле закручивают верёвку, чтобы полотно натянулось и стало жёстким и твёрдым, тогда и пилить легче. А ему всё равно казалось, что название произошло от огородного лука. Гляди ж ты, опять память вывернула давно забытые воспоминания. Дед приучал его к работе. Всегда, когда нужно было что-нибудь сделать, старик брал внука с собой. Иван, гордо поглядывая по сторонам, неспешно шагал за ним. Мол, глядите, я ж у деда Николая самый главный помощник! Наверное, так и было. И скворечники делали, и забор латали, и по крыше лазили, заплатки ставили, как дед говорил, чтобы она не протекала, даже полы помогал перестилать. Пусть на подхвате был, но помогал же, а не бездельничал. И он гордился этим...

А бабушка возилась на кухне, на огороде копалась на грядках да стирала бельё в бане. Дела всегда были. В деревне не посидишь, тем более что бабушка не любила попусту время тратить. Всегда чем-нибудь занималась. Иван вспомнил про стиральную доску. Когда бабушка стирала, он прибежал в баню и уговаривал, чтобы

разрешила с доски прокатиться, как с горки, но она не давала. Ворчала, что ломает. И всё гнала его оттуда, чтобы под ногами не путался. Это он помнил, как ни странно, а вот её лицо позабыл. Общие черты, и всё на этом... А деда не забыл. Скорее всего, потому что чаще с ним был, чем дома сидел. Ивану интересно было с дедом. Он много рассказывал. Про жизнь говорил, про своих родителей, как раньше жили, чем занимались. А вот про войну не любил вспоминать. Сколько раз Иван просил рассказать, дед нахмурится и молчок. Ни слова не выдавишь. Лишь со слов бабушки знал, да на ордена и медали смотрел, когда деда дома не было. А ещё запомнил, как дед доски строгал. Посадит его в уголок на старый чурбак, чтобы не мешался, сам доску положит на верстак и начинает стругать, только и слышно: вжик, вжик, вжик, и из-под фуганка, закручиваясь в кольца, ползла стружка. Дед весь в стружке, даже борода была облеплена. Иван поднимет колечко, а от него смолой пахнет...

Казалось бы, память всё больше и больше открывает то, что он давно позабыл. И сейчас, по прошествии многих лет, начинает вспоминаться далёкое детство, о котором уж думать забыл, потому что вспоминать времени не было. У него было обычное детство, как у других ребят. Может, в чём-то похуже, а в другом немного лучше. Единственный внук, которого держали в строгости, но в то же время старались исподтишка побаловать. То бабушка что-нибудь сунет, то дед с работы вернётся и тоже что-нибудь в карман положит и всё будто невзначай, словно так и должно быть. А когда в город перебрались, тяжелоатно пришлось. Правда, к школе быстро привык, как и к новым друзьям. Это не деревня, где друг друга знают. А в городе столько людей, столько всего интересного вокруг, аж глаза разбегались. И в секции ходил, и в кружки записывался, где только ни был, с кем только ни встречался, а вот домой не торопился. Опять там очередной ухажёр или муж, как мать называла, снова приходилось слушать перебранку, а бывало, до криков доходило. И если очередной муж бросал мать, она умирала. Возвращалась с работы и напрямик отправлялась на диван, весь вечер всхлипывала и слёзы вытирала. И тогда наступали голодные дни. Да ещё мать начинала придирается по пустякам. Наверное, зло срывала, что из-за него не может устроить личную жизнь. Обузой считала. Не говорила, но это было видно. Когда его забрали в армию, Иван облегчённо вздохнул, словно груз сбросил с души. И служилось легко. Даже на дембель не хотел уходить. Уж подумывал, чтобы в армии остаться, но пришло письмо, где мать сообщала, что она собирается замуж и хочет уехать на родину мужа. Ивану пришлось возвращаться домой. Дома были мать и её очередной муж. Мать расписалась с мужиком. Расписались, а через неделю уехали, оставив Ивана в пустой квартире. Больше мать не приезжала и к себе не звала. Ссылалась на занятость, на семью и новые заботы. Редкие письма или открытки, ещё реже звонки. Говорила, что хорошо живёт, да голос нерадостный был. И с каждым годом всё реже и реже стала весточки присылать, а когда узнала, что Иван женился, что уже детишки бегают, что она стала бабушкой, – это матери не понравилось. Резко ответила, что ещё молода, чтобы бабкой становиться. Наверное, обиделась. А вскоре вообще перестала писать. Сколько он писем отправил, сколько звонил, всё бесполезно. Если пришлёт открытку раз в год на праздник – это был праздник, а звонок, как красный день календаря. У неё была своя жизнь, в которой Ивану и его семье не нашлось места...

Вздыхнув, Иван распахнул дверь и зашёл в избу. Справа печь. Ободранная, один угол развалился. Заслонка на полу, рядом чугунок стоит, а в углу банка под толстым слоем пыли и в паутине. Крышка подпола сгнила, да и сам подпол обвалился. Застывшие ходики на стене. Он помнит эти часы. Дед заводил их, а ему запрещал подходить, потому что боялся, что ломает. А Ивану так и хотелось подёргать за гирьки. Иногда, если не видели, он чуточку подтягивал одну гирьку или раскачивал, а сам прислушивался, не слышит ли дед. В горнице пусто. В углу железная кровать стоит. Даже странно, почему её не утащили. Может, тяжёлая, а может, никому

не приглянулась. Рядом с изголовьем табуретка, а вторая – посреди горницы. Пустая этажерка в простенке, а над ней картинка из журнала. Щелястый стол возле ободранной стены, на нём блюдце и ещё какая-то посуда. Всё грязное, в углу тенёта висят, полы вообще чернущие, а он помнил, как бабушка с косырем ползала по нему и скоблила добела, а потом ополоснёт водой, и запах стоит свежий, смоляной. Сколько раз хотели покрасить полы, чтобы не мучиться, она отказывалась. Всегда говорила, что в доме должен быть чистый дух и от полов – тоже...

Долго Иван пробыл в доме. Сидел, смотрел по сторонам и вспоминал далёкое детство, а потом вышел на улицу. Прошёлся по двору. Дверь в сарай не рискнул открывать. Слишком он накренился. Казалось, тронь его, и он рассыплется. Постоял возле полуразвалившейся бани. Всё заросло чертополохом и крапивой. Где огороды тянутся к речке, там сплошь трава, сорняки да островками кусты разрослись. Пройдёт немного времени, и всё исчезнет. Развалится последняя изба, и деревня исчезнет, оставшись лишь в памяти людской. А вскоре вообще никто не вспомнит, что здесь была деревня, что тут жизнь кипела, а сейчас умерла...

– Э, мужик, что шляешься по чужому двору? – раздался грубый окрик, и Иван вздрогнул от неожиданности. – Высматриваешь, чем поживиться? Марш отсюда, пока салазки в другую сторону не завернул! Ишь, шляются, никакого покоя от них нет. Того и гляди подпалят деревню.

Иван повернулся. Возле поваленных ворот стоял крепкий мужик, а неподалёку виднелась старенькая машина. И шума-то не было, что машина подъехала, а может, Иван просто задумался и не заметил, когда появился незнакомец.

– Я по своему двору хожу, – не обращая внимания на грубый окрик, сказал Иван и направился к крыльцу, а потом ткнул пальцем в дом. – Я здесь раньше жил. Вот решил проведать. Родина, как-никак...

– Не помню, чтобы такие жили, – мужик задумчиво посмотрел на него. – Я в этой деревне вырос, но тебя не помню. Здесь Кулибины обитали, потом Костровы – тётка Валя и дядька Устин, кто-то ещё был в постояльцах, когда я в армию ушёл, а потом дом забросили. Нет, не помню тебя...

Он снова взглянул и покачал головой.

– А ещё Антоновы проживали, – вдруг заторопился Иван. – Дед Николай и бабушка Нина ставили этот дом... – он запнулся, а потом снова заторопился. – Дедушка Коля с бородой был. Здоровенная бородаща, а голос, как труба...

– А, Трубач, что ли? – вскинул густые брови мужик и махнул рукой. – Знал его, знал... Да его каждая собака в округе знала, а вот тебя не помню...

Снова сказал он и пожал плечами.

– Мы в город переехали, – неожиданно поник Иван, подошёл к крыльцу и уселся рядом с сумкой. – Здесь родился и в школе учился, а потом в город перебрались. А сейчас решил приехать, на свою родину посмотреть...

– Слишком долго добирался до своей родины, – не удержался, съязвил мужик, достал сигареты и запыхал. – Видать, времени не находилось, чтобы родного деда проведать, пока живой был, а потом и на могилке побывать. Они заняты!

С сарказмом сказал мужик.

– Не нужно меня упрекать, – нахмурившись, возмутился Иван. – Меня несмышлёнышем увезли. Новые места, новые люди. И вся жизнь по-другому пошла. А в городе жизнь суетная да быстрая. Вот и закрутился. Новые друзья появились, учёба, потом армия и женитьба. Детишки родились. На ноги ставили. Не успел оглянуться, а жизнь-то уже позади. Промелькнула она – эта жизнь, и не заметил её, не почувствовал. А вот сюда приехал, и словно память стала оживать. Что давным-давно позабыл, сейчас начинает всплывать. Что удивительно, помню до мелочей, оказывается.

Он сидел и говорил обо всём, что наболело. Душу облегал перед чужим че-

ловеком. Рассказывал то, о чём бы никогда близким не стал говорить, а этому чужаку доверился. И мужик примолк. Рядышком присел на крыльце и внимательно слушал его, словно тоже в далёкое прошлое возвращался, а может, и правда там побывал.

– Я слышал про вашу семью, – неожиданно сказал он. – Всякое болтали, уж не помню. Мы в деревню перебрались, когда вас уже не было. У отца здесь брат и тётка жили. Вот к ним и подались. Ребята говорили про тебя, если не ошибаюсь. Это ж ты с крыши сиганул, да? – он взглянул на Ивана, а тот кивнул головой и снова взгляд в пол. – Ну, правильно – ты! Пацаны думали, что разобьёшься, а ты шагнул, как со ступеньки. Не испугался. Молодец! А я бы так не смог – кишка тонка. И скворечни деда Николая помню. У нас парочка висела. Да у многих в деревне были его скворечни. И ни один пустым не простоял. Всегда птицы заселялись, а кто свои вешал, у тех пустовали. Не иначе, дед Николай что-нибудь нашёптывал, когда мастерил. Слова заветные знал. Хороший старик был... – а потом добавил. – А меня Кириллом зовут.

И неожиданно замолчал, о чём-то задумавшись.

– А меня Иваном кличут. Вот и познакомилесь через много лет, хотя росли в одной деревне. Давай, выпьем, Кирилл, – предложил Иван, торопливо полез в сумку и достал бутылку водки. – Давай, выпьем за наших стариков.

И достал стакан.

Выпили. Закурили. И снова о чём-то задумались.

– Давай ещё по одной выпьем, – чуть погодя сказал Иван и потянулся к стакану. – Светлая память нашим старикам. Жаль, поздно прозрение приходит. Поздно начинаешь понимать, что в жизни теряешь.

Выпили. И опять задымили.

– А я там жил, – Кирилл ткнул в сторону реки. – Наш дом в проулке стоит. Вон, где большие берёзы виднеются! Там жили. Здесь выучился. Отсюда в армию забрали. А вернулся, решил в город податься. Несколько лет прожили, а потом поближе к дому перебрались. В соседний район переехали. И каждый выходной, каждый отпуск проводили в нашей деревне. И жена отсюда. Кононова Наталья. Может, помнишь, Иван? Светленькая такая, всё с косичками бегала. Не помнишь, говоришь... И правда, давно это было. Наверное, стёрлось из памяти.

– Я хочу на кладбище сходить, – не отвечая на вопрос, сказал Иван. – Думал, проведу дом, посижу, а потом на могилки отправлюсь. Может, разыщу, где дед с бабушкой лежат. Всего лишь раз был. Найти бы... Хотел могилки прибрать, вон и цветы супруга засунула, посидеть рядышком со стариками и поговорить с ними. В жизни не удалось это сделать, хоть там бы поговорили...

– А нет ваших могилочек-то, – неожиданно сказал Кирилл и развёл руками. – Рекой унесло. Сколько раз обращались за помощью, и бесполезно. Берег давно подмывало. А когда часть старых могилочек обрушилась, мы снова за помощью обратились, чтобы берега укрепили. И опять тишина. Пообещали, а не сделали. И каждый год понемногу уходило в реку. А в прошлом году, когда сильное половодье было, почти половина кладбища рухнула в воду. Сунулись спасать, да поздно. Течением унесло. И где теперь покоятся останки, никто не знает, только река знает. Сохранились только поздние могилки, кого последними на погост снесли. Наверное, их ждёт та же участь...

И он стал рассказывать про деревню. Про жителей, называя по именам и фамилиям, а кого по прозвищам, а Иван даже не слышал про них, а может, позабыл... Кирилл рассказывал о той жизни, про которую он не знал. Долго говорил. Изредка останавливался, чтобы закурить, а потом снова рассказывал. А Иван сидел рядышком, слушал его, сам был далёк от рассказов. У него в памяти осталась та жизнь, какую он своими глазами видел, а новую жизнь, о которой не знал, он не хотел принимать. Словно взяли и разделили пополам время – это его часть, а дальше – чужое. Там, в

его частичке была деревня, в которой он жил и учился, а что было после него – это уже другое время и чужая жизнь. Деревенская, но другая, где для него всегда бы нашлось место, а он не смог воспользоваться...

– Вот мне и приходится каждый раз приезжать в деревню, – сказал Кирилл, поплевал на окурки и бросил под ноги. – Никого уж не осталось. А понимаешь, тянет в деревню. Словно пуповиной сросся. Места себе не нахожу. Выпадет свободное время, и я тороплюсь сюда. Бывало, жену возьму или детей, но чаще один приезжаю. На кладбище заверну, посижу чуток, а потом приеду к дому, похожу по двору, на крыльце посижу, вот, как сейчас с тобой. Сам с собой поговорю, а может, с домом разговариваю – бог его знает... Всё расскажу, что на душе лежит, в дом зайду, чуток постою, печку поглажу, по стенкам рукой проведу, словно здороваюсь и тут же с ними прощаюсь, а потом выйду и домой отправляюсь, а на душе легко становится, словно тяжёлый груз сбросил. Так и мотаюсь, присматриваю за домом, лишь бы подольше простоял. Вот и получается, что каждый человек пуповиной связан с родным домом. Где бы ни был, а всё равно вернётся, вот как ты сейчас. А исчезнет деревня, и человек остаётся один-одинёшенек на белом свете. Пуповина рвётся, что ли...

И снова замолчал, поглядывая в сторону своего дома.

Иван тоже молчал, думая над его словами. А может, и правда, человек пуповиной связан с родным домом. Он жизнь прожил, редкий раз вспоминая о доме, где родился, а пришло время, и он вспомнил. Да так потянуло, хоть волком вой, хоть головой об стену бейся. И поэтому он примчался, чтобы на деревню взглянуть, на дом родной, чтобы посидеть и с ним поговорить. Да, так и есть... Приехал, аж сердце трепыхнулось. Обнял дом, прижался к нему, и показалось, что он тёплый, словно живой. А может, и правда живой, кто знает...

– Ну, ладно, Иван, будь здоров, – поднялся Кирилл. – Мне пора уезжать. Я недалеко живу, в соседнем районе. Сейчас заскочу к себе. Душа изболелась. Ну, а ты приезжай сюда, всё же родной дом. Повидаешься, поговоришь с ним, и на душе полегчает. А ежели снова с тобой встретимся, посидим, за жизнь поговорим, наших стариков повспоминаем и помянем, царствие им небесное. Приезжай...

И ушёл. Взревел мотор, и машина, осторожно объезжая ямины, медленно направилась в проулок.

Иван долго сидел на крыльце. Часто курил, но бутылка осталась нетронутой. Пить не хотелось. Он смотрел на деревню. Нет, на то, что от неё осталось. Сидел на крыльце и вспоминал. Детство своё вспоминал. Деда и бабушку, а когда лето наступало, к ним приезжали гости. Тётка Дарья с мужем и оравой ребятишек, которые словно саранча сметали со стола всё, что приготовили, а потом мчались на речку, а тётка выскакивала и кричала вслед: «Если утонете, домой не приходите». Иван приставал, как можно прийти, если утонул? И никому покоя не давал, просил, чтобы объяснили – как. А дед сидел с бабушкой и посмеивался над ним. А потом бабушка звала тётку Дарью за собой. Следом мать торопилась. И они отправлялись полоть грядки или картошку окучивать. А тёткин муж, Иван уж забыл, как звали его, брал топор и колун, уходил к бане и начинал колоть дрова. Только слышно было, как он ухал, да поленья в стороны разлетались. За день огромную поленницу готовил. Здоровый мужик был! А потом баню топил, и они с дедом Николаем парились. Иван с ними не ходил. Жарко, аж уши в трубочку сворачивались, как посмеивался дед. А они парились. Долго бывали в бане. Выйдут, опрокинут на себя по ведру холодной воды и снова в парилку, а бабушка опять полные ведра ставит. Знала их привычки. А потом, когда все возвращались из бани, до полуночи просиживали за столом. Бабушка доставала бутылку. Дед неторопливо разливал по рюмкам. Выпивали. Снова наливал. И опять выпивали. Потом долго пили чай и разговаривали. О чём говорили? Да обо всём и о жизни – тоже. А Иван засыпал за столом. Прислонится к деду, слушает разговоры взрослых, а бывало, что они песни пели, и не замечал, как засыпал...

Иван невольно оглянулся, когда ему показалось, что возле бани раздался стук топора и уханье. Оглянулся, и снова показалось, что на картофельном поле замелькали косынки, а вдалеке раздавались голоса двоюродных братьев и сестёр. И казалось, сейчас дед махнёт рукой и громко крикнет, чтобы все возвращались домой. Иван словно вернулся в далёкое прошлое и снова увидел всех: деда и бабушку, тётку и семью, даже собаку Альму увидел, словно она сидит возле крыльца и ждёт, когда ей вынесут косточку. Со всеми повстречался, и на душе легко стало, словно тяжёлый груз скинул.

А теперь ни деда с бабушкой, даже могилки не осталось после них. Давно уж матери нет, как и тётки Дарьи с мужем, их дети поразъезжались по всей стране, и столкнись с ними на улице, мимо пройдёшь и не узнаешь. Оторвались они от родного дома, оборвали пуповину и разлетелись по всему свету, а вот вернутся ли в родной дом, никто не знает и они — тоже...

Иван вздохнул и устало растёр ладонями лицо. На душе была лёгкая грусть, но в то же время — радость. Радость оттого, что побывал в деревне, побывал в родном доме, с которым так и остался связан пуповиной, и повидался со всеми, кто был в его далёком прошлом.

Солнце на закат повернуло, когда он поднялся. Снова подошёл к дому. Раскинул руки, словно хотел обнять его. Прислонился. Крепко прижался и вдохнул глубоко, а запах был родным и близким. А потом повернулся и направился по едва заметной колее в сторону дороги, но тут же невольно оглянулся, когда позади раздался голос:

– Ванюшка, поди-ка сюда. Сговоречни будем делать. Ты же у меня самый главный помощник. Поди сюда, внучок...

И снова показалось, что услышал голос деда.

И он медленно пошёл. Пошёл в сторону проезжей дороги. Иван шагал по заросшей колее, а на душе его была радость, словно на самом деле побывал в гостях. Иван чувствовал, что теперь будет частенько приезжать в родной дом, потому что неразрывно связан с ним крепкой нитью. И поэтому на душе было светло.

День радости

Казалось, жизнь никогда не изменится, и всё в ней будет идти своим чередом. У всех было прошлое и настоящее, и не нужно заглядывать в завтрашний день, в далёкое будущее, которое было расписано на долгие годы вперед, но грянула перестройка. Слово-то какое непривычное появилось — перестройка, от которой привычная жизнь с ног на голову перевернулась. Многие растерялись, не зная, что делать, а другие, кто оказался пошустрее и хитрее, кинулись перестраиваться. Кто был никем, тот стал всем. Кто с чем работал, то и поимел. Один гайку в карман положил, а другой стал хозяином предприятия. Оба довольны, а разница огромная. Приватизация, бартеры, кооперативы и много всего появилось в жизни. Одна только гласность чего стоит. Слово-то какое громогласное! Выходи на трибуну и из матушки в мать поноси всех и вся, начиная от простого работяги и заканчивая правительством, и тебе ничего за это не будет, потому что в стране гласность. В общем, всё так и должно было случиться в стране, где люди стали на головах ходить, где жизнь перевернулась и не один раз, а сколько еще перевернется — это никому не известно, потому что искрой послужила перестройка, а когда возгорится пламя и что из этого получится — никто не знает, но все уверены, что пламя еще не один раз польхнет. Вроде жили одинаково, а когда разрешили почти всё, почти каждый постарался ухватить свой кусок. Одним достался кукиш с маслом, а другие принялись приватизировать всё, что можно было и нельзя, и сразу пошло разделение на бедных и богатых, на честных, которые жили на трудовые доходы и этим гордились, но опускались все

ниже и ниже плинтуса, и всяких жуликов и бандитов, которые купались в роскоши, имея всё, вся и всех, но у многих из них жизнь оказалась короткой: от порога и до кладбища. За всё нужно было платить, а за сладкую жизнь тем более. И расплачивались своими жизнями. А еще словно грибы после дождя появились особи нетрадиционной ориентации и гордились этим, вышагивая по улицам в нарядах петушиной расцветки, а уж о проститутках и говорить нечего — этого добра развелось, как грязи в дождливый день.

Да много было всяких разделений, всё не упомнишь. Лишь в семейной общаге казалось, что перестройка никого не коснулась. Работали, как и раньше. Женились или выходили замуж и рожали детей, как обычно бывает в семьях. Вечерами мужики собирались в курилке и, пользуясь гласностью, начинали спорить до хрипоты, если дело касалось политики. Ведь каждый человек — это специалист по внешней и внутренней политике не только своей страны, но и всех мировых держав, включая самые отдаленные, отсталые и малоизвестные. И каждому в курилке или на кухне было виднее, что нужно делать в государстве, что он сделал бы, если бы стал президентом. Ну и так далее... В общем, спорили, как обычно. Правда, со временем в стране работы стало гораздо меньше, зато появились многочисленные праздники, и народ стал пить куда больше и разнообразнее, чем до перестройки, а остальное всё, как всегда...

Город отмечал очередной праздник. Широко отмечали, но далеко не радостно, как прежде бывало, зато с размахом, так уж повелось в народе, который как бы перестал заглядывать в далекое будущее, а предпочитал жить сегодняшним днем. Да провались земля и небо, мы на кочках проживем! Живи одним днем и не думай, что будет завтра, потому что будет день и будет пища. И отмечали праздники. Правда, каждый отмечал по деньгам своим. Одни простенько — бутылка и какая-нибудь закуска. А у других столы ломились от бутылок и всякой снеди. И всё это, правда, не у всех, привычно сопровождалось застольными песнями, танцами под радиолу или под включенный телевизор, где всюду крутили иностранные клипы с полуголыми девицами, которые раньше были запрещены, а сейчас, пожалуйста, на любой вкус и цвет. Но бывало, за столом вспыхивали скандалы, и тут уже не обойдешься без драки. Выясняли отношения тут же за столом, и тогда на пол летело все, что можно было уронить, а если повезло, драчунов выталкивали в коридор, где они уж давали волю своим кулакам на потеху соседям. Правда, тоже не у всех случались драки, но все же без них ни один праздник не обходился. Какой же праздник да без мордобития, а уж в общаге — тем более...

— Ну, Тонька, зараза такая! — по коридору разнесся зычный протяжный голос. — Вроде девка умная, а всё неймется. Взяла привычку себя жизни лишать. А на этот раз кто виноват? Ну и что, что подралась, обидчивая наша? Тебе не впервой по роже получать. Могла бы потерпеть. Вы, бабы, народ дурной. Вместо того, чтобы башкой думать, сначала кулаки в ход пускаете. Отсюда вся беда. Ну, подрались, а зачем вены-то резать — этим никому и ничего не докажешь. А ежели невтерпеж отправиться на тот свет, тогда бы уж резала на другом этаже, а еще лучше, рядом с больницей или дурдомом, чтобы недалеко было тащить, а ты своей кровью весь умывальник изгваздала. Ладно бы резала, как другие режут — чиркнули и на небеса отправились, а она исцарапает всю руку вдоль и поперек, мало того, что сама в крови, так еще все стены и полы измажет, а потом с гордостью заявляет, что сводила счета с жизнью. О, дура! Мужик тебе нужен, чтобы в ежовых рукавицах держал, а то разбаловалась. А почему подрались? О, как, посмотрела на чужого мужика, и поэтому подрались. Да было бы из-за кого! Мужиков в наше время в три ряда до Берлина — выбирай любого. Если захочешь, даже принца на белом коне встретишь. Прямо, как в кино. Правда, осталось принца и коня найти. Хе-х! — и снова разнесся зычный голос. — Тетка Дарья, айда на помощь! Бинт прихвати. Опять наша раскрасавица сводила счета с жизнью. Что-что... Ничего нового, всё, как обычно. На чужого мужика гля-

нула, и подрались. Вот меня, к примеру, боженка ничем не обидел, а что-то девки не дерутся. Видать, чего-то во мне не хватает. Наверное, ума маловато или денег – не знаю... Эй, Марь Василевна, прихвати швабру, нужно умывальник протереть. Там кровящи, словно фильм ужасов снимали! Ребятишки перепугаются, ежели увидят. У, сама дохлая, как лисапед, наша Тонька, а откуда столько крови натекло – не понимаю. Эй-эй, ты что это, а? Тонька, слышь, очнись! На меня посмотри, на меня. Не закрывай глаза. Сейчас помогу...

И Николай, огромный, как в высоту, так и в ширину, закричал и подхватил пьяную Тоньку, которая сидела возле стены. Она засопротивлялась, но следом обмякла. Николай взвалил её на плечо, придерживая за ноги, цветастое платице задралось, и оголилась задница, выставляя на всеобщее обозрение съехавшие трусы в веселую ромашку под разодранными в драке колготками, и зашагал по коридору.

Откуда-то доносилась ругань. В другой комнате пели песни. Вразброд, кто как мог, но главное – дружно. А оттуда слышался хохот. Видать, за праздничным столом анекдоты травят. А где-то уже начали скандалить. Того и гляди раздерутся. По коридору носятся ребятишки. Шум и гам, но никто не гоняет их. И отовсюду запахи – спиртного и еды. Всё, как обычно, – праздник...

Марь Василевна вышла из комнаты, поправляя синий застиранный халат, и оперлась на швабру, наблюдая за соседом.

– У людей праздник, а Тоньке нейдет, будто в другой день не могла покончить с собой. А мне мучайся, убирай за ней, а зарплату одну плотют и за работу в праздничные дни ни рубля не добавляют, – и тут же перепрыгнула с одного на другое. – Ничего с нашими малаями не случится. Их ничем не проймешь, – заворчала она, поглядывая на соседа. – Они сами, кому хошь, кровянку пустят – это же общежитская шпана растет, а не маменькины сынки. Мимо общежития прохожие опасаются ходить – или отлупят, или снасильничают. Эх-хе, настали времена, растуды вашу мамашу и всех ее родственников! Раньше хоть милицию боялись, тока крикнешь, что милиция едет, сразу разбегались, а сейчас ничего не боятся, ни боженку, не черта. Видать, жизнь такая настала – шалопутная... – и тут же крикнула. – Колька, а что ты тащишь её мимо своей комнаты? Волоки к себе, пока пьяная. Потом скажешь, что женились, а мы подтвердим. Глядишь, сговоритесь. Ведь ты же холостякуешь, а она – девка хорошая и работающая, но дура душой!

И уборщица засмеялась, а потом тяжело завздохала.

– Ей принца подавай, – пропыхтел Николай. – А я тока в носильщики гожусь. Она пьет, а мне таскать приходится. Разделение труда, как говорил Карл Маркс, если не ошибаюсь.

Он как бы подкинул ее на плечо, поправляя Тоньку, и шлепнул широкой ладонью по тощей заднице.

Уборщица закатилась, хлопая ладонями по ляжкам. Мимо нее, пригибаясь при каждом шаге, словно кланяясь или от кого-то прячась, юркнула невысокая худенькая, больше похожая на девчонку, тетка Дарья в линялом платье, большой кофте, обвисшей на плечах, и в тапках не по размеру. Она шлепала по грязному полу тапками и держала в руках бинты, вату и какие-то пузырьки.

– Колян, что с ней возишься? – забасил лохматый, словно обезьяна, подвыпивший мужик, поддергивая сползающее трико на округлом животе. – Скока можно нянькаться, а? Сдохнет, туда дорога... Ишь, взяла моду заниматься самоубийствами! Брось, кому сказал! Вот прямо в коридоре возьми и брось, и пусть валяется, пока не очухается, А сам айда ко мне. Праздник отметим. У меня бормотушечка стоит. Хряпнем по стаканчику, чтобы душа запела. Айда, Колян, пока моя змеюка не вернулась, а то расшипится! У всех бабы как бабы, а моя змеиной породы оказалась. Эх, непруха! Искал себе царевну-лягушку, а повстречалась дочка Змея Горыныча. Так же шипит, как папа родной, только пламя изо рта не вырывается. Вот и мучаюсь. Айда,

Колян, продезинфицируемся от змеиных укусов!

Он едва выговорил длинное слово, звонко щелкнул по горлу, махнул рукой и скрылся в комнате.

В Тонькиной комнате бардак. Прихожка отгорожена старым шифоньером. В этой прихожке, как во всех общагах, с обеих сторон находятся два встроенных шкафа. В одном, как обычно, вещи висят, а в другом держали посуду и всякую мелочь.

Николай плечом отодвинул занавеску на входе. Протиснулся между шкафом и обеденным столом, на котором стояла грязная посуда. Одна табуретка притулилась в углу к низкому небольшому холодильнику – это память о хороших временах, а вторая валялась под ногами. Николай отшвырнул ее ногой. Прошел к продавленному дивану, над которым висел простенький коврик, уложил Тоньку, сунул под голову подушку, поправил ей спутанные волосы и вздохнул, вытирая крупные капли пота.

– Вроде тощая, как камбала, а тяжеленная – страсть! – сказал он и помахал ручищами. – Все руки оттянула, пока дотасил. Помочь, тетка Дарья? – сказал он, наблюдая, как щупленькая соседка хлопотала над Тонькой, потыкала нашатырку под нос и принялась осматривать руку, промывая раны водой. – А, ну ладно, занимайся. Я покурю, потом загляну.

Он достал из кармана помятую пачку сигарет, вытащил одну, ткнул в уголок рта и, прикуривая на ходу, вышел из комнаты, попутно шугнул ребятишек, которые расшумелись в коридоре, и пошел к окну, где, подпирая стены, стояли несколько человек, скрываясь в сизом тумане табачного дыма...

– Везет тебе, Николай, – хохотнул парень в тельняшке, на плече которого была большая татуировка. – Как пойдешь в умывалку, обязательно на Тоньку натыкаешься. Не иначе, она специально тебя поджидает, чтобы такой бугай, как ты, на руках ее носил. О, везет же девке! Ты скажи ей, как оклемается, чтобы вены не резала, а сразу к тебе бежала, когда захочет, чтобы ее на руках поносили. Я бы на твоём месте давно бы того самого...

Он неопределенно покрутил в воздухе рукой и хохотнул.

Соседи, стоявшие на перекуре, вразной засмеялись. Один поплевал на окурок, бросил в ведро, стоявшее в углу, подтянул трико и пошлепал по коридору, сверкая грязными пятками. Даже не сверкая, а отсвечивая, что ли...

Пошатываясь, следом за ним еще один отправился. Видать, лишку выпил, но сегодня можно. Праздник же...

Сегодня праздник. Все гуляют. Вся страна отмечает и общага – тоже.

Правда, в праздниках стали путаться. Раньше по пальцам можно было пересчитать, а сейчас на руках и ногах пальцев не хватит, чтобы праздничные дни запомнить. Скажут на работе, что завтра не нужно выходить, потому что в стране объявлен очередной праздник, чему-то или кому-то посвященный. И никто не выходит. Все сразу же отправляются в магазины, чтобы затариться спиртным, как по талонам, так и у барыг прикупить – любое, лишь бы горело, как говорится. Каждый брал по деньгам своим. Даже стеклоочиститель и клей БФ закупали. Дешево и сердито!

– Работаешь? – сосед в тельняшке взглянул на Николая. – Везет же вам! А нас предупредили, что с первого числа будут сокращать. А с кого начнут? Как обычно, с простых работяг. Управленцев трогать нельзя, потому что без них предприятие развалится, а рабочий... Что рабочий? Таких, как мы, целая страна. Да уж, выгонят, а куда пойти, даже не знаю... – он пожал плечами и нахмурился. – Работали, горя не знали, а сейчас... – он замолчал, потом вздохнул. – А сейчас утром поднимешься и не знаешь, чем обрадуют на работе. Вечером вернешься, и тоже одни мысли в башке, что утром будет. А начнешь права качать, сразу выставят за ворота, и никуда не устроишься. Вот тебе и перестройка с ее свободой, гласностью и громогласностью, мать вашу так и еще вот так!

И сосед витиевато выругался.

– У нас пока молчат, но, скорее всего, тоже попрут за ворота, – Николай подернул трико, затянулся и сплюнул в ведро, стоявшее возле окна. – Слухи ходят, наше предприятие хотят выкупить. Какой-то ухарь с деньгами объявился. Хочет приватизировать завод, оставить два-три цеха, которые приносят основную прибыль, а остальное закроет за ненадобностью. Это же сколько рабочих за воротами останется – ужас! И откуда у хмыря такие деньжищи появились, чтобы завод выкупить, а?

– Откуда-откуда... Наворовал, вот откуда, – буркнул сосед в тельняшке. – Сейчас всё продается и покупается. Мы гайку или горсточку шурупов возьмем домой и трясемся, что охрана поймает, а такие, как этот хмырь, воруют вагонами. Воруют и знают, что за это им ничего не будет. Чем больше ворует, тем меньше дают. Потому что вся страна развалилась. Потому что некому народное добро охранять. Одни сами ушли, а кто остался, тот не успевает жуликов ловить. Сейчас всякого ворья развелось, как блох у собаки. Продают все, что можно продать. Здесь утащил, там продал. Оттуда украл, в другом месте столкнул. А денежки в карман положил. Сейчас барыги на всем деньги делают. Сам посуди, в выходные сюда приезжают видики показывать в красном уголке. Один из них – мой знакомый. Смеется, пусть дураки кайлом машут, а я деньги из воздуха буду делать. И делает, сволота! Скинулись с другом, купили видик, набрали всяких кассет и мотаются по общагам. Смеется, говорит, что самый большой спрос на порнуху. Правильно! Раньше за это можно было в тюрьму угодить, а сейчас не боятся. Показывают, и деньги не ручейком, а рекой полноводной в карманы текут. А мы как пахали, так и будем пахать, пока не сдохнем на этой проклятой работе или пока с голоду не помрем, если выгонят. А все потому, что мы не умеем воровать и торговать да народ обманывать. Не приучены и поэтому живем ниже плинтуса. Вот так!

Он ткнул пальцем в пол, выбросил окурочек и со злостью сплюнул в ведро.

– Да, много беды от этой перестройки, – задумавшись, сказал Николай. – Сначала один взялся страну разваливать, а потом другой к власти пришел. И затрещала страна по швам. Были братьями, а стали врагами. Как же так, Иван? – он взглянул на соседа в тельняшке. – Раньше последним куском хлеба делились, а сейчас готовы друг другу горло перегрызть. За что, спрашивается? Эх, правители – руководители! Так наруководили, что от страны одно название осталось. Хотя и его нет...

И нахмурился, махнул рукой.

Кто-то из соседней чертыхнулся, вспоминая эту перестройку. Харкнул в ведро. Бросил окурочек и пошлепал по коридору.

Следом за ним, неожиданно загорланив песню, зашагал другой и, распахнув комнату, откуда доносилось нестройное пение, скрылся.

Праздник продолжался...

Николай стоял возле окна, посматривая на улицу. Мимо окон проходил тротуар, по которому то и дело торопились прохожие. Рядом была еще одна общага. Тоже семейная. Окна нараспашку. Там и сям слышна музыка. То в одном окне, то в другом мелькали жильцы. Наверное, тоже праздник отмечают. А что еще делать в наше время – тока праздновать. Видать, правительство решило праздниками народ отвлекать от всяких ненужностей. Чем больше пьют, тем меньше думают и быстрее сдохнут. Один виноградники вырубал и борьбу с пьянством устраивал, а другой на это глаза закрыл – пей – не хочешь! Здесь жрать не на что купить на такую зарплату, которую месяцами не видишь, зато спиртное можно взять, если не в магазинах, то у барыг, которые торгуют водкой и самогонкой. А самогонщиков развелось – ужас! Казалось, все, кому не лень, взялись за самогонные аппараты и гонят с утра до вечера, и пьет народ с утра и до утра. Насобирали по карманам мелочь. Купил бутылку и бежишь домой. А дома хоть шаром покати. Мышь в холодильнике повесилась, зато бутылка на столе. И люди пили. Кто с горя, что жизнь не удалась. Кто от безденежья,

хотя на бутылку всегда находили. Кто от беспросветного будущего, где со страхом ждали завтрашний день. А кто от радости, что в голодной, но богатой стране, где люди с копейки на копейку перебиваются, он икру ложками жрет, коньяком запивая, и ворованные деньги в зарубежные банки переводит, обеспечивая безбедное будущее не только себе, но и внукам, правнукам и праправнукам. Кто как ворует, тот так и живет, можно сказать...

– Колька, иди сюда! – донесся голос соседа. – Айда ко мне, пропустим по стаканчику. Ведь праздник же. Надо соблюдать традиции...

– Да пошел ты со своим праздником, – неожиданно вспылил Николай. – Здесь думаю, что пожрать завтра, а у тебя бутылка на уме.

И отмахнулся.

– Будет день и будет пища, как говорится, – хохотнул сосед. – Нет, не так сказал... Будет день и снова пьянка. Так вернее сказано. А что еще делать, Колян? Выпил и забылся. Выпил, и мир разноцветным стал. Выпил, и все дурные мысли вылетели из башки. Выпил и... подох! Ну и ладно. На том свете будет что вспомнить.

И сосед снова хохотнул и скрылся в комнате.

Николай выбросил окурочку и зашагал по коридору. Он собрался заглянуть к Тоньке. Жалко девку. Молодая, красивая, но жизнь пошла наперекосяк. Она появилась в общежитии при Николае. Приехала с молодым мужем после института. Радовалась. Семейное гнездышко устраивала. Пылинки с мужа сдувала. Чуть ли не с ложки кормила. А готовила так, что все женщины общежития завидовали, а мужики заглядывались. Вот уж досталась охладому такая красавица, и в мечтах заходили так далеко, что... Но Тонька без ума была от своего благоверного, а на других даже не смотрела. А еще она ребеночка ждала. Казалось, живи и радуйся, а муж схлестнулся с буфетчицей, с разбитной Нинкой, которая в постели была акробаткой и делала все, что душа пожелает, и она увела его из семьи, а вскоре вообще уехали и адреса не оставили. А Тонька-то беременная осталась! Руки опустились. Жить не хотела. Говорят, беда не приходит одна. Не успела в себя прийти, снова несчастье. В душ пошла и поскользнулась. Упала. Роды преждевременные. Ребенка не смогли спасти. Был бы ребенок, может, все было бы нормально. А тут и мужа лишилась, и ребенка потеряла. И Тонька сломалась. Не заметили, как запила. Замкнулась после свалившейся беды. Ни с кем не общалась. Придет с работы, закроется, и всё на этом. Утром снова на работу, а вечером промелькнет, и словно ее не было. У всех свои заботы. И не заметили, что к Тоньке стали приходиться подруги, которые без бутылки за стол не сядут. А где выпивка, там и скандалы. И пошло-поехало. И Тонька слетела с катушек...

Николай вздохнул. Он жалел Тоньку. У них судьбы были схожие. Жену после института отправили по распределению. И он вместе с ней поехал. Все же семья, что ни говори. Вместе поехали. Она убивалась, что в такую глухомань отправили, словно в ссылку, а она думала, что в столицу попадет или, в крайнем случае, – это Ленинград, где жизнь бьет ключом, где культура, где... но ошиблась. Отправили, где Макар телят не пас. Жена задурела. Всё ей не так, все не эдак. Ладно, Николай уговорил, что отработают и обязательно поедут в столицу. Вроде жена согласилась. Приехали. Дали комнату в общежитии. И квартиру обещали. Она в управлении стала работать, а он пошел слесарем в ремонтный цех. Вроде жизнь стала налаживаться. Николай радовался. Вроде жена успокоилась. Но не тут-то было! Полгода не прошло, она собралась вещи и умотала в столицу. Не обидно было бы, если бы посоветовалась с ним, а она втихомолку. Пока он был на смене, жена умчалась. Лишь коротенькая записка на столе, чтобы ее не искал. У него руки опустились. Вот она какая – эта любовь, про которую говорят, что ради нее люди горы сворачивают, а на деле все это вранье и не более того. Если бы любила, не сбежала бы. И Николай сорвался. Недели две не просыхал. Ладно, с работы не выгнали. Пошли навстречу. Понимали, трудно ему. Но с той поры Николай зарекся, что ни одну девку к себе не подпустит, потому

что от них один вред и ничего более...

Он понимал Тоньку, как никто другой. Ему полегче. Он остановился, когда с катушек слетел. Тяжело было, казалось, каждый встречный-поперечный пальцем в него тычет, и за спиной шепчутся, а людские языки – злые, меньше правды скажут, зато приврут с три короба. Но все же Николай переломил себя. Правда, пришлось некоторых проучить. Одни на словах поняли, а другим и кулаком пришлось вколачивать, чтобы не совали свой нос туда, куда собака не сует. Но обратно Николай не уехал. В родном городе некому было ждать. Родной город. Как бы поточнее сказать... Город, где вырос в детдоме. Потом устроился на работу, а там армия. Отслужил. Вернулся. И на танцах свою будущую жену встретил. Она маленькая и тоненькая, словно тростинка, а он был огромным, что в высоту, что в ширину. Великан, можно сказать. И сошлись две половинки, но только не смогли прирасти друг к другу. У каждого был свой взгляд на эту жизнь. И у каждого была своя тропка в ней. Вот жена и умчалась по своей тропке, чтобы создать жизнь, о которой мечтала, а получится ли создать – он не знал, потому что у жены запросы были большие, что не каждый мужик осилит...

Николай не уехал. Остался. Квартиру не дали. Он не молодой специалист, да он и не просил. В общежитии было лучше и привычнее. Вся жизнь в детдоме, потом армия, а следом сюда приехали, и опять общежитие. Здесь ни от кого ничего не скроешь. Вся жизнь на виду. Каждый друг про друга знает. Не успеешь подумать, а на другом конце коридора уже советы дают. Вроде всё на виду, а Тоньку прозевали, когда она с катушек слетела. Нужно было поддержать, а они опоздали. Зато подружки хорошо поддерживали, наливая в рюмку. Не успели оглянуться, Тонька сорвалась. И загуляла. Так загуляла, дым столбом!..

– Николай, поди сюда, – дверь приоткрылась, и показалась маленькая юркая тетка Дарья. – Очухалась твоя красота. И что с ней возишься – не понимаю. Бабу от пьянки отучать, только время тратить.

И, поджав тонкие губы, снова скрылась в комнате.

Николай заторопился. Отовсюду доносились голоса. Звучала музыка. В коридоре повис плотный запах еды вперемешку с табачным облаком, которое колыхалось словно живое, медленно расползаясь по коридору, и казалось, протяни руку, и можно его потрогать, до такой степени оно было плотным.

– Кыш... Кыш, огольцы! – рявкнула Марь Васильевна, когда мимо нее промчалась стайка ребятишек. – Ишь, разорались, словно грачи по весне. Идите на другой этаж. Там шумите, хоть на головах ходите, а здесь будете носиться, отлуплю вас и не посмотрю на родителей. Ну-ка, марш отселева, покуда тряпкой по задницам не надавала!

И взмахнула грязной половой тряпкой.

Ребятня взвизгнула и, топоча, помчалась к лестнице, опасливо пробегая мимо мрачной уборщицы, которая стояла с грозным видом возле своей комнаты и в руках у нее была тряпка.

Тонька сидела на диване. Видно, еще не протрезвела. Вяло отмахнулась от напастырки, которую совала под нос тетка Дарья, охнула, схватившись за голову, взглянула на Николая и опустила голову, уткнувшись взглядом в пол. А потом снова улеглась на диване, отвернувшись от них, и затихла.

– Тонька, тебе не надоело в рюмку заглядывать? – забасил Николай, остановившись посреди комнаты. – Пора бы уж за ум взяться. Ведь сдохнешь, или пришибут. Взгляни, на кого стала похожа...

И ткнул пальцем в нее.

– Я занимаюсь полезным делом, уничтожая спиртное. И мне никто не может запретить. Кто ты такой, Колька? Что ты покоя не даешь мне? Пристал, как банный лист, и не отцепишься. Понравилась, да? Так возьми пузырек и приходи. Обслужу по первому разряду. Деликатесов не обещаю, но закусить найдется, – и она криво усмех-

нулась. – Я сейчас любому в любви признаюсь, если похмелит меня. У, голова раскалывается!

Она схватилась руками за голову и чуть ли не заскулила, раскачиваясь на диване.

– Дура, как есть дура, – забасил Николай. – В любви она признается... Кому ты нужна такая? Была же нормальной девкой, а сейчас...

И Николай махнул рукой.

– Была бы нормальной, мужик бы не сбежал. И вообще, не твоя печаль, какой я стала. Это не я, а жизнь меня такой сделала и вы – мужики, которым ничего больше не нужно, как в постель затащить, а я, может, хочу, чтобы меня любили, чтобы всё было, как у людей, чтобы... Эх, вам не понять, – выкрикнула Тонька, уселась на диване, схватившись за край. Видать, голова кружилась. А потом поднялась и, не обращая внимания на Николая и тетку Дарью, направилась к двери. – Тоже мне, учителя нашлись. Один смотрит, как бы в постель затащить, а другая жизнь прожила, а всё мечтает мужичка захомутать. Кольцо на палец, хомут на шею, да, тетка Дарья? И чем вы лучше меня, а? Да, ничем! И вообще, пошли отсюда.

И Тонька ругнулась. Разлохмаченная, юбка съехала набок, колготки в дырках. Сквозь лохмы на лице виднеются синяк и ссадины от ногтей – это она подралась. На мужика взглянула, а подруге не понравилось, ну и выяснили отношения. Тонька ткнула ноги в тапки. Дрожащими руками открыла дверь и словно зомби зашагала по коридору.

– Вот и делай добро, – зашепелявила тетка Дарья, а потом принялась собирать свои пузырьки и свертки. – К ней, как к человеку. Спасаем от смерти, можно сказать. А она оклемалась, всяко обозвала, на три веселых буквы послала и снова подалась приключений искать на свою тощую задницу, – а потом взглянула на соседа. – Колька, ты же холостякуешь. Что каждый раз таскаешь её? Возьми и женись на ней! Может, получится отучить от пьянки? Глядишь, девка хорошая. Вроде умная, в институтах училась, а жизнь не складывается. Один раз обожглась и покатила под откос, а виноват весь мир, кроме нее. Другая бы задумалась, а эта всех виноватит, кроме себя.

– Знаешь, тетка Дарья, у меня желания нет еще раз обжигаться, – он провел ребром ладони по горлу. – Вот так одного раза хватило. А что хорошего, если с Тонькой сойду? Каждый день на ее поиски отправляться или к батарее приковать, чтобы носа из комнаты не высовывала? Не спорю, девка хорошая. Помню, какой была, когда с мужем приехала, но скатилась – ниже некуда, а вытаскивать ее отсюда и направлять на путь истинный – я не священник и в церкви не служу. Пусть они учат Тоньку, а меня уволь.

И отмахнулся.

– Только и живешь для себя, как бирюк. Обжегся он... Молодой еще, чтобы обжигаться. Жизни не видел, а уже туда же, – тетка Дарья исподлобья взглянула на соседа. – Она пьет, а ты капли в рот не берешь, но живете одинаково. Никакой пользы от вас. Переводите добро на...

Тетка Дарья не договорила и сплюнула. Сгорбилась, словно хотела от всех, от всего мира спрятаться и, мелко перебирая ногами, выскочила за дверь и зашлепала в свою комнату.

– Ну вот, я виноват, что Тонька пьет, – забасил Николай вслед соседке. – О, жизнь пошла! Нашли крайнего...

Николай чертыхнулся. Подошел к окну. Открыл раму. Закурил, навалившись на подоконник, и посмотрел на улицу. Напротив тоже общага. И там есть два этажа, где семейные живут. Оттуда тоже доносились возгласы и музыка. А на верхних этажах чуть ли не из каждого окна гремит музыка. И следом за ней разносятся голоса – это парни с девками переговариваются. Как весна начинается, так до поздней осени

идет переключка. День ли, утро, ночь-полночь, им наплевать. Так орут, что эхо раздается. Молодые еще. Живите и радуйтесь, а обожжетесь, по-другому запоете.

Николай сплюнул и снова чертыхнулся. А он старик, что ли? Такой же, как и другие, но уже записал себя в старики. А может, он побольше других повидал в этой жизни, что уж радоваться не хотелось. Напрочь отбила жена всю эту радость, когда сбежала от него. Стариком сделала, который, может, и хотел бы улыбнуться, да желания не было. Он отвернулся от окна. Настроения не было. Праздник, а на душе пусто. Раньше праздники вон как отмечали, а сейчас... А что сейчас? Так же отмечают, а может, еще похлеще. Гуляют так, будто последний день живут. Напиться и забыться. И мужики пьют, и бабы не отстают. Правда, от этих сегодняшних праздников никакой радости на душе не было. Возьми любой праздник, что раньше отмечали. Так к нему заранее готовились, а наступал, вот уж радость была. Душа пела. Хотелось всех обнять и расцеловать. И обнимались, и целовались – жизни радовались, потому что наступал долгожданный праздник, а не такой, как сейчас, – почти что ежедневный и нескончаемый для некоторых. Не успел один закончиться, а тут объявляют другой, а на календарь взглянуть, красным красным от чисел, от этих красных дней календаря. Гуляй – не хочу! Поэтому люди спиваются, погружаясь всё глубже в болото, а выбраться не получается, там и помирают. Вся жизнь с ног на голову перевернулась.

– Тыфу ты! – не удержался Николай и чертыхнулся. – Спаивают людей, а они мрут, словно мухи. Скоро выйдешь на улицу, и поздороваться не с кем будет, как в каком-то фильме говорилось. Правда, что не с кем, потому что весь народ в гроб загоняют, если не пьянкой, так еще чем-нибудь. Жизнь наступила, что быстрее сдохнешь, чем дадут нормально жить.

И снова чертыхнулся. Достал сигарету и задымил, нахмурившись.

В дверь стукнули, и на пороге появился не то парень, не то мужик с бутылкой в руках. По опухшей с похмелья роже трудно определяется возраст.

– Тонька, я пришел, – пьяно сказал он и, как был в грязной обуви, так и шагнул в комнату, лишь потом увидел Николая и удивленно посмотрел на него, а потом обвел взглядом пустую комнату. – Ты кто, братан? Может, я тоже присоединюсь, или нужно очередь занимать? Взносы вовремя внесу.

Он показал бутылку и пьяно заухмылялся.

– Пошел вон, – рявкнул Николай, и казалось, стены дрогнули от его баса. – Ты будешь первым в очереди, но на кладбище. Пошел, пока башку не оторвал!

И шагнул к мужику.

Пьяный мужик икнул, взглянув на огромного как в ширину, так и в высоту Николая, мотнул головой, уж не привиделось ли с похмелья, но тут же юркнул за дверь. Потом снова открыл. С недоумением посмотрел на Николая, откуда такое чудо или чудовище взялось, снова мотнул головой, глянул на номер комнаты, пожал плечами, с треском захлопнул дверь, и донеслись торопливые шаги.

– Вот и женись на такой, – буркнул Николай, прислонившись к подоконнику. – Потом всю жизнь будешь мучиться. Нет уж, лучше одному жить, чем швейцаром быть. Тыфу ты, с этой Тонькой уже стихами заговорил!

И снова уж в который раз чертыхнулся.

В коридоре шум. Хлопали двери. Доносились голоса. Слышался топот. Мужики тянулись в один конец коридора, где были курилка и мужской туалет. Пока мужики курили, женщины успевали вымыть грязную посуду, благо, что кухни были на обеих сторонах коридора. И оттуда доносились женские голоса. Вообще, кухня – это святое место для женщин, где они могли поругаться и помириться, открывали души друг другу, обсуждали свои проблемы, делились самым сокровенным, тут же жаловались на мужиков и выслушивали тысячи советов, как отомстить мужу, хоть книгу издавай, и здесь же делились рецептами всяких блюд. И получалось, наступал праздник, а

блюда почти у всех были одни и те же. Ведь общага – это большая семья, где помогают и ругают, где готовы поделиться последним куском, но в тот же момент натывать носом, если заслужил. Это семья, а по-другому не скажешь...

Громыхнула дверь. Николай оглянулся. В комнату не зашла, а ввалилась Тонька. Покачиваясь, она смотрела на него и не видела, а может, просто не обращала внимания, кто в ее комнате может находиться, и ей было на это наплевать. Заходи любой, все равно воровать нечего, кроме старого хлама. Тонька постояла, пытается сконцентрировать взгляд на нем, и не получилось. Она махнула рукой. Сделала два-три неверных шага и, споткнувшись, грохнулась на диван. Застонала. Словно червяк заелозила, повернулась на бок, сунула кулачок под щеку, словно в далеком детстве, и засопела, чему-то улыбаясь во сне...

– О, зараза! – сказал Николай. – Ни копейки денег, а пришла пьяная. Правильно говорят, что свинья грязь всегда найдет.

Николай нахмурился, взглянув на нее. Тонька во сне была абсолютно другой. И морщинки исчезли, и лицо словно просветлело, и эта улыбка на губах, от которой тоже хотелось ей улыбнуться. И Николай сжал губы, когда непроизвольно улыбнулся в ответ. Сжал и нахмурился. Вот стоит перед ней, рассматривает, словно какую-то картину. Вроде ничего девка, лишь картину портили синяки да ссадины. Другой бы мужик никогда бы не подумал, что перед ним лежит девка, которая видела и прошла в жизни почти все, что только можно и невозможно. Другой бы так подумал, а Николай не мог. Сразу перед глазами вставали ее пьянки. И эти попытки покончить с жизнью, как она называла свои раны на руках. Надоело ей жить. Устала она от такой жизни. А может, и правда она устала? Николай снова нахмурился. Ведь девка умная. Понимает, что с ней происходит, а вернуться на прежнюю дорогу не получается. Слишком много друзей на ее пути было, которые помогли опуститься ниже плинтуса, а вот подняться – ни одного не нашлось...

Николай достал сигарету. Покрутил в руках, хотел было закурить, но, взглянув на Тоньку с ее безмятежной детской улыбкой на лице, поперхнулся, вышел в коридор, потихонечку притворил дверь и зашагал в дальний конец, где несколько человек вовсю дымили, и плотное облако табачного дыма нависло над ними, потихонечку расплзаясь по коридору.

– С праздником, Колян! – протягивая руку, сказал тощий мужик в майке и застиранных трико, которые вот-вот спадут с него. – С каким, говоришь? – мужик нахмурил и без того морщинистый лоб. – А хрен его знает, с каким праздником. Главное, что можно законно выпить, и за это ничего не будет. Айда, пропустим по рюмашке.

– Ай, не хочу, – поморщился Николай. – Заколебали эти праздники. Лучше бы зарплату вовремя давали, а то скоро на подножный корм перейдем. Сам пей, Матвей.

И с недоумением оглянулся, когда остальные соседи заготовали – пей, Матвей.

– Ну и ладно, мне больше достанется, – сказал тощий нескладный мужик. – Опрокину рюмашку, на диван завалюсь, фильмец позырю, а потом задам храпака и всё, праздник закончился. Жди следующего...

Он выбросил окурочек в окно, кивнул Николаю и зашлепал по коридору, на ходу поддергивая трико.

– Что не отмечаешь праздник? – сосед подтолкнул Николая. – Все гуляют, а ты трезвый.

– Не хочу, – отмахнулся Николай. – И в комнате сидеть надоело, и пойти некуда. Вышел на улицу. Немного прогулялся и вернулся домой. Вот и шляюсь по коридору. То покурю, то посижу, то в окно погляжу. Скукота!

И Николай громко и протяжно зевнул.

– Говорят, наша Тонька опять чудила? – хохотнул сосед. – О, не девка – огонь! И чего не хватает – не понимаю. Удивляюсь, как с работы не выгоняют. То прогуляет, то с похмелья. А ее держат. Не понимаю...

И сосед пожал плечами.

– Держат, потому что безотказная, – нахмурился Николай. – Любую работу дай, и она выполнит. Я видел, как она работает на конвейере. За ней здоровый мужик не угонится, а она справляется. А что стала в рюмку заглядывать, как говорится, так нужно подруг в шею гнать, которые приучили к бутылке. Выпей, Тонька, плакать перестанешь, и на душе легче станет, – передразнил Николай. – Вот и помогли скатиться.

Бросил окурочек в ведро и сплюнул.

– Правда твоя, Колька, – закивал сосед. – Подруги до добра не доведут. Слишком много советчиц нашлось, когда от нее мужик сбежал. Вот и насоветовали. Сами живут-поживают, а Тонька покатила... Эх, да что говорить-то!

И замолчал, махнув рукой.

– А я помню, когда Тонька приехала после распределения, наши бабы на кухню, как на курсы поваров ходили. Смотрели, что на этот раз Тонька приготовит для своего благоверного, – вмешался в разговор пьяненький сосед. – Наверное, так в ресторанах не готовили, как наша Тонька умела. Моя коблочка до сих пор некоторые блюда готовит, каким Тонька научила. Мы привыкли по-простому, что есть, то и ставим на стол, а Тонька всё с выкрутасами, все с выдумкой. Не хочешь, а попробуешь. А если попробуешь, уже не оторвешься. Эх, готовила, пальчики оближешь!

Сказал и причмокнул.

– Зато сейчас в холодильнике мышь повесилась. Глянул, полведра картошки и что-то еще из продуктов, и всё на этом, – буркнул Николай и рявкнул, заметив чужого мужика, который крутился возле Тонькиной двери. – Эй, доходяга, пошел вон, пока ребра не пересчитал! Ишь, повадились помощнички. Еще раз увижу, голову оторву по самые ноги. Понял?

И погрозил кулачищем.

Мужик взглянул и боком-боком подался к выходу. Юркнул в дверь и исчез.

– Тонька – девка хорошая, – завздыхал пьяненький сосед. – Я бы на свою коблочку поменял. К Тоньке нужен подход. А что я не так сказал? – он взвился, когда некоторые мужики хохотнули. – Как обожглась, всем перестала верить, а мужикам – тем более. Вот ты, Колька, с бабой разбежался. Сам же говоришь, что никому не веришь. Вот и Тонька не верит. А если бы к ней найти подход, эх, всю жизнь как сыр в масле будешь кататься...

– Эй, сыр с плесенью, – донесся басистый голос, и неподалеку от них появилась дородная высокая женщина в коротковатом халате, из-под которого торчали ногитумбы. – Ну-ка, живо домой! Сейчас я скалкой раскатаю тебя.

И погрозила крепким кулаком. Мужики, кутившие возле окна, расхохотались.

Пьяненький мужичок вздрогнул, когда услышал голос жены, и, пригнув голову, торопливо засеменил в комнату.

– Это не коблочка, а целая анаконда, – кто-то хохотнул, когда женщина скрылась в комнате. – Не успеешь глазом моргнуть, как проглотит.

Снова разнесся хохот по коридору, но тут же стих, когда с грохотом распахнулась дверь, и в коридоре показалась тетка Дарья. Она заметалась по коридору. Сначала кинулась на общую кухню, а потом, услышав голос Николая, развернулась и замахала руками.

– Колька, поди сюда, – тонким пронзительным голосом закричала она. – Где шляешься, ирод? Сказал, посидишь возле Тоньки, покараулишь, а сам...

И она снова махнула рукой.

Николай нахмурился. На душе стало нехорошо.

– Что случилось? – забасил он. – Тонька спала, когда я курить вышел.

– Так это... Беда пришла, – всхлинула тетка Дарья и, прижав руки ко рту, качала головой. – Тонька лишила себя жизни. Вот так взяла прямо и лишила! Всё, нет

нашей красавицы...

И завывала, раскачиваясь.

У Николая все оборвалось внутри. Он оглянулся на соседей, которые стояли, прислушиваясь к разговору, а потом кто-то из них толкнул его в спину.

– Что стоишь, Колька? Вдруг тетка Дарья ошиблась, – и снова подтолкнули в спину. – Может, еще живая наша Тонька. Беги!...

Николай помчался в комнату.

Мужики кинулись следом за ним.

Заскочил и мотнул головой, не поверив глазам. Ведь казалось, только что вышел, а Тонька уснула. И улыбка на ее лице была детской и безмятежной, словно она вернулась в далекое прошлое. А сейчас... Сейчас повсюду кровь, Тонька лежала на диване, рука в крови, а сама бледная, как стена.

– Тонька, – Николай кинулся к ней и принялся искать пульс на шее. – Тонька, дурная, что ты наделала? Тонька, слышь меня?

Он затормошил ее. Рядом охала тетка Дарья, а потом кинулась из комнаты и снова вернулась, держа в руках пузырьки и вату с бинтами. Сразу же запахло нашатыркой. Николай цыкнул на нее, чтобы затихла, и снова принялся искать пульс. И тут показалось ему, что под пальцами едва шевельнулась ниточка. Вроде немного, всего лишь толкнулась, но Николай закричал, выхватил из рук тетки Дарьи вату с нашатырем и принялся совать под нос Тоньке, пытаясь привести в чувство.

– Тонька, очнись, – то и дело повторял он. – Тонька, приди в себя. Открой глаза. На меня посмотри. Открой глаза. Рано еще уходить на тот свет. Ты еще жизни не видела. Поживи. Порадуйся жизни. Она не такая плохая, как тебе кажется. Тонька, живи, живи! – и развернулся. – А ты чего стоишь, тетка Дарья? Быстро вызывай неотложку! Живее!

И снова склонился над Тонькой, перехлестнул порезанную руку, пытаясь остановить кровь, и всё старался уловить дыхание и пульс.

Тетка Дарья кинулась в коридор, рывкнула на соседей, которые столпились возле двери, но все опасались заходить в комнату, заляпанную кровью. И мешали друг другу, заглядывая в нее.

Вскоре в коридоре послышался шум. Соседи расступились, и в комнате появились врач и медсестра. И тут же захлопотали возле Тоньки. Шприцы, уколы, нашатырка, что-то говорили друг другу, не обращая внимания на соседей, которые так и остались стоять в коридоре, и Николая, который прислонился к подоконнику и, казалось, даже дышать перестал, лишь бы не мешать врачам, лишь бы они спасли Тоньку.

И вскоре она вздохнула. Пусть вдох едва заметный, а Николай обрадовался. Он заметил, как порозовело лицо у нее. Дрогнули ресницы. И скатилась слезинка по щеке. У Николая сжало сердце. Жалко было ее – эту непутевую Тоньку. Нет, не непутевую... Тонька была же хорошей. Многие хвалили ее, а жизнь сломала, и подруги подтолкнули ее к краю болота, в котором она увязла, а выбраться не хватило сил. И она с каждым днем погружалась все глубже и глубже. И свести счеты с жизнью она специально хотела, потому что впереди будущего не было и не было рядом с ней человека, который поддержал бы ее, помог выкарабкаться и вернуться в нормальную жизнь. И чуть было не ушла...

– Вовремя позвонили. Еще бы немного и мы бы ничего не смогли сделать. В общем, мы забираем ее, – сказал врач. – Пусть немного в больнице полежит. Ее нельзя оставлять одну. А там будет под присмотром. Ничего, молодая, оклемается, – и оглянулся, нахмурился, заметив соседей, и шикнул, чтобы разошлись. – А мы пройдем с носилками по лестнице?

– Да не нужны носилки, – забасил Николай. – Я сам ее до машины донесу. Она же легкая словно перышко.

Он кинулся к шкафу, перерыл все полки, собрал документы и, как был в трико и футболке, осторожно подхватил Тоньку на руки и зашагал к выходу вслед за врачами.

Всплескивая руками, охая, вслед за ними увязалась вахтерша.

– Подождите, а вы кто такой? – сказал врач, когда Николай на руках вынес Тоньку, помог положить на носилки и сам же полез в машину скорой помощи. – Кто такой, спрашиваю? Посторонним запрещается. Без вас справимся. Документы оставьте, а сами уходите...

И, махнув рукой, склонился над Тонькой, осматривая руку, что-то сказал медсестре, и она опять стала готовить шприц.

– Колька, не оставляй меня... – едва слышно донесся голос, и Колька увидел, что Тонька приоткрыла глаза, а взгляд плавал, и она никак не могла зацепиться за него. – Колька, слышишь? Не оставляй. Я боюсь...

– Лежи, Тонька, лежи, – зашептал Николай. – Не оставлю, не бойся. Отдыхай, не разговаривай...

– Не мешайте нам, – уже раздражаясь, сказал врач. – Кто вы такой, спрашиваю?

– Я-то... – растерянно сказал Николай и оглянулся, словно искал поддержки, но рядом никого не было, кроме вахтерши. – Я это... гражданский муж. Можете спросить у вахтера. Да, тетя Мань?

Вахтерша удивленно посмотрела на него. Нахмурилась. Снова на него взглянула, а не шутит ли он, а потом быстро закивала головой.

– Правду говорит, чистую правду, – и продолжала кивать головой. – Вот те крест, касатик! Мужик ейный, самый что ни на есть гражданственный...

И она мелко и торопливо перекрестилась.

– Как же вы, гражданственный муж, не уследили за женой? Сам вроде трезвый, а она... Поругались, что ли? А, понятно. Ну, все в жизни бывает. Жизнь словно полосатая зебра, то черная полоса, то белая... Ладно, поехали с нами, – сказал врач, наблюдая, как Николай протискивался в машину. – Вы бы присматривали за своей женой. А то в следующий раз можем и не успеть.

И врач развел руками.

– Буду присматривать, – не сказал, а выдохнул Николай, сжимая в руках узкую ладошку. – Глаз с нее не спущу. Я не принц, конечно, и белого коня нет, но смогу удерживать её...

– Какой принц, причем тут конь – не понимаю... – с недоумением взглянул врач, и морщинки пробежали по лбу, а потом повернулся к водителю. – Поехали. Что-то сегодня много вызовов. Гуляет народ, а мы едва успеваем праздничные плоды пожирать...

Взглянул на Тоньку и устало вздохнул.

Машина, включив сирену, помчалась по улице.

А в городе продолжался праздник, столь привычный для всех, но для Николая этот день стал радостным...

АЗАД ЯШАР

Поэт, переводчик, эссеист, архитектор и художник.

Его стихи переведены и изданы на 10 языках. Перевел на азербайджанский язык произведения около 450 авторов мировой литературы. Работал архитектором и дизайнером на родине и в РФ, долгие годы занимал должность главного редактора газеты «Пенсионер» (органа Государственного Фонда Социальной Защиты), является одним из соучредителей Союза Независимых Писателей Азербайджана (АУО, 2001) и его органа журнала «Алаторан»(Сумерки). Один из ярких представителей постмодернизма и концептуализма в Азербайджане.

Автор 20 книг, в том числе стихотворных сборников «Все и Никто» (2003) и «Концепт» (2016), в которых представлены также его графические работы. Участвовал в двух республиканских выставках своими каллиграфическими композициями.

Сон очков

**Отправляясь спать,
человек снимает очки:
«Довольно на всё смотреть сквозь вас,
свой сон хочу видеть без посредников».**

**Очки молчат, засыпают немного поодаль –
человек погружается в свой сон,
а очки в свой.**

Относительность

**Его ботинки,
даже замаранные грязью,
были намного чище
совести своего владельца.**

Неорубаи

**В детстве
всё, чем мы играли,
казалось нам нашей игрушкой.
Время
со временем
научило нас, что за многими вещами
скрываются понятия
более серьезные, чем кажется.**

**А постарев, мы поняли, что всё –
лишь игрушка в руках у рока –
хоть и поздно...
Игрушка!
Но смотря в чьих руках...**

Свет и тени

В темноте ему преградили путь:
– Если хочешь жить...
Он не дал окончить:
– Хочу, – сказал, –
но не так, как велите вы,
А ТАК, КАК ХОЧУ Я САМ!

Эдипов комплекс с вероятностью инцеста

Может ли считаться
Фактом инцеста то,
Что молодой актер
В реальной жизни
Занимается любовью с актрисой,
Которая играет в фильме или спектакле
Роль его матери?!

Весь оставшийся смысл жизни

Длинную очередь мы увидели, придя в мир.
Длинную, как Китайская стена,
и живую людскую изгородь.
«Что раздадут?» – спросили мы с интересом
у стоящих в очереди.
Но никто не откликнулся,
не сломалась печать уст.
Молчаливыми и озадаченными были все.

Пришлось и нам встать в очередь,
«Эти люди не стали бы здесь попусту стоять,
они что-то знают», –
решили мы.
Когда настал наш черед,
мы поняли,
что стоим в очереди за смертью –
стоим, как и каждый.

Всё так быстро началось и завершилось...
Всё настолько затянулось...

Машинист-диджей

Этим утром машинист метро
Устал от однообразия
Своей работы,
Взялся за диджейство и
Сделал вот что:
Незримая женщина, чей голос звучал из динамиков,
Произнесла название станции, где мы остановились,

Сообщила о том, что двери закрываются,
Посоветовала быть внимательным друг с другом,
Уступать место старикам, инвалидам и женщинам с детьми.
Как только она произнесла «Следующая станция...»,
Машинист
Точно опытный диджей убавил звучание женского голоса
И добавил к объявлению
Слово «Gənclik».

Черный юмор

Мужчина, одетый в синий халат,
Крутится-вертится вокруг женщины, которую сочли мертвой,
И снимает мерку.

Внезапно «оживший» труп спрашивает:
«Доктор, почему вместо того, чтобы меня лечить
Вы меряете меня вдоль и вширь?»

Она получает неожиданный ответ:
«Я не врач, милая дама, я гробовщик».
«Что в таком случае я здесь делаю?»
«Так! Протяни руки-ноги
И срочно умирай подобру-поздорову,
А не то...
Мне придется похоронить тебя заживо».

Похвала в проклятии

Другу своему, человеку Пути,
Я сказал улыбаясь: «Умереть бы тебе... прежде смерти!»
Он кивнул в знак согласия и поблагодарил меня.

Третий возле нас
Человек-невежда изумился тому:
«Как ты можешь благодарить того, кто тебя проклиняет?!»

Мой друг суфий вновь улыбнулся:
«Эти слова означают проклятье только для вас.
Но для знающих...
Они лучшая похвала».

Интимность одиночества

То, что живущий одиноко мужчина
Сам моет посуду после еды –
Тоже можно счесть интимной подробностью,
Связанной с ним.
В подобном случае...
То, как он моет, не столь важно.

Копировальный аппарат

Эта женщина, бывшая замужем три раза,
Родила от первого мужа трех,
От второго двух,
От последнего одного ребенка.
Получается, что
С возрастом
Она плодила всё меньше.

Но важно не это,
А то, что
Все дети, рожденные от разных мужчин, –
– как цыплята из инкубатора –
Похожи лишь на нее саму.
Будто бы женщина
Была одержима самовоспроизводством.
Функционировала точь-в-точь как ксерокс –
Выпускала свои копии,
Независимо от личности того, кто
Нажимал кнопку «Родить» на ее теле...

Возможность выбрать себе наказание

Если тебе мало
ЗаклЮчить птичку в клетку,
Если захочется
Наказать ее бедную,
То единственный путь –
Открыть дверцу клетки,
Отпустить ее на волю.

Если она поймет, что сама
Неспособна найти
Корм и воду,
И добровольно вернется в клетку,
То это станет
Самым тяжким наказанием,
Которым она себя осудит.

Дождь из автомобилей

Каждое утро
В нашем дворе
Становится на пару машин больше,
Будто
По ночам
С неба беззвучно
Льются
Автомобили всевозможных марок.

Потери – находки

Ищущий человек зачастую
Находит не то, что потерял сам,
А то, что посеяли другие,
И потому
Не ощущает потребности
Вернуть их владельцам.

Поэтому в мире
Больше потерявших,
Чем нашедших.
Ибо некоторые вещи
Теряются для того,
Чтобы никогда и ни за что не нашлись.

Между Да и Нет

Жизнь –
Чудный дар, дарованный нам Творцом,
Потому что нельзя ни с женщинами,
Ни без них.

От верности к измене и наоборот

Эти два вопроса относятся лишь к тварному миру, то есть ко всем одушевленным существам и неодушевленным предметам, кроме Бога.

На эти вопросы, с которыми мы сталкиваемся во все времена и ситуации, ответа пока нет.

Автор

Будучи верным тебе
Насколько я изменяю себе?!

В таком случае
Изменяя тебе,
Насколько я верен себе?!

Если найдешь
Ответ на эти вопросы
Дай знать и мне.

P.S. Вышеизложенные вопросы не имеют никакого отношения к пречистому Творцу, так как всё сущее сотворено Богом и рано или поздно всё вернется к Его престолу.

Автор

Самоубийство дурьей башки

Из дырки
В виске,
Куда вошла пуля,
Вместо крови и серого вещества
Посыпались опилки и труха.
Своей смертью
Он еще раз подтвердил
Прозвище, которым
На целую жизнь
Его наградили другие.

Если придется...

Если придется,
Я объединюсь с ним и всем отомщу.

Но, вдруг, если не придется,
Тогда делать мне нечего.
Пусть каждый
Решает свои проблемы сам
И не надеется на меня.

В Китае и у нас

В Китае тысячи людей
Каждое утро
Стекаются по собственной воле на огромные площади
И занимаются ушу.
А наш гражданин
В битком набитом вагоне метро
Вертит три раза
Еще не совсем проснувшейся головой
Справа налево
И пару раз слева направо,
И тем самым
Считает дело сделанным.
Когда его спрашивают об этом занятии,
Он отвечает:
«Тем самым я показываю, что мир
Вертится и так, и сяк».

Разве
Это
Не наш национальный вид спорта?
К тому же это
Очередная форма
Жалобы на рок...

Программа «Don Juan Draw»

**Эта компьютерная программа
Подготовлена для создания образа вашей идеальной
женщины.**

**Сперва отсканируйте фотографии
Ваших любимых женских образов.
Если нет под рукой фотографий
Можете их оживить с помощью памяти
И загрузить в компьютер.**

**Сперва решите, что в них
Вам некогда нравилось.
Затем возьмите от одной глаза,
От другой губы и щеки,
От третьей волосы и шею,
От четвертой грудь и рост,
От пятой талию и бедра,
От шестой и т.д.
От седьмой и т.п.
Посадите всё это самым приемлемым образом
На женский макет.**

**Если получится что-нибудь стоящее,
Считайте, вам повезло,
Ибо даже Господь
Считает лишним
Даровать всё это сразу одной женщине.
Именно потому дитя Адама
Преследует то одну, то другую
Женскую тень.
Если в итоге этих коллажей
Получится нечто несусветное –
Программа не виновата,
Ибо выбор и монтаж идеальных органов
Принадлежал вам.
Именно вам пришла в голову идея
Соединить все это
И с этой целью
Воспользоваться именно нашей программой.
Вы могли бы вообще не покупать эту программу,
Которая в девяноста девяти случаях из ста
Оказывается «виновной».**

**P.S. Считаю долгом заранее
Вас поблагодарить
Если вы порекомендуете
Нашу программу
Нескольким своим знакомым.**

Поклонение туфлям

1

Девушка-студентка на перроне
Метростанции «Elmlər Akademiyası»
Наклонилась и нежно
Кончиками тонких пальцев
Вытерла туфли с каблуками,
Которых нещадно топтали в давке.
Я наблюдал за ней через окно
Вагона, где находился.
Затем девушка
Той же рукой
Вытерла пот, выступивший на лбу,
И гордо откинула волосы назад.
В ту минуту мне пришло на ум, что
На вопрос парня, признавшегося ей в любви,
Вопрос: «Чем доказать тебе свою любовь?»,
Эта девушка скажет: «Три раза в день,
К тому же у всех на глазах, вставай на колени
И вытирай мои туфли».
На секунду я представляю
Всё положение этого влюбленного идиота,
Проводящего всю семейную жизнь на коленях, пресмыкаясь.

2

Молодой парень,
Сидящий в вагоне и не отводящий
Глаз от своих туфель,
Достал платок из заднего кармана брюк,
Вытер и без того сияющие туфли, а затем
Убрал платок обратно.
Наверно, он потом по ошибке
Вытрет этим платком
И лицо.

3

Выйдя из метро,
Я направился на прием
Самодовольного чиновника.
Секретарша приняла меня за близкого
И сказала:
«Проходите, шеф в кабинете».
Я вошел внутрь.
Начальника не было,
Вероятно, он находился в комнате отдыха.
«Ничего, подожду здесь», – подумал я.
Я решил занять себя просмотром газет.
Чуть спустя
Я услышал пение вполголоса
И шорох из соседней комнаты.

Взглянув в том направлении,
Я увидел, что этот чиновник
Водрузил, как корону, новехонькие сияющие туфли
Себе на голову
И развлекается перед зеркалом во весь рост...
И я снова опешил.

4

Седовласый мужчина, пытающийся протиснуться
В переполненный вагон на станции «Нариманов»,
Нехотя
Наступил на набуковые мокасины одного студента.
«Прости, сынок, я нечаянно», – сказал мужчина
Парню, который годился ему в сыновья.
Студент гневно прикрикнул на него:
«Дядя, в этом мире получают лишь за чаяния.
А за нечаянное ничего не полагается!».
Несмотря на давку в метро,
Парень несколько раз наклонился и осмотрел отдавленные
мокасины.
Когда людей в вагоне стало чуть поменьше,
Ему удалось вытереть мокасины рукой.
Затем он расстроено повел головой.

В тот вечер
В криминальной хронике по телевидению
Показали фото того парня и сообщили, что
Во дворе возле метро «İnşaatçılar»
Он пырнул ровно три раза ножом пожилого мужчину.
Хотя мужчину увезла «Скорая помощь»,
Раненый скончался по пути в больницу от потери крови.
Парень в качестве мотива преступления дал показание
И сказал, что они поспорили с тем аксакалом,
Но я в ту же минуту понял:
Это ложь.
Ибо когда на экране появилось удостоверение покойного,
Я его узнал.
Истинной причиной были те проклятые мокасины!
Студент, выступивший против
Девиза, озвученного в вагоне,
Что-то всё-таки дал
«ничего не чаявшему» мужчине...
То есть – смерть!

5

Что за мания?!
С каких это пор туфли, соприкасающиеся
С землей, пылью и грязью, превратились в корону?!
Почему они
Стали важнее головы, лица, достоинства
И почему стали настолько выше человека
В наших глазах?!

Объединение двух путей или путь Пути

Столкнувшись со своим знакомым, специалистом по родам,
Я заметил, что он сильно расстроен,
Даже взвинчен.
Один молодой парень, записавшийся к нему на прием,
С горечью пожаловался ему на то, что
Всё еще не имеет детей,
Хотя в браке уже два года.

Когда доктор
Расспросил его, что и как он делает,
Выяснилось: этот остолоп,
Измучивший свою жену,
До сих пор считал, что влагалище и анус
Это одно и то же.
Доктор,
Считавший это самым тяжким оскорблением
Для человека – венца природы,
Прогнал того невежду из кабинета со словами:
«Бесплоден не ты,
А твой мозг и душа!»

Правильно и сделал, ей-богу...

Да не прогневится Бог, но
Смотря на поведение некоторых бездушных двуногих,
Начинаешь верить, что они пришли в мир
Именно через то отверстие.

Период адаптации ко лжи

Чтобы уверить других во лжи,
Сначала
Надо поверить в нее самому,
Породниться с этой ложью,
Обняться, побрататься.

Видимо, как и всё,
Ложь
Требует от человека
Периода адаптации.

Человек-памятник

Я
От макушки
До кончиков ногтей
Принадлежу
Лишь
Тебе.

При жизни
Я
Первый
И последний
Памятник тоски,
Возведенный
Лишь для тебя
Одной.

Глаза. Нос. Зеркало.

Всё видят вместе,
Но друг друга
Не видят глаза, из-за перегородки
Под названием «нос».

Хорошо, что есть зеркало...
Ибо это
Волшебное стекло с серебряным покрытием,
В котором глаз может увидеть
Не только напарника, но и себя.

Ликвидация цензуры

Все мысли,
Созревающие у него в голове,
Льются
Одна за другой
С его языка,
Не проходя через фильтр ума.

Понять, умнее он нас
Или дурак дураком,
Зависит от смысла
Того, что он говорит.

На ширину плеч

Музыкантша
Каждый раз
Перед игрой
Закрывающая страстно в объятья
Виолончель, как возлюбленного,
Извлекающая из нее нежные вздохи,
Будоражающие вопли,
Каждый раз невольно
Выполняет в точности команду,
Осевшую в памяти
Со времен школьных занятий физкультурой:

«Ноги
На ширину плеч!»

Перо. Весло. Мобильный телефон

Птичье перо, отлетевшее от птицы,
Летит вовсе не хуже ее самой,
Просто
Оттого, что оно не имеет цели и желудка,
Летит куда попало.
И зачастую вниз, извиваясь.
То есть все еще содержит в себе
Нечто от птицы.

Если взять весло лодки
И бросить в серые,
Илистые и бурные воды Куры,
Оно поплывет,
Пусть и чуть хуже самой лодки,
Но всё же куда-нибудь да доплывет.
Значит, это весло
Всё еще
Станет повторять
Уроки, полученные от лодки.

Мобильный телефон
В нашем хаотичном мире
В некотором смысле может считаться
«крылом» и «веслом» современного человека,
Но не имея владельца рядом
Он не способен отвечать на звонки,
И вдобавок, не имея зарядки,
Не сумеет «открыть глаза»
И взглянуть на мир вокруг.

И после этого
Им
Не забить и гвоздя
В стену.

Это есть доказательство того,
Что в новых технологиях
Законы наследственности и условных рефлексов
Сведены к нулю.

Переводы Ниджата МАМЕДОВА

УКРАИНСКИЙ БАКИНЕЦ

Познакомиться с Александром Даниловичем Бакуменко мне помог счастливый случай, которым стало наше Азербайджанское телевидение со своим репортажем из Киева про творческую встречу азербайджанской диаспоры в Украинском фонде культуры имени Бориса Олейника. Перед нашими земляками, живущими в Киеве, с приветственным словом выступил Председатель правления Украинского фонда культуры имени Бориса Олейника писатель-академик Александр Бакуменко. Его искреннее выступление запало мне в душу, и я решил позвонить этому интересному человеку, корни которого некоторым образом связаны с нашим любимым городом Баку. Добросердечный собеседник поведал мне такую историю.

В 1952 году, после успешного окончания редакторского факультета Военно-политической Академии имени В.И.Ленина в Москве на службу в Баку попал тридцатидвухлетний подполковник Данило Бакуменко. Перед распределением, как отличника учёбы, его вызвал к себе начальник отдела кадров академии и полушутя спросил: «Как ваша фамилия, товарищ подполковник?» Подполковник по уставу отрапортовал: «Бакуменко, товарищ полковник!» «Вот и хорошо, ваша фамилия сработала успешно для мандатной комиссии, вы Бакуменко, значит сам Бог вам велел служить в городе Баку!» – ответил кадровик. После некоторого замешательства молодой подполковник попробовал оспаривать решение мандатной комиссии академии, заявив, что он член Союза писателей Украины и хотел бы продолжить воинскую службу в Украине, чем вызвал только гнев старшего по званию офицера-кадровика. Ведь не каждому выпускнику Военно-политической Академии предоставлялась высокая честь возглавить политотдел Закавказского военного округа, получить перспективную генеральскую должность...

За время службы на Кавказе Данило Александрович сроднился с Баку, полюбил этот город, полюбил азербайджанский народ, полюбил Азербайджан. Он выучил азербайджанский язык, выучил традиции и культуру братского народа. Ещё до войны, во время обучения на филологическом факультете Харьковского государственного университета у Данила Бакуменко проявились способности к изучению иностранных языков. В университете он увлёкся литературными переводами, что впоследствии, после войны пригодилось уже во время военной службы. Перебирая отцовские архивы, сын Александр нашёл интересные стихи, целые циклы стихов и очерков, написанных его отцом в Баку, а также немало оригинальных переводов с азербайджанского языка на украинский язык известных азербайджанских поэтов Зейнала Халила, классика азербайджанской литературы Самеда Вургуну, большого друга Данила Бакуменко, народного поэта Азербайджана Расула Рза, стихи которого в полном объёме отец Александра перевёл на украинский язык и издал в Украине отдельными книгами. Да и сам Александр Данилович принял эстафету от своего отца и успешно продолжает свою литературную и научную деятельность в украинской литературе и украинской культуре.

Писатель Александр Бакуменко работает во многих литературных жанрах. Он – поэт, прозаик, публицист, драматург, переводчик, литературовед и искусствовед. Член Национального союза писателей Украины, член Национального союза журналистов Украины, член Национального союза краеведов Украины. Действительный член Академии критики искусства и эстетических наук Украины по литературоведению и литературной критике, академик-секретарь отделения искусствоведения и литературоведения Международной Академии просвещения и науки Украины. Председатель правления «Украинского фонда культуры имени Бориса Олейника». Президент Украинской Ассоциации писателей социально-художественной литературы, секретарь Международного союза славянских писателей, вице-президент Общества Дружбы «Украина – Болгария», Почётный академик-писатель Союза писателей Болгарии, профессор Института «Украина – Казахстан», председатель Всеукраинского юбилейного общественного оргкомитета «Сковорода – 300», Почётный гражданин Дергачёвского района Харьковской области.

Александр Данилович Бакуменко – автор более пятидесяти книг поэзии, прозы, публицистики, нескольких учебников для ВУЗов, лауреат литературных премий многих стран. В декабре 2019 года Президиум Национальной академии наук Украины наградил Александра Бакуменко Почётным знаком Национальной академии наук Украины «За профессиональные достижения».

Представляю вниманию наших читателей статью Александра Бакуменко, посвящённую 150-летию со дня рождения выдающегося украинского учёного-востоковеда Агатангела Крымского.

НАМАЗАЛИ МУСТАФАЕВ

АЛЕКСАНДР БАКУМЕНКО

«Метаязык» литературоведения

Агатангела Крымского

К 150-летию со дня рождения Агатангела Крымского

Сегодня, в первой половине XXI столетия, не имея непосредственного доступа к архивам НКВД, очень сложно оценивать подвижническое творчество и научную деятельность выдающегося украинского учёного Агатангела Ефимовича Крымского. Для ознакомления с творческими достижениями учёного и его творческим наследием, которое было запрещено для широкого читательского круга до 1960 года, материалов из социальных сетей для детального и глубокого анализа гениального наследия выдающегося украинского востоковеда, филолога, поэта и переводчика, к огромному сожалению, не хватает. Чтобы по-настоящему углубиться в философию и психологию уникальных творческих достижений Агатангела Крымского, необходимо непосредственно работать с его первоисточниками и рукописями. Из того, что осталось для широкого доступа читательской аудитории в советское время, можно только схематически проследить путь выдающегося учёного и удивляться тому, какой большой уникальный вклад внёс в украинское и российское востоковедение, в основы современной украинистики Агатангел Крымский, знавший все диалектические тонкости украинского языка и свободно владевший почти шестьюдесятью иностранными языками.

Родился Агатангел Ефимович Крымский 15 января 1871 года в городе Владимире-Волынском в семье учителя гимназии, которая по отцовской линии имела татарско-белорусские корни, а по материнской – польско-литовские. По окончании Второй киевской гимназии Агатангел Крымский в течение 1885-1889 годов учился в Коллегии Павла Галагана, где на его развитие оказал сильное влияние известный украинский филолог П.Г.Житецкий. В 1889 году А.Е.Крымский поступил в Лазаревский институт восточных языков в Москве, после окончания, которого в 1892 году его оставили на кафедре арабской филологии для подготовки к профессорскому званию. Также в течение 1892-1896 годов молодой учёный прослушал курс историко-филологического факультета Московского университета под руководством языковеда, фольклориста и этнографа Всеволода Миллера, слависта Романа Брандта, специалиста по сравнительно-историческому индоевропейскому языковедению П.Ф.Фортунатова, историков П.Г.Виноградова, В.И.Герье, В.И.Ключевского и сдал магистерские экзамены по арабистике в 1896 году в С.-Петербургском университете, а в Московском университете экзамены по славянской филологии.

В 1896 году талантливый магистр Агатангел Крымского направили в Сирию и Ливан для углубленного изучения ориенталистики, для работы над арабскими рукописями. Возвратившись назад (1898 год), А.Крымский стал работать в Лазаревском институте. Здесь он преподавал в специальных классах курсы истории семитских языков, руководил практическими упражнениями переводов с русского, арабского языков, и наоборот, изучением Корана и грамматических текстов, читал лекции по истории арабской литературы, преподавал арабскую поэзию и занимался проблемами перевода на арабский язык философско-литературных текстов. В 1901 году Агатангел Ефимович возглавил кафедру арабской словесности Лазаревского института и до 1918 года работал профессором арабской литературы и истории мусульманского Востока. После смерти Ф.Е.Корша Крымский в течение трёх лет (1915-1918) преподавал ещё персидский язык и литературу, а в течение двух лет преподавал и турецкий язык.

В Московском университете А.Е.Крымский также работал на кафедре русского языка. В течение 1900-1918 годов А.Крымский исполнял обязанности учёного секретаря Восточной комиссии Московского археологического общества, действительным членом которого его выбрали в 1902 году, был редактором периодического издания этого общества «Древности восточные», где печаталось множество его статей, а также был редактором серии «Труды по востоковедению», которая издавалась Лазаревским институтом восточных языков.

Имея уникальные условия для дальнейшего творческого роста в Москве, в 1918 году А.Е.Крымский под влиянием своих внутренних убеждений переехал в Киев. Он стал одним из организаторов и первых академиков Украинской Академии наук (УАН), первым её учёным секретарём. На этой должности А.Крымский работал в течение десяти лет с 1919 по 1929 годы (до 1928 – её непререкаемый секретарь), он был активным помощником Председателя Президиума Украинской академии наук академика Владимира Вернадского. Кроме того, А.Крымский возглавлял историко-филологический отдел УАН.

В это время А.Крымский работал профессором на кафедрах украинистики и восточной истории Киевского государственного университета, возглавлял с 1921 года Институт украинского научного языка, который с 1930 года стал Институтом языковедения АН Украины. По инициативе Крымского в Харькове была создана Всеукраинская научная ассоциация востоковедения. 12 сентября 1921 года в связи с признанием заслуг Агатангела Крымского Совнарком УССР принял постановление «О социальном обеспечении заслуженных работников науки», где в числе учёных Крымскому гарантировалось пожизненное материальное обеспечение, издание за государственный счёт научных работ, освобождение от государственного налогообложения, запрет на реквизицию и уплотнение предоставленного ему жилья.

Интересная деталь, именно в период своего возвращения в Киев, во время создания Украинской Народной Республики, во многих исторических исследованиях Агатангел Крымский был непримиримым оппонентом Михаила Грушевского, поскольку считал его труды тенденциозными, которые использовали недостоверные источники информации.

Среди основных заслуг А.Е.Крымского следует отметить весомый вклад в изучение языка и культуры крымских татар. С конца 1920-х годов во время свёртывания так называемой большевистской политики «коренизации», Агатангел, как представитель крымско-татарской интеллигенции, был подвергнут безосновательным нападкам, в 1930 году он был исключён; однако после воссоединения Западной Украины в 1939 году был восстановлен на всех должностях, осуществил ряд поездок в Западную Украину. Даже в 1940 году за свою научную деятельность был награждён орденом Трудового Красного Знамени и получил почётное звание «Заслуженный деятель науки Украины».

Агатангел Крымский – один из выдающихся украинских европейских учёных мирового уровня. Его научно-исследовательская деятельность чрезвычайно многогранна. Он свободно владел почти 60-ю языками Востока, Средней Азии, Кавказа, Западной Европы и множеством языков и диалектов народов мира. В своём распоряжении он имел несколько псевдонимов, которые использовал для общения с читателями: Агатангел Хванько, Хванько Крымский, Ивхимец, Панько Рогач, Мирза-Джафар и др.

Творческое наследие А.Е.Крымского насчитывает более 1000 публикаций: монографий, учебников, статей. Особенное место в работах выдающегося учёного принадлежит трудам по арабистике, семитологии, тюркологии, иранистике. Много внимания уделял Агатангел Ефимович проблемам развития украинского литературного языка, фольклористическим и этнографическим исследованиям, например по антропологии «Об антропологическом составе восточных славян»(1928). Большую часть своих научных трудов Крымский посвятил развитию украинского литературного языка, его обогащению и нормированию. В 1921 году он принял активное участие в создании «Главных правил украинского правописания», создал «Очерк истории украинского правописания до 1927 года» (1929), исследовал «Старокиевский говор» (1907), создал «Очерки по истории украинского языка и хрестоматию из памятников письменной староукраинщины XI-XVIII» (1922). Учёный был также научным редактором множества словарей и сборников. Значительное внимание Агатангел Крымский уделял лексикографической работе. Под его редакцией увидел свет «Русско-украинский словарь» в 3-х томах (1933), где Крымский использовал собранный им лексический материал и «Русско-украинский словарь юридического языка» (1926). Под редакцией А.Крымского издавались произведения Григория Квитки-Основа-Ненко, Степана Руданского, Ивана Франко, Михаила Коцюбинского.

Было у Агатангела Ефимовича и своё личное увлечение в виде филателии, которую он обожал, как один из источников оригинальных знаний во время творческого отдыха. Будучи заядлым филателистом, Агатангел Крымский имел широкую популярность как известный специалист в сфере знаков почтовой оплаты, выпущенных Российским обществом пароходства и торговли. Общество тогда базировалось в Одессе и занималось до 1917 года перевозкой грузов и почты между портами Чёрного и Средиземного морей. К сожалению, во время ареста Агатангела Крымского его уникальная коллекция почтовых марок исчезла в неизвестном направлении. Кстати, в 1996 году в Украине в связи со 125-летием со дня рождения А.Е.Крымского вышла в свет почтовая марка, посвящённая выдающемуся украинскому учёному-востоковеду. А Львовское филателистическое общество, созданное в 1990 году в честь выдающегося деятеля украинской культуры, стало носить имя Агатангела Крымского.

Ныне, анализируя развитие украинского литературоведения, я бы отдал пальму первенства Агатангелу Крымскому, как одному из выдающихся учёных – творцов компаративистики в Украине. Известно, что компаративистика, как одна из главенствующих литературоведческих дисциплин, сформировалась во второй половине XIX столетия и заняла место между двумя другими давними основополагающими дисциплинами – между историей литературы и теорией литературы. Компаративистика в научном исполнении Крымского была связана с историей и теорией литературы внутренней специфической связью, которая соответствует самообразованиям промежуточного характера. Развитие компаративистики в трудах Крымского от начала и до конца было отмечено изменениями векторов движения либо в сторону истории литературы, либо в сторону теории литературы. И это легко объяснялось автором конкретными примерами современного литературоведения. Поэтому компаративистика в понимании Агатангела Крымского стала своеобразным «метаязыком» литературоведения. Украинского учёного-востоковеда А.Е.Крымского без сомнения можно считать ярким представителем развития научной компаративистики, которая охва-

тывает вторую половину XIX и первую половину XX столетия. Его научное творчество характеризуется колоссальными знаниями в области сравнительного анализа разнообразных языковых групп и лингвистических диалектов, характеризуется доминированием контактологии, которая определяющим образом обуславливает её первостепенную связь с историей литературы. Этот вид сравнительного литературоведения по своей методологии и методикам очень близок к контактологии. Поэтому становится ясным, почему на первом этапе литературоведение развивалось в основном в поле истории литературы, во взаимосвязи и взаимодействии с ней. А также, почему особенного развития у Агатангела Крымского получило понятие, по которому компаративистика является составной частью истории мировой литературы. В начале XX столетия появились труды по истории мировой литературы, по истории европейской литературы «универсального литературоведения» с принятой на Западе терминологией, в которой активизировались элементы и концепты сравнительного литературоведения. Очень показательными произведениями того времени в этом отношении стали труды Агатангела Крымского: «Арабская литература в очерках и примерах» в 2-х томах (1912), «История арабов и арабской литературы, обычной и духовной» в 3-х томах (1913), «Лекции по истории семитских языков» в 2-х томах (1903), «Семитские языки и народы» в 3-х томах (1912), «История Турции и её литературы» в 2-х томах (1912), «Тюрки, их языки и литература» в 2-х томах (1930), «История Персии, её литературы и дервишской теософии» в 3-х томах (1915), «История новой арабской литературы. XIX – начало XX ст.» (1971), «История мусульманства» в 3-х томах (1912), «О подделанных памятках чешской филологической старини» (1899), «О лубочной украинской литературе» (1893) и т.д. На начальном этапе научной компаративистики Агатангела Крымского наибольшего развития достигло изучение генетических взаимосвязей литературных явлений, которые, как тогда считалось, открывали перспективные возможности для определения совместного межнационального литературного процесса. В лице Агатангела Крымского в Украине возникла известная европейская «миграционная школа», которая исследовала мировые, общечеловеческие сюжеты, мотивы, образы, их движение во времени и пространстве, что должно было бы привести к реализации прикладной компаративистики. Характерной её чертой была связь со сравнительной фольклористикой, поскольку основной массив «дорожных сюжетов» той школы имел фольклорно-мифологическую основу. Кроме того, она обращала на себя внимание, поскольку с неё начиналась украинская литературная компаративистика в трудах её основателей Михаила Драгоманова и Ивана Франко – соратников и литературных отцов Агатангела Крымского.

В начале 20-х годов прошлого столетия Агатангел Крымский стал основателем школы художественного перевода восточной поэзии не только в Украине, но и в Европе. Он сделал перевод на русский язык мусульманского Корана. Благодаря Агатангелу Крымскому украинский читатель впервые познакомился с поэзией Хафиза, Омара Хайяма, Рудаки, Саади, Фирдоуси, Навои, Низами Гянджеви и др. А также читатели познакомились с текстами из Корана, «1001 ночи», «Хамсе». А.Е.Крымский перевёл множество произведений выдающихся арабских и тюркских писателей на украинский язык. Он перевёл и подарил украинцам произведения стародавней и новейшей классической мировой литературы. Это поэтические произведения Дж.Байрона, Г.Гейне, Э.Ростана, А.Кольцова, Н.Некрасова и многих других гениальных писателей мира. А.Крымский поддерживал дружеские отношения с выдающимся индийским писателем Рабиндранатом Тагором, о чём свидетельствует их продолжительная переписка.

А.Крымский одним из первых исследователей-востоковедов в мировой литературе открыл малоизвестные страницы жизни и поэтического творчества гениального азербайджанского поэта, мыслителя и гуманиста Низами Гянджеви.

Свидетельством этого факта может служить книга А.Крымского «История Персии, её литературы и дервишской теософии» в 3-х томах (1915). К большому сожалению, исследовательская деятельность Агатангела Крымского в советское время не афишировалась, потому среди исследователей творчества Низами, особенно в 30-50-е годы XX века имя Крымского, как «врага советского народа», нигде не упоминается. Агатангел Ефимович Крымский по своим навыкам лингвиста-востоковеда был выдающимся стилистом. Он первым в мировой литературе отметил стилистические особенности поэтического слова Низами, которое вообще было присуще только поэзии Азербайджана XII века. Низами в своём гениальном творчестве пользовался особым стилем, который можно было бы условно назвать «орнаментальным». Характерной чертой «орнаментального» стиля была увесистость каждого слова в строке путём введения многочисленных фигур, широчайшего использования игры словами, чему в значительной степени содействовала полисемантичность лексики персидского литературного языка того времени. А.Крымский, как профессиональный переводчик, ещё тогда отмечал, что многие из тех фигур, особенно там, где использовались омонимы, в переводах сохранить было невозможно. Крайнее затруднение у него вызывали и многозначительные метафорические эпитеты. Вообще Агатангел Ефимович восхищался характерной чертой азербайджанской поэтической школы XII века, творцом которой был гениальный поэт-мыслитель Низами. Его поэтическая школа вобрала в себя достижения науки того времени, её выводы, постулаты, гипотезы, терминологию. Данные точных наук того времени: астрономии, математики, медицины, физики использовались как для создания тропов, так и для обоснования идейной устремлённости поэтических произведений.

В поэзии Низами, как говорил, А.Крымский, нашла детальное отражение эпоха гениального поэта, в которой жил и творил выдающийся азербайджанский поэт. Это было время разрушительных войн и феодального гнёта, и одновременно – оно было временем роста самосознания человеческой личности, рождения и развития гуманистических идей. Это была эпоха, которая дала миру целую плеяду учёных, мыслителей, зодчих, поэтов. Вершиной этого ренессанса духовной культуры азербайджанского народа в XI-XII веках стало творчество Низами Гянджеви, которое в последующие века своё философско-поэтическое наследие продолжило в творчестве поэтов Ближнего и Среднего Востока, Средней и Малой Азии, Закавказья и Северной Индии. А.Е.Крымский в своих исследованиях многократно акцентировал внимание исследователей-востоковедов на том, что адекватная передача текстов поэта в переводе многих особенностей художественной системы Низами – задача архисложная и во многом не решённая.

Кроме выше сказанного, следует отметить и то, что Агатангел Крымский после себя оставил солидное литературное наследие (стихи, рассказы, повести), где особенно чувствуется акцент автора на создании психологической составляющей в жизни его персонажей. Писатель идеально владел украинским языком, великолепно знал и любил украинскую литературу. Кстати, он был прекрасным беллетристом, автором популярного в то время романа «Андрей Лаговский» и сборника экзотических лирических стихов «Пальмовая ветка». Иван Франко, как соратник Агатангела Крымского, высоко оценивал его литературную деятельность, называя «высокоталантливым поэтом и очень оригинальным прозаиком».

Стихи Крымского собраны по хронологии в книге «Пальмовая ветка» (ч.1 – 1901, ч.2 – 1908, ч.3. – 1922). В первых двух частях преобладают оригинальные произведения, тесно связанные основной идеей и тематикой – неразделённой любви лирического героя, человека расслабленного физически и душевно, который на чужбине страдает от одиночества. Это ярко отображено в стихотворении «В полночь», где просматривается химерная мозаика психологически тонких лирических строк самого поэта, отзвук и времени, и душевного состояния автора.

Подобные мотивы преобладают и в вариациях на «свои» и «чужие» темы, а также в переводных стихах, особенно в третьей части поэтического сборника.

Ещё в начале XX столетия Крымский писал оригинальные прозаические произведения. Первый сборник его рассказов «Начерки и эскизы из украинской жизни» (1895) увидел свет благодаря стараниям Ивана Франко и Михаила Павлика. «Бейрутские рассказы» печатались в журнале «Новая громада» (1906, №6-8). В 1905 году увидели свет первые две части повести «Андрей Лаговский» (полностью в 4-х частях повесть, уже как роман, была опубликована в 1972 году, прозу – сборник «Повести и рассказы» (1895) и роман «Андрей Лаговский» (1905) – ввиду цензурной политики России писатель опубликовал в Австро-Венгрии под псевдонимом А. Хванько).

В прозе Агатангела Крымского чувствуется заметное стремление к изображению психологии героев, особенно из среды украинской и русской интеллигенции конца XIX века с постоянными изменениями настроений, наполненных сомнениями и колебаниями. В некоторых рассказах автор поднимал острые социальные и национальные вопросы того времени, которые свидетельствовали о безразличии и тревоге Крымского за судьбу многострадальной Украины.

Сначала за проукраинские настроения Агатангела Крымского преследовали и лишали должностей. Практически он был отстранён от научно-преподавательской работы в академических учреждениях Украины. В 1930 году выдающегося учёного практически «убрали» от научно-педагогической работы, и он стал работать в домашних условиях. Усугубились его хронические болезни, Агатангел Ефимович почти ослеп.

Летом 1941 года Крымского обвинили в украинском национализме, его арестовали по 58 статье и вывезли в Кустанай (Казахстан). Там он умер в лагере (до 25 января 1942 года, точная дата смерти неизвестна). В официальных государственных источниках сообщалось, что Агатангел Крымский в январе 1942 года умер в лазарете Кустанайской общей тюрьмы №7.

В авторских книгах и словарях А.Е.Крымского цензура запрещала вспоминать имя автора. В течение полувека семья Агатангела Крымского не имела малейшей информации о его судьбе. Дело против А.Крымского было закрыто только в 1957 году, а полностью реабилитировали выдающегося учёного уже в 1960 году.

По решению Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО Агатангел Крымский был включён в список самых выдающихся деятелей человечества. Агатангел Крымский был крымским татариним. Не имея ни капли украинской крови, он посвятил свою жизнь и своё многогранное творчество украинской науке и культуре. Учёный принимал активное участие в украинском национальном движении конца XIX – начала XX столетия, переписывался с известными деятелями украинской культуры. Он владел почти 60-ю языками народов мира. Но знание языков и деятельность профессионального переводчика – не единственные заслуги академика Агатангела Крымского. Его неопределимый вклад в науку Украины можно коротко охарактеризовать такими фактами:

- преподавал курсы семитских языков, преподавал курсы перевода с русского языка на арабский и наоборот, преподавал изучение Корана, читал лекции по истории арабской литературы;

- возглавлял кафедру арабской лингвистики, работал профессором арабской литературы и истории мусульманского Востока;

- написал и напечатал целую библиотеку академических учебников по филологии и истории Ближнего Востока, по изучению Корана, по мусульманству, по истории и литературе арабов, персов и турок;

- в Академии наук Украины возглавлял историко-филологический отдел, кабинет арабско-иранской филологии, комиссию словаря живого языка, комиссию истории украинского языка, диалектологическую комиссию, комиссию правописания украинского языка;

– вёл научную полемику с Алексеем Соболевским, пропагандировавшим гипотезу Михаила Погодина о том, что стародавние киевляне были россиянами, которые только в период монгольского ига отошли на север.

Несмотря на то, что Крымский имел значительные успехи в своей творческой деятельности, ему ужасно не везло в личной жизни. Известно многим, что на юбилейном вечере Агатангела Крымского, посвящённому его 60-летию, Павел Тычина прочитал стихотворение-посвящение юбиляру, где вспоминалась «вечно мечтательная Леся Украинка», что породило кривотолки у слушателей об интимных отношениях Агатангела Крымского и Леси Украинки. На самом деле Павел Григорьевич Тычина в присущей ему романтической манере гиперболизировал отношения и чувства Агатангела Крымского к Лесе Украинке.

19 ноября 1895 года Леся Украинка обратилась с письмом благодарности к А.Крымскому по поводу его искреннего некролога на смерть её родного дяди Михаила Драгоманова. Это письмо положило начало настоящей творческой дружбе Леси Украинки и Агатангела Крымского. А повторное их личное знакомство произошло в 1896 году на одном из творческих вечеров Литературно-художественного общества в Киеве, в доме №42 по улице Владимирской (ныне тут располагается государственное специализированное издательство художественной литературы «Днипро»), где Агатангелу Ефимовичу повезло встретиться с семьёй Косач. С тех пор они стали благодарными помощниками друг другу в творческой деятельности – Крымский в вопросах востоковедения, древней истории, филологии, а Леся Украинка – в вопросах литературного творчества.

Леся Украинка обратила внимание на творчество молодого поэта Агатангела Крымского ещё в начале 1890-х годов. В письмах к Ивану Франко Агатангел Ефимович писал, как больно он воспринимает национальное ущемление и несправедливость украинского народа. Всё это нашло выражение в стихах, которые посылал Крымский в львовскую «Правду». Эти стихи Агатангела Крымского были переполнены болью в связи с национальным уничтожением Украины. Леся Украинка по достоинству оценивала социально-патриотическую лирику Крымского, ей была близка творческая и научная деятельность Агатангела Крымского, которую она с удовольствием популяризовала. И в то же время, Леся Украинка постоянно критиковала его художественные произведения, делала редакционные правки и отправляла ему в своих письмах критические замечания. Но Леся Украинка не могла не восхищаться научной, филологической и литературоведческой деятельностью Агатангела Крымского. Она восторгалась энциклопедической мощью Крымского, его «метаязыком» литературоведа, который имел колоссальное влияние на многих выдающихся деятелей культуры того времени. Благодаря научной деятельности Агатангела Крымского и Михаила Драгоманова, Леся Украинка создала «Древнюю историю восточных народов», которая увидела свет уже после её смерти в 1918 году в Екатеринославе. «Древняя история восточных народов» Леси Украинки стала фактически одним из первых украинских учебников о жизни и культуре народов Древнего Востока. Изучение Лесей Украинкой востоковедческих исследований Агатангела Крымского, «метаязыка» его литературоведения, осмысление истории, веры, обычаев восточных народов углубили ориентальную тематику в её поэтическом и драматическом творчестве, способствовали её успешной переводческой деятельности. Леся Украинка в украинской национальной культуре стала единственной женщиной, которая познала таинство искусства перевода одной из древних памятников человечества – «Ригведы». И этому в литературном творчестве способствовал яркий пример влияния «метаязыка» литературоведения Агатангела Ефимовича Крымского.

СЕЙЯД АРАН

РАССКАЗЫ

Недостача

– Что же мне, несчастному, делать? Как же быть? Я же тебе, Гамид, миллион раз говорил, что мне там не место, поручи это дело другому! Говорил или нет?!

Не получив ответа на свой вопрос, Тавеккюль, трясаясь от злости, вытянул руки с набухшими венами вперед и, громко стуча пятками об пол, повторил свой вопрос:

– Нет, ты ответь мне, говорил я тебе или нет?!

Двери и окна здания правления, построенного в прошлом году, сотряслись. Стоящая на столе открытая чернильница подпрыгнула пару раз, как орех, и опрокинулась, окрасив чернилами газету и несколько листов бумаги, лежащие перед председателем. Сидящий на стуле председатель резко отскочил назад и ударился головой о стену. Передние ножки стула сломались. Падая, председатель выставил вперед конечности, и теперь у него болела не только голова, но и колени. Сидя на полу, он потер правой рукой колено, а левой шишку на затылке, стона и охая, рассмотрел пальцы под светом лампы и несколько успокоился. «Кажется обошлось без крови». Прибывшие с отчетом по хлопку и за платой за минувшую пятидневку люди, сидевшие на стульях вдоль стены, подскочили и подбежали к председателю:

– Дорогой, как ты? Голову не разбил?

Особенно усердствовал избранный в этом году бригадиром Наджаф:

– Велиш, беги за доктором. Не приведи Бог, вдруг сотрясение мозга...

А Тавеккюль, как ни в чем не бывало, продолжал:

– Поставщик Ганбай житья мне не дает. Говорит, не могу отправить вагон полупустым, и все дела! Где хочешь, говорит, найди до вечера арбузы и доставь мне. И что мне теперь делать? Кто прокормит моих детей? Клянусь могилой отца, раз уж так, всю правду расскажу! Вот увидите!

Председатель Гамид прошел через толпу собравшихся прямо к Тавеккюлю. Его худощавое тело и бледное лицо резко контрастировало с обветренным и загорелым лицом Тавеккюля. Гамид, все еще поглаживая шишку на затылке, сгибаясь и разгибаясь от боли, чуть не тыча пальцем ему в глаз, заорал:

– Какую правду ты собираешься раскрывать, негодяй?! Чем угрожаешь, а? Делай что хочешь! Нечего было дурака валять, следил бы за работой! Трудодни еще не распределены, аванс не выплачен, по какому такому праву ты разбазарил товар первым встречным? Кто тебе дал такое право, у какого ты разрешения спросил, а?! Отвечай же!

Последние слова председателя прогремели как бомба. Несколько человек из присутствующих, от греха подальше, тихонечко выскользнули из кабинета. Бригадиры, прибывшие в управление с отчетом о сборе хлопка, водители, ожидающие наряда на следующий день, механизаторы, словом все остолбенели.

От повеления «Отвечай!» у Тавеккюля в горле пересохло. Словно ему только сейчас открылось понимание безнадежности его положения и собственной вины. Гамид и в самом деле неоднократно говорил ему:

«Завязывай с мягкотелостью, будь тверже. У Солтана арбузы сладкие, как мед. Если раздавать всем подряд, угождать каждому, то и без штанов можно остаться. Ищи-свищи потом ветра в поле. Ни тебе не рассчитаться, ни мне.

Хоть арбузы и не кримплен, не запчасти автомобильные и не посуда хрустальная, а при расчете здорово бьет по карману. Учитывая, что самый маленький весит 3 кило, и мало того, что раздаешь направо-налево, еще и сам, чтобы утолить жажду, съедаешь в день как минимум два, – то в месяц получается полтонны. Умножь все это на пятьдесят копеек и сравни все свое имущество с полученным результатом».

Тавеккюль хорошо помнил эти слова. Но так же хорошо помнил, что и сам председатель немало унес этих самых арбузов. В первый раз, когда прибыл проведать Тавеккюля: «Решил проведать тебя, не скучаешь ли тут на безлюдье». Во второй раз, когда гости из Баку прибыли, в следующий – водителя своего заслал, Велиша. А Велиш выбрал самые хорошие арбузы, каждый, как минимум, килограмм по восемьдесят, и был таков. Кроме этого, всевозможные «кузены», «племянники», «двоюродные-троюродные», «внучатые племянники» и т.д. и т.п. – никто не уходил без арбуза.

– Посмотрите на этого глашатая истины! Расскажет он все! Сколько раз тебе говорил, поручал, увещевал, не раскисай, будь стойким! – Гамид, все еще не успокаиваясь, прошел за стол и пригрозил белым толстым кулаком. – Ну и что мне теперь делать? Ты думаешь, только ты попал? Мое положение не слаще твоего! Думаешь, меня стороной обойдет? Четыре тонны арбузов – это тебе не шутки! Не пять, не десять килограмм, чтобы хоть купить на базаре у Нуруллы и положить на место. Как ты мог не подумать о таких последствиях?

На сей раз Тавеккюль опустил голову. «С правдой не поспоришь... Я же сразу предупредил, не по мне это место. Что поделать, если вся деревня – родня, враждовать что ли с ними? Вон, с бедолагой Азимом вот уже больше года никто не разговаривает. Как его только не обзывают – и Язидом зовут, и Гаджи Гарой, и жмотом называют мужика, ни на какие мероприятия не приглашают. Не хватало только, чтобы и меня прозвали «скупердьяем». Боже упаси! Я-то ладно, а дети? «Чей это сын? – Скупердьяев. Чья это дочка? – Скупердьяева». Не приведи Господь!»

Весь мир померк в глазах Тавеккюля, став темнее разлитых чернил. Его подхватили, не дав упасть, и усадили в кресло. У всех на лицах появились жалость и сострадание. Даже Гамид, извергающий молнии, и тот подбежал к нему, схватил за руку, и крикнул водителю Велишу, чтобы не зевал, а подал поскорее графин. И снова участливее всех оказался новый бригадир Наджаф.

– Вот ведь попал бедолага! Влип на ровном месте! И ведь никого у него нет, ни родителей, ни опоры за спиной...

Народ словно этого и ждал, все заговорили разом.

– ...Трое детей, старая мать, больная жена...

– Эх, беда.

– Не дай Бог, какие-то проверки....

Тут Азим, с которым более года никто не разговаривал, и все называли исключительно «Язидом», «жмотом» и «скаредом», воодушевленно вышел вперед и, словно получивший оправдание подсудимый, громко закричал:

– А ведь сами же и съели всю недостачу! Да, все мы съели эту кучу арбузов!

Все начали прятать глаза и сокрушаться в душе, мол, «а этот еще откуда взялся?» Азима никто не любил. В прошлом году он даже близко никого не подпустил к бахче. Никому и понюхать не дал арбузов.

– Ганбай, уезжая, сказал, что дает один день. Если до завтра не возместит недостачу, сообщит прокурору. Давайте поможем бедолаге. Вот я, к примеру, даю сто манат.

Азим достал из кармана новенький столик. У людей глаза на лоб полезли от такой щедрости. Новоизбранный бригадир Наджаф аж ахнул.

Председатель Гамид, покосившись на Азима, сказал:

– Ну, ты не шибко мельтеши, многого не знаешь...

– В этом деле нет других путей, других вариантов. На наших глазах пропадает наш братишка. – При слове «братишка» у всех защемило сердце. – Наш долг помочь ему. На то мы и друзья.

Азим настойчивым и продолжительным взглядом оглядел всех присутствующих.

Председатель Гамид подумал, что присоединение к такому «шантажу» может навредить его авторитету. Лавочник Касум терзался в душе, но все же не решился открыто, на глазах у всего села выворачивать карманы. На тот момент у него в кармане была целая кипа денег, но он их, как назло, не упорядочил, и потому не решился наугад тянуть из кармана купюру. А вдруг полтинник вытянет, – пуще Тавеккюля рухнет в обморок. «Все же лучше повременить. Поспешишь – людей насмешишь. Подождем, посмотрим, на что горазды остальные».

Тахмаз-киши рассчитывал только на семнадцать манатов, которые были у него в кармане, но на них он должен был завтра купить обувь дочери. У учителя Гейсара в кармане было всего две десятки и неделя до получки. И все же первым поддержал он – потянулся к заднему карману, чтобы достать эти десятки, но, поняв, что никто не шевелится, так и застыл с рукой в заднем кармане брюк. Оторопев, сделал вид, что бедро почесывает... Азим, увидев, что все молчат как рыбы, закричал на весь кабинет:

– Знаю я вас всех! Очень хорошо знаю! Как облупленных! Вам бы только языками чесать, на словах друг друга «братьями» называть!

Взяв под руку Тавеккюля, он повел его к двери:

– Пойдем, пойдем отсюда!

В кабинете наступила тишина. Расстроенный больше всех Гамид, не находя выхода из положения, стукнул по столу кулаком. Опрокинутая чернильница на сей раз с грохотом упала на пол. Чернила брызнули на брюки председателя.

– Да пропади все пропадом, ни минуты покоя в этой адовой дыре! Мало было бед! Ей-богу, я даже имя свое забываю иногда! Воды выпить некогда, люди! И тут еще эти чертовы арбузы! Хороши односельчане! Ну, теперь начнутся пересуды, что в Солтанлы ни одного мужика не нашлось, из-за пары-тройки перезревших арбузов пожертвовали человеком. И первым будут обвинять меня, меня будут крыть, на чем свет стоит!

Присутствующие задумчиво молчали. Гамид нетерпеливо спросил:

– Ну что, как нам быть? Что будем делать?

Лавочник Касум заерзал, что-то хотел сказать, но опять увидев, что все молчат, прикусил язык. «Посмотрим, что скажут остальные». А «остальные» угрюмо молчали. В этот момент учитель Гейсар покашлял, привлекая внимание собравшихся. Все взгляды устремились на него. «Посмотрим, что посоветует учитель».

– Действительно, дело не из легких. Легко сказать – четыре тонны арбузов. Как задумаешься, шапка с головы валится. – Услышав о шапке, все, как один, посмотрели на панаму учителя и подумали об одном и том же: «Все та же». То есть та самая, которую он носит с того самого дня, как приехал в село. Учитель Гейсар работал в этом селе уже девятый год. – Ни у меня, ни у вас в огороде арбузы не растут. Но все мы односельчане. Нехорошо это, чтобы человека посадили из-за такого пустяка. И Таваккюль, насколько мне известно, парень неплохой. Он был самым старательным, самым дисциплинированным учеником нашей школы...

Гамид прервал учителя Гейсара:

– Учитель, ты абсолютно прав, это никуда не годится. Этого нельзя допустить... Я так скажу – стыд и срам нам, коли дадим арестовать его из-за такой ерунды.

На сей раз учитель Гейсар перебил Гамида:

– Да, это будет форменный позор. В таком случае мы носа не должны из дома казать. Что скажут люди? Одно дело воровство, хищение народного имущества, мо-

шенничество, и совсем другое дело угощать односельчан из благодушия. Эти четыре тонны нами же и съедены. Всеми нами. А чего скрывать? Надо все называть своими именами. Правда дороже всего!

– Ну что ж, правда, она и в огне не горит, – прокашлявшись, заговорил председатель. – Никто не может сказать, что я, мол, не ел этих арбузов.

Отовсюду слышались признания:

– Это так...

– Да-да...

– Что правда, то правда...

– Лично мы съели два арбуза, – учитель Гейсар имел в виду свою семью. Учитель Гейсар всегда говорил во множественном числе. – И теперь мы не можем вернуть съеденное, или найти и положить на место. В селе выращивающих арбузы на пальцах можно пересчитать.

– Учитель, не тяни, переходи к сути! – нетерпеливо произнес председатель, расстегнув пуговицы рубашки. Сегодня он был без галстука. – Сам знаешь, дел по горло. Слава Богу, не с Луны же свалился. Говори живее свое предложение.

– Я предлагаю скинуться, подсобить немного деньжат, и этой же ночью раздобыть арбузы, выкупить и возместить недостачу. У меня в Сабирабаде есть знакомые, можно будет оттуда организовать.

– У меня тоже есть там знакомые. – Это сказал Азим, незаметно вошедший в кабинет. Но на сей раз никто не покосился на него.

– Раз так, – сказал председатель, вставая из-за стола, – Гейсар, Азим, тогда не теряйте времени. Я никуда не могу тронуться из села, а то сам лично занялся бы этим делом, организовал бы все. Какая разница, я или вы? Идите, приступайте к делу. Сделайте все, что возможно. Эй, Велиш, сегодня ты в распоряжении учителя.

Велиш, увидев, что Гейсар и Азим направляются в сторону его «ГАЗ-69», полпелся за ними. «Господи, неужели они собрались все село объездить? Только этого и не хватало...»

– Учитель, а может, вот как поступим: я поеду и сам заправлюсь, и машину заправлю... Ей-богу, мы начинаем мотаться по полям еще до первых петухов... Я пойду, подкреплюсь, а потом уже повезу вас, куда скажете.

Договорились встретиться перед управлением через два часа и разошлись.

Учитель Гейсар сложил столы Азима и свои двадцать манат и сказал:

– Неплохое начало.

Начали обход с домов в центре села. Обошли несколько дворов... Денег никто не дал. Кто-то сказал, что на последние деньги сегодня отоварился, кто-то сказал, что выслал дочке, учащейся в Баку, а кто-то сообщил, что одолжил соседу. Словом, никто не оказал поддержки. Некоторые даже возмутились, мол, учитель, тебе что, делать больше нечего? Самому не спится, и людям не даешь. С утра у всех дела, да и у тебя тоже, и шепотом добавили: – А этого «Язида» чего с собой таскаешь? Сидел бы уже на своем месте! И потом, утро вечера мудренее.

На углу дома Бильгеис учитель вернул деньги Азиму и сказал:

– Прости, и тебя побеспокоил. Спокойной ночи!

Азим громко сплюнул. Сквозь зубы кого-то обругал. Не пройдя нескольких шагов, обернулся назад и окликнул учителя Гейсара:

– Учитель, погоди!

Оказывается, учитель в темноте не заметил и отдал Азиму, вместо его столы, свою надорванную сбоку десятку...

Утро, и правда, оказалось мудреным.

Был полдень. Тавеккюль мастерил новую рукоятку для топора. Дети играли во дворе. Жена и мать были на сборе хлопка. Неожиданно в калитку постучались. «Ого! Это еще кто стучится? Что за новая мода в деревне – стучаться?» Он почуял что-то

неладное. В деревне редко стучались в дверь. К тому же этот стук не был похож на остальные. Как-то сердито и надменно прозвучал этот стук. Когда Тавеккюль направился к калитке, младшая дочь Нахыш обняла ногу отца:

– Не уходи, папа!

– Не бойся, маленькая, не бойся!

Тавеккюль взял дочку на руки, расцеловал, погладил по голове. Чтобы как следует отругать принесшего «новую моду» в село, открыл калитку ногой. Увидев стоящего у ворот и машину чуть поодаль от него, несмотря на сильную жару, похолодел... Нахыш, увидев хмурого незнакомца, еще крепче обвила руками шею отца.

Упитанный и смуглый сержант спросил надменным тоном:

– Гражданин Джалилов Тавеккюль Халил оглу?

Тавеккюль, облизав потрескавшиеся губы, попытался улыбнуться.

– Добро пожаловать, Ханбаба! Чего же ты в дверях стоишь? Проходи в дом. Как дела? Как...

Сержант, давая понять, что категорически не собирается проходить в дом, снова спросил еще более надменным тоном:

– Я спрашиваю, вы – гражданин Джалилов Тавеккюль Халил оглу?

Тавеккюль опустил дочь на землю и хотел было взять под руку Ханбабу.

– Ханбаба, брат, ты чего, не знаешь меня, что ли? Это еще что за шутки? Разве в селе есть другой Тавеккюль, что ты у меня еще и фамилию спрашиваешь? И потом, не пугай детей. – К ним подбежала и Зариш, и обе девочки в испуге прижались к ногам отца.

– Гражданин, прошу не задерживать нас.

«Нас»? Тавеккюль, вытянув шею, взглянул в сторону машины и узнал второго сержанта. Но и тот, точно как Ханбаба, «не узнал» Тавеккюля.

– Если вы Джалилов Тавеккюль Халил оглу, просим вас проехать с нами. Вот вам санкция прокурора.

Девочки не отпускали отца. Поняв по надменности «чужих дядей» и несчастному виду отца, что происходит что-то недоброе, они всхлипнули. Тавеккюль поднял девочек на руки и сказал:

– Не плачьте, родные мои. Разве можно плакать вслед за папой?

Он натянул на себя первую попавшуюся под руки рубашку и окликнул соседа.

– Есть кто дома?

Из-за забора показался парень.

– Я, дядя Тавеккюль!

– Эй, братишка, присмотри за... – хотел сказать «за девочками», но к горлу подкатил ком, весь покрылся испариной. – Присмотри за детьми, я скоро вернусь. Если даже не скоро, то к вечеру точно буду. Смотри, не зевай! Чтобы я не слышал вечером жалоб.

... Но ни тем вечером, ни последовавшими за ним многими другими вечерами Тавеккюль так и не вернулся.

Через пару дней после ухода Тавеккюля его младшая дочь Нахыш закатила истерику, требуя арбуз. Как ни старались мать с бабушкой отвлечь ее, ничего не вышло. И жена, и мать Тавеккюля чуть с ума не сходили при одном только упоминании арбуза. Но Нахыш никак не унималась, упрямо твердила одно и то же: «Ничего не знаю, хочу арбуз!»

Оставшись в безвыходном положении, бабушка направилась к бахче. По дороге встретила Велиша, что-то спросила у него и, услышав его ответ, развернулась и побрела обратно.

... «Язида», «скарета» и «копеечника» Азима вновь назначили бригадиром бахчи...

Брак

Для директора базы тары это лето выдалось непростым. У вагона, везущего откуда-то доски для ящиков, «отвалилось» колесо. «Горело» все: и управление, и заказчики, и закупщики, у которых пропадали тонны урожая, и крестьяне. Люди молились о чуде, многие дали зарок принести в жертву барашка. Еще пару дней, и помидоры окончательно созреют, а возить куда-то дозревшие плоды было безумием, которое обернулось бы разорением – до места назначения созревшие помидоры доехали бы разве что в виде томатной каши. И пятимесячный тяжкий труд пойдет коту под хвост. А ведь люди рассчитывали на эти деньги, чтобы сыграть свадьбы, провести помолвки, достроить дом.

Директор не казал носу ни домой, ни в управление – отсиживался в доме одного дальнего родственника. При необходимости, и то, уже после двенадцати ночи, звонил сторожу Наги и спрашивал у него всегда одно и то же: «Поступил? Не отправляли телеграммы в райком, в министерство? Кто пуще всех разводит демагогию?»

Да и Наги приходилось несладко. Раздачу досок для ящиков, сбор денег и прочие обязанности начальство препоручило ему. Теперь люди его со свету сживали: возвращай, мол, наши деньги, и весь разговор!

Ящики нынче были дороже и хлеба, и воды, и даже денег. Тысячи тонн помидоров в этих ящиках должны были отправляться в дальние города и через неделю, максимум через десять дней, превратившись в сотни тысяч денег, осчастливить поставщиков.

Наконец, позавчера вагон прибыл. Потерявшие всякое терпение люди по срочному наряду получили выделенные им доски и увезли. Собрав соседей и родню, в считанные минуты кое-как, с горем пополам сколотили ящики и отправились в села, где условились о товаре, а там уже вместе с хозяевами починили оставшиеся разбитые ящики, наполнили помидорами и ночью же пустились в путь.

Наги, объявив в центре базара сбор «сезонной» бригады, собрал ребятню. Он платил по 20 копеек за ящик. Это была хорошая возможность для желающих подработать десять-пятнадцать манатов в день. Дима, Коля, Гена и еще несколько местных парней, падких на сладкое вино, трудились в поте лица на дневном пекле, разбивая в кровь пальцы. Среди работавших было и несколько девчонок.

Жара стояла неимоверная. Одно слово – Аран¹, июль месяц! Гарабала (настоящее его имя было Солтан. Классный журнал заполнялся по метрике, и потому по имени к нему обращались только учителя, да и те иногда Гарабалой кликали) исподлобья взглянул на ребятню. Близился полдень. Ребята устали, работали уже через силу. Забив последний гвоздь в ящик, он сказал:

– Перекур!

Побросав молотки к груде ящиков, все расселись, скрестив ноги, прямо в пыли.

– Лимонад или арбуз? – спросил Гарабала.

Кто-то проямлил:

– Лучше арбуз. От лимонада только больше пить тянет.

Гарабала достал из нагрудного кармана рубашки пятерку:

– Кто сгоняет на базар?

Никто не отозвался.

– Тогда жребий?

– Дава-а-айте... – вновь проямлил тот же голос.

Именно за такую манеру разговора его прозвали «Мямлей».

Гарабалы жребий, естественно, не касался. Ребята признавали его лидерство

¹ Аран – низменная часть междуречья Куры и Аракса.

и безоговорочно выполняли все поручения. Он поднял с земли четыре щепки, одну надломил и, перемешав в ладони, выставил их, зажав среди пальцев:

– Тяните.

На базар предстояло пойти тому, кто вытянет короткую щепку. Ее, к вящему недовольству ребят, вытянул обритый наголо толстяк.

– Ну все, не видать нам сегодня арбуза.

– Опять его обдурят и подсунут перезрелый арбуз.

– Ну, пиши пропало!..

– Намик, сбегай ты, а?

Намик насупил брови и заерзал на месте. Недовольно покосившись на них, помахал подолом майки. Несмотря на то, что сидели они в тени, казалось, рядом с ними полыхает костер и обдаёт их жаром пламени.

– Что скажешь, Гарабала, может, Намик сбегает?

– Пусть идет! – подтвердил «шеф».

– Ну вот, опять я... – проворчал Намик.

– Сам пойду, – воскликнул Гарабала и, опершись правой рукой о землю, вскочил на ноги. Ребята переполошились:

– Да сядь ты! Что ты, ей-богу...

Кто-то рявкнул на Намика:

– Давай, шевелись!

Намик взял деньги и поспешил на базар.

... Чуть поодаль мерно стучала молотком девочка. Она работала не поднимая глаз. Стеснялась, что ли, стыдилась или еще что? На ней было старое платье, помятое от многократной стирки, и стоптанные, залатанные кое-как тапочки.

Наги сидел в свое будке и, наблюдая за работниками, медленно потягивал чай. Все, кто заходил и выходил во двор управления, проходя мимо Наги, непременно перешучивались с ним, зная, что он ради красного словца, как говорится, не пожалеет родного отца.

– Салам алейкум, ай Наги, как дела?

Наги лениво отвечал:

– Дела у прокурора, а мы так, тремса у забора.

Даже на простое приветствие Наги непременно отвечал в свойственной ему манере шуткой да прибауткой, что иной раз вызывало недовольство. Кто-то, неодобрительно качая головой, оставлял его реплику без внимания, иные негодовали:

– Что ты все умничаешь! Взрослый мужик! Уж и здороваться по-человечески разучился!

– Да брось ты, правда, что ли? Езжай! Семафор открыт!

– Ха-ха-ха...

Другие, напротив, подходили и шумно здоровались, до слез пожимая его сухонькую руку и шлепая по худой спине. Наги вынужденно терпел, и, дождавшись внимания окружающих, приняв участливый вид, говорил:

– А ведь говорил я тебе, когда идешь в управление, не заходи на ферму?

– А в чем дело?

– Стоит тебе мимо фермы пройти, как тотчас же набираешься замашек ее обитателей.

И пошло-поехало – Наги уже невозможно было остановить. Хохот разносился по всему управлению, но так называемые жертвы его шуток даже не думали обижаться на него. Все прекрасно знали Наги и заранее знали, какой ответ получат. На его шутки давно никто не обижался.

... Намик вернулся с базара с большим арбузом. Сначала достал из заднего кармана брюк газету и велел:

– Расстелите-ка! Ну!

Отдых в тени несколько приободрил ребят. Намик же, пешком по жаре притащивший с базара огромный арбуз, потерял всякое терпение. Он положил арбуз на газету, бросил сдачу в карман рубашки Гарабалы, висящей на гвоздике одного из ящиков, и прикрикнул на ребят.

– Ну, разрежьте же! Чего тянете? Вам же не терпелось.

Гарабала разрезал арбуз на дольки так, что вкусная середка осталась на одной из долек. Протянув эту дольку Мямле, он велел:

– Отнеси-ка той девочке.

Молодежь принялась с чавканьем уплетать арбуз.

Никто не обратил внимания на то, что Мямля молча вернулся и сел в сторонке. Наконец, ребята подняли головы и удивленно посмотрели на него. Мямля не притронулся к арбузу.

– Ты чего?

– Она не взяла арбуз.

– Ну и что?

– Эх! Отпихнула его, и он упал в пыль.

– Ничего страшного.

– Что значит «ничего страшного»? Жалко ведь! Такой здоровущий кусок – как от сердца оторвали, – сокрушался Мямля.

Ребята так и прыснули со смеху и повалились на ящики. Ящики с треском и грохотом рассыпались. Поднялась пыль.

– Ну, Мямля, ну жлобень! Хорошо, хоть девушкой не уродился!

Наги, со стаканом в руке, пригрозил им со своей будки.

– Смотрите у меня, вечером будут «бракованные» ящики, пеняйте на себя! Ящиков пятьдесят испортили уже? Наверняка испортили! Даже, может, и больше! Клиенты этими ящиками мне по башке стучат. Говорят: провались пропадом и ты, и те, кто их сколотил, и весь твой род! И так прозябаю в бедности, не могу заказать молитвы за упокой души покойных отца-матери, так дайте им хотя бы спокойно спать в своих могилах. Вы что, враги мне? Так тресните мне этими ящиками по башке... Тьфу на вас, запутался от злости!...Тресните этими молотками мне по макушке, избавьтесь от меня одним разом!

– Да что ты, не клянись, верим. Прости, мы не нарочно. – Намик громко повинился, а затем пробубнил под нос: – Чтоб тебе провалиться! Все равно вечером урежешь с каждого по два-три маната.

– За дело! – скомандовал Гарабала, и все дружно встали и снова принялись за работу.

Машины беспрерывно приезжали, забирали ящики и уезжали, поднимая пыль. Закупщики, сопровождающие водителей, заходили в будку Наги, о чем-то спорили, смачно хлопали себя по лицу и клялись: «Чтоб мне сдохнуть на месте! Клянусь твоей головой!» Время от времени слышались обрывки разговоров: «Адским трудом...», «Да там другой расчет ...» и т.д.

Работавшую в сторонке девочку уже не видно было из-за ящиков – она складывала их в груды вокруг себя, обложившись с четырех сторон ящиками, как гусеница в коконе. Пока она справлялась с одним ящиком, парнишки сколачивали целых три. Но она продолжала все так же молча постукивать молотком, не обращая внимания на ребят. Из-за нее и остальные старались меньше болтать, не то Намик весь день травил бы анекдоты, ребята подтрунивали бы над Мямлей, приукрашивая его давешнюю фразу. А когда нет болтовни и шуток, работа в тягость, и напряженности – хоть отбавляй.

С приближением вечера жара постепенно спадала. Работа давалась значительно легче. Легкий ветерок, время от времени доносящийся издали, приносил облегчение, и Намик при каждом его дуновении повторял: «Ох, ох, хорошо, ох, не

могу!» При очередном возгласе в него швырнули маленькой деревяшкой. Он поднял голову. Гарабала сердито погрозил ему молотком. Намик жестами поинтересовался, в чем дело и, поняв причину, прикусил палец: «Ааааа! Девочка может неверно толковать, говоришь? Понятно. Молчу-молчу», – поднял он руки вверх.

– Как идут дела?

На сей раз Наги, встав на пороге будки, потряс мешочком с мелочью, поощряя ребят:

– Идите, счастливики! Мешок с деньгами дожидается вас.

Это была его старая уловка. Он почувствовал, что сегодня норму не вытянут, работа идет вяло, но не мог понять причину. За счет девочек и, в частности, благодаря белокурой красавице, работа должна была идти как по маслу, а было как раз наоборот. «Интересно, что там происходит? Не поругались ли? А может, из-за девочек поцапались?.. Все может быть... А что это за грохот был давеча?.. В таком случае с завтрашнего дня девочек попросим на выход».

Команда Гарабалы была основной ударной бригадой Наги. В течение дня они сколачивали более тысячи ящиков. Расплатившись с ребятами по 20 копеек за штуку, он, накинув еще 30 копеек – свою «долю» – божась и клянясь здоровьем своих детей, то и дело восклицал: «Да ты хоть знаешь, каким трудами мне это дается?!», хотя сбывал ящик по пятьдесят копеек. На укоры и порицания близких и родных, мол, Бога бы побоялся, ради материальных ценностей клясться здоровьем своих детей, он бегло отвечал: «Я же не дурак, я клянусь, положив щепку под язык».

– И что это значит?

– Ну, когда от души, но понарошку клянешься, щепка уберегает. Главное, самому верить в то, что клянешься от души. Да вы поглядите – люди опускают в стакан с водой каракули мулл, а потом хлебуют эту воду. На следующий день, глядишь, уже скачет, как конь. И следа от того бедного-несчастливого, бляющего как барашек больного не остается. Как тебе такое? Вот и мои клятвы тоже из той серии...

Спросивший слушал его басни с открытым ртом, хлопал глазами, а потом в полном изумлении шел по своим делам. А если, уходя, недоверчиво покачивал головой, получал вдогонку еще:

– Ступай, ступай. Тебе этого не понять!

Словом, с Наги сам черт бы не совладал.

Работа закончилась. Настало время принять «товар» и расплатиться с работниками. Ребята по принципу «черт с ним!», на всякий случай мастерили на восемьдесят ящиков больше нормы, чтобы получить «круглую» сумму: в любом случае Наги минимум десять ящиков «забраковывал» и недоплачивал, и ребята воспринимали это как данность. Спорить с ним было бесполезно. Допустим, если надеешься на десятку, должен был смастерить шестьдесят ящиков.

Расчет он начал с Мямли. Посчитал ящики и двенадцать из них «забраковал». Намеренно насчитал на два «забракованных» ящика больше, чтобы, в крайнем случае, если он начнет спорить, «уступить» ему эти два ящика и сговориться на десятке.

– Взрослый мужик, куда еще два «суешь»? Что он говорит, Гарабала?! – У Мямли даже вены на шее вздулись от возмущения.

Наги и сам понимал, что перегибает палку, но и наживы не упускал. Услышав имя Гарабалы, он решил, воспользовавшись удобным моментом, выслужиться перед ним:

– Вот только ради Гарабалы прощаю тебе эти два ящика, но все же ты лодырь криворукий.

Никто не ожидал от Мямли такой решительности, видимо, Наги его сильно задел. Вскинув голову, он сказал Наги в лицо:

– Яблоко от яблони далеко не упадет!

Вот чего-чего, а этого Наги не ожидал. Он выпучил глаза и завопил:

– Сейчас как врежу тебе пощечину, кровью плевать будешь!

Мямя отскочил в сторону:

– Да куда уж там!

– Ну, хорошо. Попадешься мне завтра! – пререкался Наги с ребенком.

– И ноги моей здесь больше не будет! – заявил тот и, насвистывая песню «Ай чичек», направился к выходу. Он даже не сомневался, что Гарабала выцарапает его долю у Наги.

Навязав по десять-пятнадцать «браков» каждому, Наги расплатился и с остальными, и, как всегда, не стал пересчитывать ящиков Гарабалы. Вместо этого он прокричал вслед уходящему Мяме:

– Вот как надо работать! Как из конвейера ящики – один к одному! Хоть сбрось все вниз с горы, если хоть один гвоздик зашатается – плюнь мне в лицо!

Намик толкнул локтем стоящего рядом паренька:

– Если найдешь там не заплёванное место!

Парень залился смехом и быстро прикрыл рот рукой, но сделал это так неловко, что чуть не задохнулся. Растерялся и толкнул Намика:

– Да не пыли тут! – и наигранно закашлял.

– Чего ржете? – Наги решил сорвать злость на этих бедолагах. Гарабала смекнул, что смутьян Намик, и быстро пресек попытки Наги, постепенно разгорающегося, как полено, отвести душу. Как ножом отрезал:

– Заканчивай!

«Вай-вай-вай! Ребенок, а что за нрав, что за характер!». Наги явно побаивался Гарабалу. Спросил у него робко:

– Сколько у тебя?

– Сто восемьдесят три!

Наги не раз пересчитывал его ящики и каждый раз бывал сконфужен. Ни разу не было недочетов. Он закрыл пакет с мелочью и положил его на стоящий рядом ящик, вынул из кармана пачку денег и медленно, демонстративно, дабы показать, что выделяет Гарабалу, и зависить себе цену, начал считать. Уловка не удалась, Гарабала вновь одернул его:

– Хорош играть! Завязывай!

Потянулся было за мелочью, но Гарабала, словно взрослый мужчина, ответил:

– Мелочь оставь себе.

– Ну что ты, Гарабала...

– Будь здоров...

Ребята двинулись в путь. У ворот послышался звонкий свист Мямы. Отчего-то у Наги не было настроения. Он ничего не ответил. Увидев, что он не ответил, Мямя тоже унялся. Действие равно противодействию. Царствие тебе Небесное, Исаак Ньютон!

Настала очередь девочки. Другие, что помладше, ушли еще в обед.

– Ну, говори, сколько ящиков?

– Ровно сто штук, дядя. Вот...

А считать было незачем. Девочка собрала по десять ящиков друг на друга и разделила в два ряда по пять стопок в каждом. Даже ребенку малому было ясно, что здесь ровно сто ящиков. Наги расстроился. Такая ясность ему была не на руку.

– А ну-ка, погоди!

Он обошел ящики, осмотрел их. Придраться было не к чему. Взял пару штук, стал рассматривать. Ничего не скажешь, ящики были один к одному. Черт побери! Вот привык ведь к придирам. Пять-десять ящиков обязательно должны были быть «забракованы». А тут нужно было еще найти, к чему придраться. Наверняка девочка слышала взбучку, которую он устроил давеча парням, и работала аккуратно. И что теперь ей было сказать? Нечего. Он был совершенно растерян.

И тут заметил один криво забитый гвоздик и, уцепившись за него, завелся.

– Вай-вай-вай! Ну, куда это годится? Ты же мне все ящики испортила!

Девочка чуть было сознание не потеряла – вся побледнела, похолодела.

– Как?

– Девочка, милая моя, дорогая моя, ну, честное слово, эти ящики никуда не годятся!

Девочку бросило в дрожь. Она решила, что Наги хочет «забраковать» все ящики и не выплатит ей ни копейки.

– Почему, дядя?

– Что значит почему?! А потому что несчастный, который возьмется за этот ящик, проткнет себе руку этим гвоздем насквозь. Кровь хлынет фонтаном! А ящики кто собирал? – Наги обеими руками хлопнул себя по голове, – несчастный Наги! Возьмут меня за шкурку и куда отведут? В тюрьму! Дети мои пойдут по миру. А о тебе никто и не вспомнит.

– Я сейчас же все исправлю! Только этот ящик, так?.. – девочка побежала за молотком. Наги отнял у нее молоток и отбросил в сторону:

– Какой чинить будешь? Этот или тот, а может, вот этот? Один, два, три... пять... восемь... десять... да, да, ровно десять «браков»!

– Ей-богу, дядя, всего лишь один...

– Ну, вот еще! Спорить со мной будешь? Бери свои деньги и брысь отсюда! Наверняка мать заждалась.

Он оторвал кусок от газеты, которую ребята стелили днем под арбуз, и сделал небольшой кулек. Затем начал считать мелочь...

– Вот и последние восемь. – Немного поразмыслив, добавил еще двадцать копеек: – Восемнадцать, двадцать. – Посмотрел в лицо девочке: «Чья же это дочь? Надо будет завтра у Гарабалы спросить». Бросил ей еще двадцать копеек. – Вот тебе, восемнадцать манат сорок копеек. Все. Конец фильма. Иди, иди, марш домой!

Девочка взяла деньги и прижала к груди. Она немного пришла в себя, но все же что-то хотела сказать, да не успела, Наги отошел. «Немного постоит и уйдет».

Наги зашел в будку и подключил к сети электрический чайник. «Пока чайник закипит, подсчитаем сегодняшнюю прибыль». Он поставил счеты перед собой, набил туда цифры, известные лишь одному ему, что-то прибавил, убавил, сбившись со счета, со злостью вернул кости счетов обратно и начал пересчитывать снова. Загибая пальцы, мысленно что-то подсчитал, задумался, закрыл глаза, почесал затылок... Наконец, шумно вздохнул:

– Ну, и на том слава Богу! Вот и день проводили.

Чайник запыхтел паром. «Вот и чай закипел». Он сполоснул заварной чайник кипятком, насыпал чаю и поставил на электрическую плитку завариваться. Посмотрел на часы. «Пойду-ка я ворота закрою».

«Ой! Это еще кто там!» С места, где работал Гарабала со своей бригадой, слышалось постукивание. «Там что, кто-то еще остался? Не может этого быть. Одна девочка оставалась, и ее я выпроводил. Ого!..»

Наги расстроился. Это показалось ему дурным знаком. Засеменил туда, откуда слышалось постукивание. «Неужели я кого-то не заметил, не заплатил, и он теперь своими стуками напоминает о себе?» Он не стерпел, побежал. Добежав до дерева, Наги не поверил своим глазам. Господи, упаси! Это была та самая девчушка. «Она не ушла разве?»

Девочка, завидев Наги, сказала:

– Смотри, дядя, это последний, я уже заканчиваю. Вот так, – повторяла она, забивая гвозди, – этот сюда, а вот этот так, и вот так...

Она боялась, что Наги снова отнимет у нее молоток и отшвырнет в сторону, и поэтому, придав лицу как можно более милое и почти умоляющее выражение, говорила:

– Вот так, сюда и сюда, а этот сюда. И это восьмой!.. Клянусь Богом, дядя, ни один из них не «бракованный». Если не веришь, проверь.

Девочка брала по одному ящику и крутила перед ним, чтобы продемонстрировать надежность выполненной работы.

– Посмотрите, посмотрите! Хоть с горы вниз сбросьте!

Наги ошарашенно посмотрел на нее и взревел как медведь:

– Господи, боже мой, прости мою душу грешную!

– Дядя, пожалуйста, не сердись. Видишь ли, я посмотрела в магазине красивое платье. Оно стоит двадцать манатов. Поэтому я собрала еще восемь ящиков, чтобы заработать недостающие деньги. Мне же не продадут его дешевле.

«Как же я был слеп, дурак эдакий, сукин сын!» Наги выхватил из кармана пачку денег, из которой недавно отсчитывал Гарабале, и протянул ей:

– Бери, бери, сколько хочешь!

Девочка отпрянула:

– А где мелочь? Дайте мне мелочь. Мне не хватает одного маната шестидесяти копеек. Я потом их в хлебном обменяю на бумажные.

Наги разгорячился:

– Провалиться мне сквозь землю! Мелочь осталась в будке! Возьми из этих денег, сколько хочешь.

– Дайте сами.

В душе Наги закипало какое-то непонятное чувство. Его словно в одно мгновение окунули в горящий тандыр, а оттуда сразу в холодную воду арыка. Ему было не по себе. Кое-как он вытянул два маната и протянул девчужке. Она поспешно протянула ему сорок копеек, но Наги словно змея ужалила.

– Иди уже!!!

Девочка испугалась, слезы навернулись на ее глаза. Она то протягивала руку, то нерешительно одергивала и со слезами на глазах просила:

– Возьмите сдачу!.. Возьмите сдачу!

Она не решалась бросить сдачу и убежать: «А вдруг упадут, затеряются...»

Наги, скукожившись, со стоном катался по земле – то ли от мучений, то ли от боли, то ли охваченный страхом гнева Божьего... Чайник на электрической плите треснул и разбился вдребезги. Будка полыхала пламенем. Огонь с треском подбирался к ящикам.

1988

Возвращение

– Вон там и притормози!

– Где?

– Возле пегой коровы.

Водитель нажал на тормоза и внимательно осмотрелся вокруг. В округе, кроме пегой коровы, ничто не цепляло глаз. Вокруг простиралась бескрайняя степь, и на километры вокруг лишь редкие кустики колючек да тамариска. Вдоль асфальтовой дороги тянется широкий канал. По ту сторону канала раскинулась деревня: время от времени слышались сердитые окрики мужчины, вышедшего на лай собаки, и мычание коровы, и... отрывистое дыхание пассажира. Водитель заметил это, когда повернулся к нему за деньгами, и его рука упала на колени, как мерзлый лист с дерева. Пассажир, который всю дорогу без умолку рассказывал анекдоты и байки, часто угощал дорогими сигаретами, сейчас сидел, как неживой. Его впалая грудь вздымалась и опускалась, как кузнечные меха, глаза едва не вылезали из орбит, живые, как ртуть, бегающие, крупные зрачки влажно сверкали. Оставив дверь кабины полуоткрытой, он сидел неподвижно и застывшим взглядом глядел на простирающиеся вокруг, пока хватает глаз, заросли колючек и мелкие дождевые лужицы. Он дрожал всем телом,

и эта дрожь передалась водителю. «Что это с ним происходит? Господи, какая кошка перебежала мне дорогу этим утром?!» Водителю так и захотелось двинуть ему в лоб, вытолкнуть из машины и, ударив по газам, рвануть оттуда восвояси, но взглянув на широкие плечи пассажира, передумал. «Может, еще удастся избавиться от него по-хорошему». И с этими мыслями натянуто улыбнулся.

– Ну что, братец, кажется, доехали.

«Братец» даже бровью не повел. Он некоторое время еще глядел на поле, вдохнул в легкие жаркий и удушливый воздух и, взяв из-под ног новую плетеную корзину, выпрыгнул из машины. Пройдя пару шагов, словно вспомнив что-то, вернулся обратно, достал из кармана такую же мятую, как его одежда, десятку и вложил в протянутую руку водителя.

– Спасибо, дорогой! Ты уж не обессудь, если мало.

И, размахивая руками, пошел прочь. По дороге несколько раз споткнулся и упал, водителю даже показалась, что пару раз ткнулся лицом прямо в землю. А самым немыслимым было то, как он обнял корову за шею, прижался лбом к ней, как к родному существу, поцеловал ее морду и зарыдал. В тишине его рыдания разносились по всей округе. Водитель, впервые в жизни сталкивающийся с таким, вдруг опомнился и нажал на газ так, что его старый «ГАЗ-53», как хромая овца, увидевшая волка, сорвался с места и, чуть было не опрокинувшись, угодил в яму на правой обочине дороги. С трудом удержав равновесие машины, водитель в сердцах начал ругать того неудачливого негодая, который повстречался ему этим утром и накликал на него эти невообразимые события, но даже выругавшись трехэтажным матом, не успокоился. От злости он схватил мятую десятку и, прихлопнув, размазал по лобовому стеклу осу, уже давно жужжавшую в салоне машины, досаждая ему. В этот момент он увидел в зеркале свое отражение – рот приоткрыт, зубы оскалены. «Что это? Неужели я схожу с ума?! Господи, что со мной?!» Он хлопнул себя по голове правой рукой...

Впереди ехали машины, полные людьми. Все как обычно – и дорога, и погода, и воробьи на электрических проводах. А давешний случай был либо сном, либо...

... Он прошел по мосту с железной балюстрадой и поднялся на пригорок. Вот и деревня... «Ах, как радуется сердце! До чего же дороги мне каждый камень, каждый куст этой земли! Вот он, мой родной край! Я вернулся! Эй, народ, я вернулся! Почему не встречаете меня, люди? Это я, Дунйамалы! Знать, не такой уж я и вероломный! Было дело и прошло. Будь проклят виновник, чтобы ему пусто было, чтобы его дети осиротели так же, как при живом отце остались сиротами мои!»

Много горя хлебнул в жизни Дунйамалы. В раннем детстве потерял отца. В самый разгар войны, в те страшные годы, скончалась от голода сестра. Неоднократно его задерживала милиция, клеймо «несыть», «негодяй», «двуногий шакал» повисло на нем. Потом, уже в зрелом возрасте, он, уже привыкший к обеспеченной жизни, здорово настрадался в заключении, но ни разу не заплакал, даже слезинки не проронил.

Сейчас же, впервые в жизни дал волю чувствам. Как ни старался, а слез удержать не смог. Больше всего его коробило поведение «друзей». Еще три дня назад он оповестил их, что возвращается. Отправил телеграмму, причем не одному, не двум, а пятерым друзьям. Как всегда, не поспешил, не пожалел денег, хотя мог бы всех пятерых оповестить одной телеграммой. «Как же так? Разве так можно? Надо всем по отдельности сообщить! А что деньги? Пыль да тлен. На что они еще нужны?» Вот из-за этой своей расточительности, раздавая направо-налево жирных овечек каждому встречному, он и влип во все это. Когда опомнился, а на ферме уже не было ни кола, ни двора – лишь он и старый пастух Мамеднасир. И тот от злости аж зубами скреже-

тал. Так и хотелось старику сказать ему: «Болван ты эдакий, эти люди твои враги, просто собутыльники, очнись же ты, в конце-то концов, возьмишь за ум! Что ты будешь делать, когда нагрянет проверка и с тебя три шкуры сдерут? Тогда твои «друзья» разбегутся, спрячутся в своих норах, а ты останешься один-одинёшенек. Зачем же ты своими руками подписываешь свой приговор?»

Справедливости ради надо сказать, что пастух Мамеднабир не раз предупреждал его, а Дунйамалы только отмалчивался в ответ, мол, аксакалу негоже возражать да перечить. Но овцы Дунйамалы, завидев его друзей, дрожали как осиновый лист, разбегались, словно чувствуя неладное, а Дунйамалы, как сам говорит, не понимал этого, потому что в то время его «голова не соображала». Позже прокурор неоднократно у него спрашивал: «С кем ты разбазарил столько добра?» А он, дурень, бил себя в грудь и повторял: «Ни с кем. Были лишь я, я сам и Дунйамалы».

Родственники и знакомые тогда горько улыбнулись. «Дурак ты эдакий! Ничего не мыслишь. Не знаешь, какие испытания тебя ждут. Хочешь себя настоящим мужчиной показать, хорохоришься. Тебя уверили, мол, не выдавай нас, мы тебя вызволим, так ведь?» Близкие тогда жутко расстроились, а зеваки хохотали над его бестолковым острословием и беспечностью. Дунйамалы и сам гордился собой, восхищался своими ответами и хохотал. Тогда он не придавал особого значения последующему ходу расследования. Уже распланировал, как возместит пять-десять дней, проведенные за решеткой. Наверняка и «друзья» что-нибудь придумают. По крайней мере, организуют путевку куда-нибудь в Кисловодск или Ессентуки. Вплоть до отправки на этап он был уверен, что «вышестоящие друзья» его в беде не оставят. И опять, усевшись на коврик в тени тополя, они будут пить за здоровье тех самых «высокопоставленных друзей». Но «друзья» бесследно пропали в неизвестном направлении, как овцы из фермы.

Он спустился с пригорка и дрожащими, неуверенными шагами вступил с родное село. «Это дом Песи. Хорошо он благоустроил двор... Ооо! Ай, машаллах! Ты смотри-ка, «Волга»! Пользуйся на здоровье, Песи! Но с умом, с умом! Я-то горюшка нахлебался... У тебя тоже большая семья... Будь умницей, Песи... А это дом тетушки Зарбегим! Неужели это Зарбегим! Прямо помолодела старушка. По сыну, помнится, сильно тосковала. Он, слава Богу, отучился на врача и вернулся, о чем ей еще горевать? Не дай Бог матерям тосковать по детям. (Когда-то это сказала его мать о Зарбегим)».

Как странно безлюдно в селе.

Может, свадьба?.. А где же тогда музыка, веселье?..

Похороны?.. Да и плача не слышно...

Интересно, народ специально не высовывает нос на улицу, или это безлюдье случайно? Нет, быть такого не может, чтобы в сельское почтовое отделение пришли телеграммы на имя пятерых человек, и никто об этом не знал. Дунйамалы привык, что его дом всегда был полной чашей, открытым для гостей, потому свое возвращение из тюрьмы мечтал видеть именно таким – с ломящимся от яств столом и полным домом гостей – чтобы показать всем, что я все еще жив, я все еще тот же Дунйамалы.

Постепенно сердце начинало биться сильнее, в ушах загудело. Он никогда не видел родное село столь безлюдным и безмолвным. Неужели в этой деревне не найдется ни души, кто встретит его, не отыщется ни одного пацана, кто потребует магарыча? Ну нет, быть такого не может! Куда подевался весь народ? Померли, что ли, все? Вот, сейчас кто-то выглянет из-за ворот, либо из-за забора, или с веранды и закричит на всю деревню: «Эй, народ, Дунйамалы вернулся!» Или подростки толпой выйдут из-за угла и поздороваются с ним, а затем, отдалившись, начнут спрашивать друг у друга, мол, «Кто этот незнакомец?». А он повернется и ответит спросившему: «Эй, пострел, ты что, не узнал дядю Дунйамалы?» Вот тогда начнется беготня! Ох! Спорить будут за магарыч за добрую весть.

В полных слез глазах Дунйамалы что-то сверкнуло и погасло. «Бедная моя мать, как же разделит один кялагаи на десять частей? Да ничего, денег дам! Эти деньги честно заработаны своим трудом. Хоть бы пара ребятишек...»

Дунйамалы обмер, в горле пересохло. Он уже почти дошел до дома, а в дороге он не то, чтобы стариков, молодежи, детей, даже собаки шелудивой не повстречал. В этот момент за лай собаки он готов был отдать все, что у него в карманах, – собственноручно повязал бы платок матери на шею той собаки. Лишь бы она выбежала ему навстречу и своим лаем оповестила народ о его возвращении. А он бы нарочно громко закричал бы на собаку: «А ну пошел отсюда, пошел, пошел!» Ему необходимо было, чтобы люди узнали о его возвращении прямо сейчас. Он, наверно, ничего не желал больше. Что же это такое, Господи?! Ведь ты Милостивый и Милосердный, почему ты испытываешь меня, ай Аллах?!

Дунйамалы не шел, а бежал, и полная плетеная корзина путалась у него в ногах. На бегу он что-то невнятно напевал, подбирал с земли камни и швырял во дворы...

Собаки как сквозь землю провалились.

... Значит, вы все бережете свои «шкуры»? Угодил в тюрьму, и все, уже запятанный? И больше вроде и не человек? Ведь я же никого не обесчестил, краешком глаза не посмотрел ни на чью дочь или невестку, не злодействовал, – госимущество разбазарил, лично вам-то что сделал? Никому вреда не причинил. Что же вы так?.. Кажется, он начал догадываться... На самом деле о том, что он возвращается сегодня, знали все. Просто все попрятались по домам от греха подальше. Никто не хотел оказаться первым, поздоровавшимся с ним, и впасть в немилость. Дунйамалы упал на колени, загреб рукой землю вместе с травой и сплюнул.

– Тьфу на тебя, мир!

Давеча еще возможно было разобрать слова Дунйамалы, сейчас же какой-то грубый и непонятный звук вырывался из его горла – то ли вопль, то ли хрип задышающегося человека.

... Наконец, он дошел до своей калитки. Вот и его двор. Тот же самый старый дом, но внутри наверняка должны быть значительные изменения. Когда зачитывали приговор, он слышал о конфискации имущества. Во дворе вроде все аккуратно и чисто. Кажется, гранатовые деревья и виноград посадили после него.

... Из сада вышел парнишка, держа в руках кастрюлю с вишней и черешней. Вслед за ним вышла девочка, а с ней, держась за подол ее платья, еще одна, помладше. Мальчишка был первенцем Дунйамалы. Он назвал его в честь своего покойного отца – Раджаб, и зачастую звал «деде» (отец). Старшая девочка – дочь Севиндж. Конечно же, он узнал ее. «Какая же красавица выросла, слава тебе Господи!» А младшая – Севиль. Когда его арестовали, ее еще и на свете не было. Ее он видел впервые. И сразу прикипел к ней. Сердце кровью обливалось. Он толкнул коленом створку свежеекрашенной калитки и бросился во двор.

– Раджаб, деде, это я! Я вернулся, дети мои дорогие! Вернулся, кровиночки мои!

Раджаб не узнал отца. Севиндж спряталась за старшим братом. А Севиль испугалась и заплакала. Плач ребенка отдавался болью в сердце, переворачивая нутро.

– Мои сиротки, чего же боитесь, родные мои? Раджаб, деде, беги, обрадуй маму. Скажи, что папа вернулся!

Раджаб не шевельнулся, словно окаменел. Дунйамалы, увидев холодный взгляд сына, заколотил себя по голове. Все трое детей зарыдали в один голос. В саду слышался грохот. Кто-то закричал:

– Что случилось, Раджаб?

Мать и жена Дунйамалы кинулись к ним и взяли детей на руки.

– Ты? Сынок, родной мой, пришел-таки, слава Богу!

– Добро пожаловать... Дунйамалы.

У молодой женщины улынулись глаза, лицо заалело маковым цветом. По телу побежали мурашки, сладко заныла грудь. Руки ослабли от разливающегося по всему телу приятного чувства. Девочки соскользнули с рук матери и бабушки на землю – увидев счастливое лицо матери, они поняли, что происходит что-то хорошее.

Дунйамалы, не удержавшись на ногах, опустился на колени:

– Мама, мои дети меня не узнали! Почему так, мама... почему мой магарыч...

Горькие рыдания, застряв как черствая корка в глотке, не дали ему закончить начатое. Жена и дети бросились к нему, крепко обняв, помогли встать и завели в дом, уложили на кровать. В полузабытьи, сквозь сон он почувствовал, что дети обнимают, целуют его и твердят:

– Папа, папа, где ты был до сих пор? Где ты был?

Кто-то раздел его. По теплу прикасающихся к нему пальцев, знакомому женскому дыханию он узнал жену. Долгим поцелуем прильнула к губам, пылающим, словно уголь. «Да, это она».

Мать вытолкала всех из дома:

– Он с дороги – пусть отдохнет немного.

У Дунйамалы сердце чуть ли не выпрыгивало из груди. Он не находил себе места от ощущения покоя, спокойствия и свободы. Не верил своему счастью. В его взглядах и действиях была какая-то скованность. Он рассматривал свой дом в четыре глаза, словно зашел сюда ненадолго и должен был вернуться, проведая своих. Казалось, он взглядом хотел вобрать все в себя и запомнить. Как сумасшедший целовал то сына, то дочек, обнимал то одного ребенка, то другого, то третьего. Одного к груди прижимал, другого гладил по голове, полной грудью вдыхал запах волос младшенькой. Немного спустя бросился в ноги матери и расцеловал их.

– Мама, умереть мне у твоих ног! Прости мне все!.. Я не был тебе хорошим сыном. Прости меня, мама!..

Тут и женщины не сдержались. Зарыдали, застонали, взмолились Всевышнему.

– Я не поверю в Бога, пока Он не восстановит справедливость, если он сам не воздаст каждому, кто подставил невинного! – со слезами сказала жена.

– Не гневи Бога, дочка, – сказала свекровь, успокаивая невестку, – что поделать? Знать, такова наша доля. Хвала Всевышнему за все! Было и прошло. Могло быть и хуже. Главное, что вернулся жив-здоров к детям и к нам. Слава Аллаху!

«Я теперь, если захочу, могу спать до вечера и даже утра? Можно?.. Можно! Конечно! Почему же нет? Попрошу принести мой обед и чай к кровати. Буду пить чай прямо в постели. Севиль буду укладывать на руках. «Деде» будет сидеть слева от меня, возле сердца, а Севиндж справа. Ох, как же хорошо!»

Он вдоволь поплакал, излил душу. Ему полегчало, стало гораздо легче дышать. «Вот бы еще сердце успокоилось». Он приложил руку к левой стороне груди. «Да что с тобой? Успокойся. Тише... еще тише... еще чуть-чуть... вот так... хорошо...»

Дунйамалы какое-то время лежал, не шевелясь, как пловец на поверхности воды. Затем погладил железную спинку и сетку своей кровати. Раскинулся на кровати свободно и глубоко вздохнул, расслабив все тело. Слезы на губах сейчас были сладкими. Плохо было то, что воздух тяжело поступал в легкие. От одышки сердце готово было выскочить из груди. Он не мог так сразу привыкнуть к удобству, заботе, ласке и покою.

Мать укрыла его старым, недавно выстиранным и перестеганным одеялом. Дом был пропитан давно забытым им запахом матери, жены и детей. И свободой, которую он почувствовал и ощутил только сейчас, в своей постели, в окружении родных, хотя освободился из заключения несколько дней назад...

Имишли 1986

ЛЯМАН БАГИРОВА О ЧЁМ ПОМНИТ ОСЕНЬ?

У нее много эпитетов. «Тихая», «золотая», «пушкинская», «печальная» «спокойная», «хмурая», «серая». На мой взгляд, самое изысканное и верное определение ей – «задумчивая». Это прекрасное свойство человеческой души – умение задумываться. Оно именно душевное, ибо умение думать – скорее от ума, от духовности. А задумчивость, та самая, в которой «душа стесняется лирическим волнением», – предтеча творчеству, подступы к нему.

Бакинская осень непредсказуема, приходит, как кошка, гуляющая сама по себе. То до середины октября солнечно и даже жарко, то уже в начале сентября куксится и плачет небо. Но, если быть примерно точной, осень в Баку утверждается в октябре. В это время уже можно надышаться пряным осенним воздухом, терпким, родным. Посидеть немного в скверике Сабира, что у Крепостной стены. И ощутить острую нежную тоску, подступающую к сердцу. Не «сиротство как блаженство», а «великую кротость, разлитую в предвечерье». И задумчивую умиротворенность природы. В ее тихой ласке нежится душа и исцеляется любое горе.

Вспомнить, как маленькой бегала в этом скверике, а папа махал мне рукой из окна своего кабинета в здании Президиума Академии наук. Вспомнить, как с бабушкой играла в прятки под чинарами скверика. Эти чинары пережили и бабушку, и маму, переживут и нас. И так же мягким оранжевым светом будут мерцать на осеннем солнце. И бронзовый Сабир все так же будет сидеть на своем мраморном постаменте, сгорбив усталую спину. Поразительно, ведь он прожил только 49 лет. А каким старцем выглядит в памятнике. Да и на фото. Впрочем, тогда старели рано. Чехов на последних фотографиях и хрестоматийном портрете выглядит чуть ли не 70-летним, а было ему всего 44...

А еще унести мыслями совсем в другую осень, в другой город, близкий моему сердцу. Ощутить его сдержанную душевность и чеканную поступь. Величественный Санкт-Петербург. «Он к себе суров и к жителям своим, /Он не злой, но так уставший от мессий».

И вспомнить влюбленного в него сумрачного поэта-пророка. Вспомнить еще раз...

Александр Блок. Человек, родившийся под самый конец осени. Уже не золотой и задумчивой, а суровой и мгливой.

Его слава не знала границ. Где бы он ни выступал, его слушали, затаив дыхание, как волшебную печальную птицу. Его по праву называли королем Серебряного века. Его стихи завораживали, околдовывали. Читатели даже не вникали в смысл, их зачаровывала сама музыка блоковских строк.

**И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.**

Достаточно было только произнести эти слова, как сердце пленялось музыкой гобоя, звучащей в восьми «а»: одна/дышАдухАми и тумАнАмионАсАдится у окнА). И сразу же гобой сменяла нежная флейта, растворенная в «е» и «ю»: и вЕЮтдрЕвни-миповЕрьями/Её упругие шЕлка.

Для чуда нужно не так уж много – всего лишь иметь талант и чуткую душу.

И все же, когда речь заходит о Блоке, почему-то в первую очередь вспоминают не его филигранное творчество, а перипетии личной и общественной жизни. Чисто обывательская точка зрения из серии: «людей всегда будут интересовать три вещи: чужая смерть, чужая постель и чужие деньги». Это неприятная реальность. Можно презрительно игнорировать ее, соблюдая *ноблес оближ*, но, к сожалению, нервов она попортила немало.

**Уже двоилась, шевелясь,
Безумная, больная дума.
И проникала в тишину
Моей души, уже безумной,
И залила мою весну
Волною черной и бесшумной.**

Что погубило поэта? И можно ли было его спасти? Необъяснимые поступки, страстные романы, роковые заблуждения. Но Блоку многое можно простить за его стихи.

29 апреля 1906 года Блок встает в оконный проем знаменитой «башни Вячеслава Иванова» и читает свою «Незнакомку». На следующий день он просыпается знаменитым.

«Незнакомка» была настолько популярна, что ее мгновенно выучил почти весь Петербург. Более того, это единственное стихотворение, которое он никогда не правил. Оно было написано сразу и без помарок.

С этого момента слава не оставляет Блока. Его талант признают именитые литераторы того времени. Его преследовала целая армия восторженных поклонниц.

Сложно даже было представить, что произойдет с утонченным романтиком спустя 11 лет.

В мае 1917 года в Петропавловской крепости томились необычные арестанты, бывшие сановники империи.

Их допрашивали представители Чрезвычайной комиссии Временного правительства. И среди них худощавый молчаливый человек в военной форме. Весь его облик был необычен для такой компании. Поэт Александр Блок, кумир всей читающей России.

Он не просто присутствовал при снятии показаний. Он вел протоколы допросов. Работа состояла в литературном редактировании документов. Относился он к этому не казенно, а вполне серьезно и увлеченно.

Новая власть сводила счеты с представителями старой. Предшественник Блока на должности секретаря по этическим причинам отказался от этой работы. Блок, напротив, очень старался получить эту должность.

11 июня Блок напишет в дневнике про допрос бывшего премьер-министра страны Бориса Штюрмера. Напишет эмоционально и образно, как истинный поэт: *«Штюрмер – большая, тоскливая развалина. Все еще хитро и глупо воздевает на нос черепаховые очки. Рылся на полу в книжонках и все, дурачки заплетаясь языком, просил у меня еще книг».*

А вот письмо Блока к матери: *«Есть среди них твердые люди, к которым я чувствую уважению. Но большей частью – какая это все страшная шваль».*

700 следственных дел. 88 допросов. На всех протоколах автограф Ал.Блока.

На фотографиях тех лет в глазах Блока нет уже мечтательной осенней задумчивости. Теперь это жесткий взгляд уверенного в своей цели человека. Куда подевался тот самый певец печальной любви и Прекрасной Дамы?

В Петербурге на Университетской набережной до сих пор сохранился дом матери Блока. Именно из его окон будущий поэт впервые взглянул на мир. Дворцовый мост, Адмиралтейство, Зимний дворец, Медный всадник, «в гранит одетая Нева» – все вбирала в себя чуткая душа маленького белокурого ангела, как называли его в детстве.

28 ноября 1880 года в семье Блоков родился долгожданный сын. Назвали его в честь отца – Александром. За полтора года до его рождения мать пережила трагедию: смерть первого ребенка. Юная, беззаботная хохотушка замкнулась в себе, болезненно переживая утрату. И только рождение следующего ребенка возвратило ей радость жизни. Но всю жизнь она будет трепетно оберегать и переживать за единственного выжившего ребенка. Она была очень нервной и чуткой, чувствовала буквально на расстоянии, что происходит с сыном, и до самой его смерти называла «деточкой». Чуткость и особую душевную ранимость Блок унаследовал от матери.

Отец, Александр Львович, юрист из Варшавы, был очень талантливым и неуравновешенным человеком. В ярости был неуправляемым и частенько поднимал руку на жену.

Через три месяца после рождения Саши родители разошлись. Но в маленьком сыне их соединились как светлые, так и темные черты родительских характеров. Талант, пылкость, неуправляемая страстность натуры достались Блоку от отца. И послужили причиной к духовному перерождению в 1917 году. Страстная и увлеченная натура, он искренне верил, что мир изменился и изменился к лучшему. Поэт – он облагораживал эти изменения в своем сознании. И готов был отдать все силы для нового лучшего мира.

Участие в работе Чрезвычайной комиссии Временного правительства стало крахом. От Блока отвернулись самые близкие друзья, была развернута настоящая травля. Ему, привыкшему к обожанию и славе, предстояло пройти через одно из самых страшных испытаний – одиночеством.

**Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.**

**«Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..» –
«Зачем? Среди бурного ненастья
Мы, всё равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья!»**

Ради обновления мира он готов пожертвовать самым дорогим. На разграбление любимой усадьбы «Шахматово» он реагирует внешне спокойно. Но один Бог ведает, что таилось за этим спокойствием... Ведь именно здесь в подмосковной усадьбе он впервые начал писать стихи. Здесь же в возрасте четырех лет Блок впервые встретил любовь всей своей жизни – трехлетнюю Любу Менделееву.

На объяснение в любви Блок решил только в 1902 году. Это был для него вопрос жизни и смерти. Несколько дней прошло в томительном ожидании. Наконец, 7 ноября 1902 согласие было получено.

Начало их семейной жизни было сложным и странным. Но об этом уже столько говорилось и писалось, что не хочется повторять. Все же не пикантными подробностями личной жизни должен быть памятен поэт, а творчеством. Одно можно сказать

определенно: Блок во вполне земной, здоровой, крепкой девушке увидел романтический образ Прекрасной Дамы и благоговейно воспел его. Каково при этом было самой Любви Дмитриевне, остается только предполагать... Во всяком случае, с ее стороны были довольно отчаянные попытки стать просто любимой женщиной, а не только Прекрасной Дамой.

Ангелов на земле нет, и никто не безгрешен. И у Блока и у его супруги были романы. И при этом между мужем и женой существовало некое внутреннее родство. Они знали об увлечениях друг друга. Более того, бурный роман с актрисой Волоховой, который Блок не скрывал от публики, жена приняла одобрительно. «Он поэт, и ему нужны увлечения», – писала она в дневнике.

В 1912 году Блок пишет знаменитое стихотворение, словно предвидевшее скорый слом эпохи. И начало апокалипсиса. Первую мировую войну он воспринял именно так.

**Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –
Всё будет так. Исхода нет.**

**Умрёшь – начнёшь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.**

В 1916 году его призывают на фронт. Он служит в инженерных войсках. Шесть месяцев он проводит в окопах, под обстрелами и бомбежками. «Я физически обманчиво крепок, нравственно – расшатан. Надо быть внутренне свободным, чтобы заниматься своим делом».

О Февральской революции Блок узнал на фронте и уже в марте возвратился в Петербург. Ему казалось, что старый мир рухнул и грядет новый лучший мир.

«Вечером я бродил. Белая ночь, женщины. Мне уютно в этой мрачной одинокой бездне, имя которой Петербург семнадцатого года».

Все, кто его знал, отмечали в нем одну черту – непрактичность. Причем в рафинированной ее форме. Блок был, что называется, не житейским человеком. Он воспринял революцию как музыку и, очарованный неведомыми звуками, не сразу разглядел социальные последствия: и бюрократию, и мещанство в самых худших его проявлениях, и откровенную буржуазность. Все это породило новую литературу, вызвало к жизни рассказы Зощенко и романы Ильфа и Петрова, ибо с уродливым можно бороться только смехом. Но Блок – трагик, романтик, не был смехачом.

Он таскал на себе дрова, мама уходила торговать какими-то безделушками и вышивками, жена приносила домой скудный паек – мерзлую картошку и ржавую мелкую селедку. Еды катастрофически не хватало.

15 февраля 1918 года Блок впервые ощутил на себе власть революции. Он был арестован и доставлен в следственный изолятор ЧК. Его обвиняли в связях с эсерами. Это было серьезно, но благодаря заступничеству А.В.Луначарского поэта отпустили через два дня. Но этих двух дней Блоку было достаточно, чтобы понять: его вера в обновление – иллюзия. Именно тогда родилась горькая поэма «Двенадцать». Вовсе не революционная, а трагическая. Самое дорогое в жизни – это иллюзии. За них придется платить дороже всего.

Блок продолжает выступать со своими стихами. Но новой публике уже не нужны ни Незнакомка, ни Прекрасная Дама, ни нежный ирис Флоренции, ни Девочка из церковного хора. Они их просто не слышат.

25 апреля 1921 года. Последнее выступление Блока на публике. Заканчивается скандалом. Блока прерывает поэт Александр Струве. Начал кричать из зала на какое-то блоковское стихотворение: «Где здесь рифмы? Вы – мертвец, и поэзия ваша мертва».

Корней Чуковский так описывал этот злополучный вечер: *«Блок наклонился ко мне и сказал:*

– Это правда.

И хотя я не видел его, я всю спину почувствовал, что он улыбается.

– Он говорит правду: я умер».

С этого дня начался обратный отсчет. Все, что сияло, манило, обещало прекрасную новую жизнь, разбивалось в прах, превращалось в бесконечную бюрократическую ложь.

Он отстранился от всякого участия в работе и только молчал на заседаниях в литературных сообществах.

Начала стремительно развиваться болезнь. У него был наследственный невроз сердца, потом начались цинга, астма и в конечном мозге – рак мозга.

К июлю 1921 года стало ясно – Блок болен смертельно. Рядом неотступно были две главные женщины его жизни – мама и жена.

Он не хотел бороться с болезнью. Говорят, что его на начальном этапе ее можно было лечить. Но то ли устал сопротивляться организм, то ли из глубин поэтической пророческой души донесся приказ – «Хватит!»

Уходящему ведом его час. Можно много говорить о роковых дуэлях Пушкина и Лермонтова, о петле Есенина, выстреле Маяковского, винить во всем фатум, судьбу, обстоятельства. Но все главное и роковое в нас рождается в подсознании. И оттуда же в назначенный час раздаётся тихий приказ – вступить на последнюю дорогу.

Блок в припадках безумия разбивал склянки с лекарствами, которые так тяжело было достать в послереволюционном Петрограде. Не желал возвращаться к разочаровавшей его действительности.

Его можно было спасти. Всего лишь отпустить на лечение за границу. За него ходатайствовали и Луначарский, и Горький. Просили для него об отпуске в Финляндию. Просьба была отклонена со ссылкой на то, что *«Блок – натура поэтическая. Произведет на него что-нибудь впечатление там, он и будет писать стихи против нас».*

Вместо отпуска за рубеж приняли решение об улучшении продовольственного положения поэта.

Ходатайства друзей не прекращались. Наконец, 6 августа 1921 года Блоку разрешили выезд за границу.

В 10.30 утра следующего дня поэта не стало.

Его провожали почти две тысячи человек. Огромная толпа. Всю дорогу от дома до Смоленского кладбища, почти 6 километров, люди несли гроб на руках. Это по сути были похороны Серебряного века. С уходом светлоглазого короля рассыпалось и его государство. После смерти Блока и расстрела Гумилева началась совсем другая эпоха. Не хуже, не лучше, просто другая.

Но, видно, и вправду, *«Letum non omnia finit»* – со смертью не все кончается. В 1944 г. решено было останки Блока перенести на Литераторские мостки. На Смоленском остался кенотаф с крестом, а на Литераторских воздвигли помпезный черный обелиск. Существует версия, о которой писал академик Д.Лихачев, что на Литераторские перенесен только череп поэта, а все остальное осталось на Смоленском. Так появилась легенда о «двух могилах Блока», причем на обеих всегда свежие цветы.

...Вот о чем напомнила мне задумчивая бакинская осень в тихом скверике Сабира. Шелестели на ветру янтарные листья чинар, шелестела страницами моя память, соединяя два любимых города – Баку и Санкт-Петербург:

**О, лучших дней живые были!
Под вашу песнь из глубины
На землю сумерки сходили,
И вечности вставали сны!..**

При написании эссе использованы материалы из книг: К.Чуковский "Современники", Полного собрания сочинений и писем А.Блока в 20 томах (2010 г.), строки из стихотворений Б.Ахмадулиной, Ф.Г.Лорки, О.Митяева и др. Автор приносит искреннюю благодарность за предоставленные материалы.

День надежды

*Но буду я нести, пока не сгину,
Пока огонь желаний не угас,
Надежду, ту последнюю богиню,
Из всех богинь, что покидают нас.*

Ю.Борисов

**Мой день еще не начался, богиня,
Еще молочный за окном туман,
Но различаю плащ твой смутно-синий
И зелень платья. Это не обман.**

**Ты снова на краю души забрезжишь,
Ты снова озаришь ее огнем,
Мечтой о жизни тихой, безмятежной,
И небо вспыхнет старым янтарем.**

**Когда же день, уставший от сиянья,
Наденет алый вечера наряд,
Ты тихо скажешь: «Ни к чему старанья.
Ведь дело к ночи. Все надежды спят».**

**И будешь убеждать, что я напрасно
Цепляюсь за зеленую кайму,
Что жизнь жестока, холодна, бесстрашна.
Я соглашусь. Но рук не разожму.**

**И будем мы идти, пока не сгинем,
Пока никто нас в пыль не измолот:
Надежда – легконогая богиня,
И я – цепляясь за ее подол.**

ТАТЬЯНА РУСТАМЛИ

Вспоминая Мансура...

*Мы все уходим, чтоб назад вернуться,
Друзей найти и прошлого коснуться.
Но нет друзей былых, у них иные лица,
И прошлое вовек не возвратится...*

Он звонил обычно по вечерам и после привычного приветствия, почти без паузы, как будто стараясь удержать в ладонях ускользающее чудо, немножко заговорщицким тоном, словно незаметно подмигивая на том конце провода, весело спрашивал: «Хочешь первой услышать новое стихотворение?» Ещё бы я не хотела! И мне, конечно же, жутко льстило – оказаться первой слушательницей строк, которые только-только выплыли из его Глубин и, может быть, даже ещё не успели лечь на бумажный лист. Тогда наш недолгий диалог выходил за пределы положенных и ожидаемых слов. Иногда даже похвала бывает неуместной. Настоящая поэзия не нуждается в одобрении, как выглянувшее из-за туч солнце... Я слушала, затаив дыхание, боясь пропустить даже нотку в его голосе... Всё было важно, даже интонация...

Он никогда не задавал вопросов, чтобы осмыслить то, что рассудку не предназначалось, и умел слушать сердцем, не перебивая. И отвечал всегда ёмко, точно, немногословно, сразу переходя к сути. Наверное, благодаря именно его поддержке я не забросила писать, когда темы, которые когда-то волновали и «мурашили», вдруг почти сразу исчерпали себя и стали мне не интересны. Он сумел найти, подобрать нужные фразы, которых мне тогда, видимо, не хватало, чтобы сказать их самой себе, и помог мне пережить эту внезапно обрушившуюся на меня паузу душевной пустоты. Поддерживал, пока я благополучно не доплыла до другого берега. Такого мощного, вдохновляющего потока веры в меня, такого количества добрых и тёплых слов о моём творчестве я никогда ни от кого не слышала ни до, ни после. Он был щедр на комплименты...

Его характеристики и оценки отличались такой поразительной точностью, таким попаданием «в яблочко», что даже не возникало желания спорить. Он мог убедить всего одним замечанием, которое сразу обезоруживало и заставляло согласиться, не вступая в спор.

Он смотрел на мир глазами Поэта и умел всего одной строчкой остановить мгновенье. Мне нечего к этому прибавить. За него и за меня говорят его стихи. Он был Мастером и мог из обычных слов творить маленькие шедевры, словно выкладывал особенной красоты мозаичные картины из простых стёклышек повседневных житейских мелочей.

И он, несомненно, был Мужчиной в самом прекрасном смысле этого слова. За долгие годы личного общения он ни разу не сказал ни о ком дурного слова. Но я всегда чувствовала его отношение к человеку по особому прищурю глаз, по едва заметной усмешке, по изменившемуся тону его голоса. Всё было ясно без слов. Он никогда не опускался до колкостей, до сарказма, тем более до резкого осуждения даже тех, чьих слов и поступков он не одобрял. Он обладал великодушием, тем редким человеческим качеством, которое свойственно столь немногим. Каждого старался оправдать, сразу включая щадящий юмор или меняя тему разговора.

Помню историю, которая царапиной осталась в душе. Одна поэтесса, наша общая знакомая, видимо, страдающая от своей недооценённости, попыталась однажды в моём присутствии пройти по нему и по его стихам. Я категорически отказалась её слушать, за что она потом проехала и по мне тяжёлым катком своего языка. Но дело даже не в ней: спустя пару дней в разговоре со мной он неожиданно вспомнил об этой даме и начал так искренне, почти по-детски восхищаться каким-то её стихотворением, что я невольно опустила глаза, вспомнив реакцию на него со стороны той, о ком он говорил сейчас восторженно и горячо. Он как будто искал причину, чтобы выразить своё восхищение человеком и лучшими проявлениями его натуры.

Картина нашего знакомства и по сей день стоит у меня перед глазами... Дело в том, что самый первый мой рассказ ему принёс мой муж, сославшись на катастрофическую занятость автора. На самом деле я сама просто никак не могла решиться отнести своё творение на суд профессионалу, боясь жёсткой критики и полного разноса, поэтому эту разведывательную миссию поручила мужу, посчитав, что ему легче будет принять предполагаемый удар на себя. Но, к моему тогдашнему немалому удивлению, рассказ был принят и опубликован почти сразу, и к тому же без единой поправки. Но смелости это мне ничуть не прибавило, поэтому со вторым рассказом я поступила точно так же, как с первым, упорно продолжая прятаться за широкой спиной мужа. И только с третьим отважилась заявиться в редакцию «живьём».

Он даже привстал из-за стола, чтобы меня рассмотреть. И всё время нашей беседы я чувствовала в его пристальном изучающем взгляде какой-то невысказанный подтекст. За этим особенным вниманием скрывалось нечто большее, чем обычное человеческое любопытство. Он словно меня испытывал, проверял, сканировал.

Тогда я так и не поняла, чем вызвано такое явное сосредоточение на моей скромной персоне. Всё прояснилось лишь спустя несколько лет, когда он признался, что вначале был абсолютно убеждён в том, что рассказы написал мой муж, ловко прикрывшись женским псевдонимом, чтобы обезопасить себя от возможных насмешек в свой адрес, а вечно занятую жену, которую никто никогда в глаза не видел, просто выдумал для прикрытия. Поэтому моё появление было для него полной неожиданностью, и он хотел убедиться, та ли я, за кого себя выдаю. Но наш разговор развеял его сомнения, и он понял, что автором была всё-таки я, а не мой муж, который, по его мнению, оказался настоящим классическим технарём, но никак не гуманитарием.

Ему нравилось находить и открывать новые таланты. Он искренне радовался своим «находкам», говоря о них с такой гордостью, с таким воодушевлением... Помнил каждого и каждую поимённо...

Иногда он звонил мне, чтобы спросить, почему так надолго исчезла и ничего не приношу для его «литературного портфеля» (он именно так выражался). И при этом непременно добавлял: «Есть люди, которые ждут. И для них это важно». Я смеялась в ответ, считая это хитрым ходом с его стороны, чтобы меня подзадорить и подстегнуть. И тогда он начинал называть конкретные имена, чтобы убедить в том, что он не выдумывает и не обманывает меня, как ребёнка, который ленится делать уроки.

Каждый его звонок был для меня сюрпризом, сулящим новое стихотворение. Он делился строчками, которые звучали в нём, желая вырваться наружу, чтобы быть услышанными. Ведь для этого они и приходили к нему. Он никогда не упускал возможности сообщить о том, что гонорар уже поступил, ему очень хотелось обрадовать меня и создать ощущение праздника. Чувствовал, как меня это радовало. А может, просто стимулировал, подгонял, зная о моей привычке писать «в стол»...

Наверное, это прозвучит смешно и даже нелепо, но именно он убедил меня собрать документы и подать заявление в Союз писателей. Я робела, смущённо отнекивалась, считая, что пока не доросла, а он, чувствуя моё сопротивление, позвонил мужу, чтобы он повлиял на меня, — и, конечно, добился своего...

Он долго уговаривал меня перейти с ним на «ты», но у меня это очень плохо получалось, трудно было себя преодолеть, хотя время от времени он всё же пытался меня исправлять...

В последний раз, когда я ему позвонила и он снял трубку, на том конце слышался удивлённый возглас. Я обеспокоенно спросила, что случилось. И он почти сразу ответил мне своим фантастическим экспромтом, который я запомнила на всю жизнь:

*Я рад, что я давно с тобой знаком,
Что ты порой в журнале расцветаешь
И мыслями со мною совпадаешь,
Как в доме свет совпал с твоим звонком...*

К слову о совпадениях. Буквально на другой день, после того, как я принесла ему свою повесть «Беседы в разрушенном храме», в помещении редакции начался капитальный ремонт. Он тогда пошутил по этому поводу: «Вот она сила искусства – твоя повесть разрушила наш литературный храм, приходится работать среди руин...» Это было последнее произведение, которое я ему передала. И он читал его непривычно долго...

Он предчувствовал свой ранний уход... Примерно за год до трагической даты он рассказал мне странный сон, приснившийся ему накануне, и объяснил его содержание тем, что, видимо, «его позвали»... Я превратила весь разговор в шутку, не желая в это верить, и принялась болтать о чём-то пустяшном... А он молча смотрел на меня и печально улыбался одними глазами...

Столько лет прошло, а я всё ещё помню его такой знакомый голос с лёгкой грустинкой...

Я помню тебя, Мансур...

Такие люди не стираются из памяти...

Они остаются с нами, пока мы живы...

Я верю, что где-то в чёрной бездне над нашими головами светит по ночам такая далёкая и такая близкая звезда по имени Мансур...

Когда-то я написала стихотворение, которое посвятила ему... Уверена, что строчки приходили одна за другой от неё, от той самой звезды, когда я искала её, запрокинув голову в небо и вспоминая Мансура...

*Мной кружится Земля, и трава мной растёт,
Мною солнце восходит и птица поёт.
Мною зверь припадает губами к реке,
Мною дудка пастушья звучит вдалеке.
Мною ёжится зябка над лесом туман,
Мной по жаркой пустыне идёт караван.
Мною снежные хлопья над городом выютя,
Мною в ярости лоси за первенство бьются.
Мною жертву свою убивает палач,
Мною дикие кони проносятся вскачь.
Мною ветер в вершинах играет с листвою,
Мною волны вздымаются пеной морской.
Мною звёздное небо ложится на крыши,
Мной сама беспредельность космоса дышит.
Мной Создатель на эту реальность взирает,
Мной рождается Он и мной умирает.*

РУФАТ МУСТАФАЗАДЕ

РАССКАЗЫ

Голоса

Байрам был вполне счастлив в своём районном центре до тех пор, пока не остался без работы. Предприятие, в котором он трудился охранником на протяжении последних пяти лет после службы в армии, приказало долго жить, и Байрам остался без средств к существованию вместе со своей матерью и сестрой. «Повезло ещё, что не женился тогда, хотя родственники сильно настаивали, – попытался найти себе утешение Байрам, – но что делать дальше?» В родном провинциальном городке было не так много возможностей для заработка даже для молодого здорового парня...

В дверь постучали... «Наверно, пришёл кто-то из друзей зазывать в чайхану», – подумал Байрам, но ошибся, на самом деле его ждала бумажка-квиток со счётом за электричество. В расстроенных чувствах Байрам вышел из своего неказистого дома на улицу, вернее сказать, магистраль, соединяющую его городок с остальным светом... И тут мимо него пронеслись три машины, все с бакинскими номерами. Байрам постоял ещё немного, однако, странное дело, ничто больше не нарушало тишину, кроме пения сладкоголосых птиц. «Уезжать! Однозначно! – вдруг твёрдо решил он. – Здесь мне ловить нечего!»

Наскоро попрощавшись с матерью и сестрой, на следующий же день Байрам приехал в Баку. И довольно быстро пожалел о принятом скоропалительно решении. Напыщенный, самовлюблённый город встретил его неласково, как незваного гостя. Гостиницы, даже самые простые, оказались намного дороже, чем он думал, а «нормальные, приличные работы» на улице не валялись. «Приходите через месяц, возможно, появится вакансия», – в лучшем случае слышал он в ответ на свои обращения. Только у него не было в запасе этого месяца! «Что же я приехал сюда таким неподготовленным? – разозлился на самого себя Байрам. – Надо было мне заранее узнать обо всём в Интернете, навести справки, а потом уже приезжать! И что мне теперь делать дальше? Возвращаться обратно?» – близился вечер, сгущались облака, а у Байрама не было ни работы, ни ночлега.

Он в очередной раз за день взял в руки свой телефон. Сегодня он звонил, наверно, десяти знакомым, не меньше, в основном бывшим землякам, проживающим в Баку, но никто из них не проявил к нему никакого участия...

«Жаль, что вроде больше нет знакомых, кто бы мог мне помочь», – Байрам с чувством безысходности начал просматривать контакты в своём стареньком телефоне... и тут наткнулся на номер Парвиза, бакинца, с которым он когда-то вместе служил в армии. «Парвиз! Сумасшедший Парвиз! Как же я забыл про него? Он ведь коренной бакинец, во всяком случае, родился и вырос в Баку!» – да, «сумасшедший Парвиз» был его последней надеждой, единственным шансом всё-таки зацепиться в большом городе!

Байрам собрался было нажать на кнопку вызова, но тут осёкся. «Да что я делаю, кому звоню? Это же ненормальный, настоящий сумасшедший!» Давно позабытое, всё в юношеских прыщах, худое и бледное лицо с чёрными безумными глазами в секунду ожило, воскресло в его воображении. Лицо это вечно искажали гримасы и безобразные ужимки. «Да, Парвиз был настоящим шизофреником», – Байраму вспомнился голос Парвиза, вернее, многочисленные голоса, которыми тот бубнил себе под нос на протяжении почти всего времени своего пребывания в армейской части!

«Нет, ему я звонить точно не буду! – передумал Байрам. – Да и какой в этом смысл? Всё равно этот бедняга ничем не сможет мне помочь. Поеду лучше домой», – вздохнув, решил он.

Байрам взял свою дорожную сумку и направился к кругу у станции метро «Двадцатое января», там он собирался сесть в автобус, едущий к новому автовокзалу...

Байрам уже стоял одной ногой на подножке автобуса, как вдруг его телефон зазвонил. Байрам посмотрел на экран телефона и не поверил собственным глазам – ему звонил сумасшедший Парвиз!

«Что? Неужели я промахнулся и случайно бросил ему вызов! – раздосадованно умозаключил Байрам. – Что делать? Не давать же ему отбой!» Байрам торопливо убрал ногу с подножки... Парвиз, если забыть про голоса, был в сущности неплохим, безвредным парнем, и Байрам подумал, что вполне может перекинуться с ним парой-тройкой дежурных фраз, типа: «Привет, как дела? Вот, вспомнил тебя, решил позвонить, узнать, что у тебя нового, как поживаешь и т.д. и т.п.», и он принял вызов, моля бога, чтобы поменьше встречали так досаждавшие ему в воинской части эти постоянно сменяющие друг друга, а иногда даже звучащие одновременно, противные голоса...

Однако... Дальше случилось непредвиденное!.. Голосов не было, они почему-то исчезли!

– Привет, брат, сколько лет, сколько зим! Как ты? – вместо них прозвучал спокойный, размеренный голос вроде бы нормального, абсолютно здорового человека!

– Парвиз, это ты? – с удивлением спросил Байрам, абсолютно забыв про первоначальный «план» своего разговора.

– Да, конечно, это я, Байрам. Как поживаешь? – продолжал нормально говорить один-единственный голос!

– Хорошо, спасибо, – неуверенно ответил Байрам, он пока не совсем понимал, как ему говорить с «новым Парвизом», – я в Баку, но скоро собираюсь уезжать отсюда, – уныло добавил он.

– Ты в Баку? А почему тогда молчишь? Ты сейчас где именно? – с участием спросил Парвиз. – Значит, около станции метро «Двадцатое января»? О'кей, не уезжай, пожалуйста, подходи к памятнику-монументу, я скоро буду, – деловито произнёс он, оставив Байрама в полном недоумении...

Да, прошло пять лет, многое могло измениться, но Байрам никак не мог поверить в чудесное исцеление сумасшедшего Парвиза!..

Байрам развернулся и пошёл к памятнику у станции метро «Двадцатое января». «А может, Парвиз нормальный, только когда говорит по телефону? – внезапно поймал себя на мысли он. – Ведь раньше я никогда с ним по телефону не разговаривал!» Байраму вдруг вспомнился одноклассник-заика, который, тем не менее, никогда не заикался, пока не видел своих собеседников в лицо! «Да, точно! Парвиз не мог так измениться. Вот сейчас он придёт, и я снова увижу этого сумасшедшего с безумными глазами, увижу, как он кривит лицо, и услышу, как он говорит сразу несколькими голосами почти одновременно! И как, кстати, это у него получалось?!»

«А вот и памятник!» Байрам опустил увесистую сумку на землю и сел на мраморную плиту... Мало-помалу к нему начали возвращаться воспоминания о тех далёких днях... Постепенно всё, что было пять и более лет тому назад, словно в калейдоскопе, пронеслось у него перед глазами!..

Да, в армии все считали Парвиза ненормальным. Но он и в самом деле был таким! Когда Байрам только появился в части, Парвиз уже служил там несколько месяцев. В первый же свой день в казарме Байрам очень удивился, когда подошедший к нему с виду культурный городской парень, протянув в знак знакомства руку, последовательно, с расстановкой представился сразу несколькими именами подряд. Причём, сделал он это разными голосами, там был и низкий голос – бас, и высокий –

тенор, и ...Байрам не мог ошибиться, среди прочих был и женский голос – приятное сопрано!

Представившись таким образом, Парвиз (это был он!) ушёл прочь, насвистывая себе под нос какую-то незатейливую мелодию.

– Что уставился? Ты что, сумасшедших не видел?! – гаркнул лейтенант, кадровый военный, в то время как Байрам с открытым от удивления ртом продолжал смотреть вслед удаляющейся стройной фигуре Парвиза.

– Сумасшедший? Ненормальный? Но как же его призвали в армию? – воскликнул, только придя в себя, Байрам.

– Как? Не говори глупости! Ты что, не знаешь наши военкоматы? Медкомиссия признала его годным. Хотя, честно говоря, – чуть остыл лейтенант, – он – хороший солдат, на него я не жалуюсь. Дисциплинированный, аккуратный. Все мои приказы добросовестно исполняет. Ну, подумаешь, говорит разными голосами, и не к такому можно в армии привыкнуть! Всем бы быть такими сумасшедшими, как он!

Однако слышать разные голоса, исходящие от одного человека, причём быть свидетелем разговоров этих голосов между собой, для Байрама было сомнительным удовольствием. Поэтому поначалу он, в меру своей изворотливости, старался держаться от сумасшедшего Парвиза подальше. Только, как назло, с определённого момента лейтенант начал ставить их в пару, вместе, как при выполнении армейских упражнений, так и во время нарядов, дежурств, караулов и т.д.

– Тоже мне новость, его голоса многих раздражают! – изменившись в лице, отрезал лейтенант, когда Байрам всё же заикнулся о том, что «можно, он не всегда будет с Парвизом». – Это приказ! Ты что, не понимаешь?! Приказы не обсуждаются! Терпи и молчи!

И Байраму приходилось терпеть. Он старался изо всех сил не обращать внимания на всплывающие «посторонние голоса», хотя иногда ему было невмочь и так хотелось стукнуть Парвиза чем-то тяжёлым по его безумной башке...

Впрочем, Парвиз не всегда говорил без остановки «посторонними голосами». В один день, помнится, Парвиз вдруг замолк к неопишуемой радости Байрама. Он молчал и утром, и днём, и вечером. Молчал и на следующий день. «Неужели он поправился?» – в душе Байрама забрезжила надежда, но тут он заметил, что Парвиз не только молчит, но и ничего не ест и часами смотрит в одну точку.

– Что-то случилось, Парвиз? – в обед спросил он.

– Да, – глухо, новым для Байрама голосом ответил Парвиз, – дядя Бахлул, к сожалению, безвременно скончался.

– Твой дядя скончался? Очень жаль! Сочувствую! Аллах ряхмят елясин! – автоматом произнёс Байрам. – А лейтенант знает об этом? Ты у него просил разрешения, чтобы он отпустил тебя на похороны? – в последнем вопросе вскрылось сокровенное желание Байрама хотя бы на несколько дней отдохнуть от Парвиза.

– Нет, дяде Бахлулу это не нужно, – Парвиз посмотрел на Байрама таким взглядом, словно из них двоих именно Байрам был не в своём уме! – смерть дяди Бахлула – очень тяжёлая для нас утрата. Хорошо хоть, что он оставил после себя меня, Рамина, своего племянника, только нам всё равно его очень будет не хватать...

Дня через три Парвиз пришёл в себя, вернее, вернулся в своё привычное состояние. Замену дяди Бахлула на Рамина никто в части не заметил, кроме Байрама. Он-то обратил внимание, что низкий голос, бас, полностью исчез из арсенала Парвиза!..

Так прошло почти два года. Не стоит даже говорить, что «замученный головами» Байрам, как никто другой в армейской части, ждал демобилизации Парвиза, ведь именно ему по милости лейтенанта приходилось проводить с Парвизом больше всего времени. И вот наконец этот день настал! Сумасшедший Парвиз возвращался в Баку!

– До встречи, Байрам, извини, если допекал тебя своими голосами, – за всё время службы Парвиз в первый раз заговорил с ним, похоже, своим естественным, натуральным голосом. – Запиши мой номер, будешь в Баку, обязательно звони. Знаешь, у меня в Баку очень большие связи. Так что всегда буду рад помочь! Ну, до встречи, друг! – Парвиз неожиданно тепло попрощался с Байрамом, даже его приобнял...

Байраму совсем не хотелось записывать номер телефона Парвиза. Однако Парвиз не отставал до тех пор, пока не убедился, что его номер правильно записан в телефонной книжке Байрама.

На следующий день после отъезда Парвиза Байрам рассказал сослуживцам о последних словах «сумасшедшего солдата».

– Да какие у него могут быть связи в Баку? Он же ненормальный! – ответом был общий смех. – Сам подумай, были бы у него хоть какие-то знакомые, его, психа, ни за что не забрали бы в армию! Откосить такого – раз плюнуть!

– А может, он сам захотел служить? – робко предположил Байрам.

– Да ты что! – возразил лейтенант. – Если бы он сам захотел служить, тогда бы его «влиятельные знакомые» нашли бы для него «престижную» часть, а не такую далёкую от Баку, как наша! – прозвучал убедительный ответ...

После отъезда Парвиза Байрам, наконец, вздохнул полной грудью. И всё время до своей демобилизации старался не вспоминать о Парвизе, лишь иногда ночью вздрагивал, просыпался от звучания разных голосов и вздыхал с облегчением, когда осознавал, что всё это ему только снится...

И вот теперь, пять лет спустя, он, Байрам, будто возвращался в своё прошлое. Да, тогда ему было двадцать лет, сейчас двадцать пять. Всё могло измениться, но никак не верилось, что мог измениться «сумасшедший Парвиз»!..

Прошло минут пятнадцать после телефонного разговора, не больше, как у памятника-мемориала возле станции метро «Двадцатое января» появилась знакомая фигура. Байрам сделал несколько шагов вперёд и с большим трудом узнал Парвиза! Да, Парвиз изменился! Он был совсем не похож на себя пятилетней давности. Юношеские прыщи благополучно исчезли, и его лицо было чистым, как у младенца. Чёрные волосы были аккуратно приглажены, а одет он был по-современному, стильно и модно, его стройную фигуру облегал джинсовый брюки и рубашка на кнопках. Но самое главное, взгляд! Он был теперь совсем другим, осмысленным и живым!

– Байрам, как я рад тебя видеть! – Парвиз произнёс эти слова тем самым голосом «из телефона» и в следующую секунду заключил Байрама в крепкие объятия.

«Неужели он теперь не сумасшедший?» – в подтверждение мыслей Байрама, после того, как объятия разомкнулись, Парвиз продолжал говорить тем же самым голосом:

– Какими судьбами в Баку? Какие у тебя планы? Могу я чем-то помочь?

Байрам смутился, ему нужно было время, много времени, чтобы принять «нормальность» Парвиза. И Парвиз будто почувствовал это...

– Давай лучше посидим в чайхане, здесь недалеко, расскажешь, что да как, – предложил он.

Байрам согласился, и в следующие полчаса в подробностях рассказал Парвизу и о том, как остался без работы, и о своём неудачном опыте поиска работы в Баку, хотя больше всего остального ему самому хотелось спросить Парвиза, как же так получилось, что тот теперь не сумасшедший, а абсолютно нормальный человек?

Однако Парвиз держался с таким достоинством, что Байраму казалась странной сама мысль спросить его об этом!

– А у тебя есть где остановиться, дорогой? – после того, как Байрам закончил, Парвиз подозвал официанта и быстро расплатился, несмотря на бурные, хоть и несколько искусственные, протесты Байрама.

– Нет, негде, – признался Байрам и опустил голову.

– Оставайся у меня, – вдруг неожиданно, с воодушевлением предложил Парвиз, – я живу недалеко. Кстати, забыл сказать, я женат, моему сыну уже два годика, но у нас большая квартира, есть свободная комната. Живи там сколько хочешь, пока не найдёшь себе нормальную работу.

– Спасибо, друг! Я тебе очень признателен! – пять лет назад Байрам не мог бы себе и представить, что когда-нибудь будет обязан Парвизу настолько, что произнесёт эти слова. – А вообще я думал остановиться в гостинице какой-нибудь, – добавил он.

– Да ты что! – всплеснул руками Парвиз. – Ты же мой друг. Оставайся у меня, нет проблем.

Через несколько минут Байрам удивился в очередной раз, когда Парвиз, выйдя из кафе, достал из кармана джинсовых брюк блестящие ключи и лёгким нажатием пальца отключил сигнализацию у дорогой иномарки! «Значит, он не врал мне тогда про свои связи? Откуда же у него такая тачка? А может, он сам зарабатывает себе на жизнь? Интересно, чем же? А, главное, как такое возможно, чтобы человек так сильно изменился, превратился бы из «сумасшедшей достопримечательности» в успешного красавца?» – Байраму казалось, что он видит слишком длинный сон, так сильно действительность отличалась от того, что он ожидал увидеть...

Парвиз ловко припарковал машину у современной многоэтажки. Скоростной лифт... и вскоре Байрам увидел супругу Парвиза вместе с его сыном. Супруга Парвиза, Марьям, была высока и стройна, приветлива и дружелюбна. Вскоре Парвиза и Байрама ждал стол с вкусной едой. Байрам очень проголодался, и не заметил, как съел почти всё.

После ужина жена Парвиза пошла укладывать их сына спать, а друзья остались вдвоём и продолжили вспоминать армейскую службу, сослуживцев, лейтенанта, учения и наряды, но при этом Парвиз держался с тем же достоинством и ни словом не обмолвился о «тех голосах», как будто бы их никогда и не было...

Был уже поздний вечер, когда Парвиз сказал:

– Пора спать, дорогой Байрам. Завтра утром поговорим о твоей работе, подумаем, куда тебя можно будет пристроить. Утро вечера мудренее! – после чего хлопнул Байрама рукой по плечу, и Байрам, словно сомнамбула, пошёл в свободную комнату.

Байрам лёг спать, однако никак не мог заснуть. «Парвиз теперь абсолютно нормальный, даже нормальнее, чем я! Во всяком случае, у него есть всё: квартира, машина, красавица-жена и сын. И куда подевались его голоса?»

Прошло около двух часов, когда Байрам услышал доносящийся из коридора шум мужских шагов.

– Парвиз, – шёпотом позвал он.

– Что, Байрам, не спится? – красивое, даже одухотворённое, лицо Парвиза предстало при тусклом освещении в дверной щели.

– Да, не могу уснуть, – признался Байрам и немного погодя добавил: – Скажи, друг, а что всё-таки с тобой произошло, что ты так сильно изменился? В армии же ты был совсем другим! И что случилось с твоими голосами? Они что, совсем исчезли? Сегодня за весь день я их ни разу не слышал, и ты про них ничего не говорил!

– С голосами? Да, ничего. Я просто сумел с ними договориться, – загадочно ответил Парвиз.

– Договориться? С голосами? Как это? – озадаченно спросил Байрам.

– Потом расскажу. Спи, Байрам, – на этот раз отмахнулся Парвиз.

«Наверно, он в самом деле выздоровел, и ему просто неприятно вспоминать о своём былом сумасшествии», – подумал Байрам.

– Да, конечно. Спасибо тебе за всё! – сказал он и вскоре заснул...

Когда Байрам проснулся, Парвиз и его жена были уже на ногах.

– У меня для тебя прекрасные новости, Байрам! – с ходу произнёс Парвиз. – Я нашёл для тебя подходящую работу, в строительстве! Сам знаешь, строительство сейчас у нас на подъёме.

– В строительстве? – переспросил Байрам. По правде говоря, стройку он не любил. Байрам всю жизнь боялся высоты, хотя и старался этого не показывать.

– Да, ты будешь работать водителем в иностранной строительной компании, – приятно удивил его Парвиз, – сейчас поедем на собеседование, но это формальность, тебя обязательно примут, за тебя поручился очень влиятельный человек!

Через полчаса Парвиз и Байрам были в приёмной директора строительной компании.

– Мы от Фаиг-муаллима, он вам звонил сегодня утром! – при виде секретарши произнёс Парвиз, и ... судьба собеседования была решена: после пары дежурных вопросов Байрама приняли на работу.

– Приступаете через десять дней. Надеюсь, город вы хорошо знаете?! – подытоживая, полувопросительно-полуутвердительно сказал директор.

Байрам замялся... Он приезжал в Баку раз шесть-семь, и редко когда оказывался за пределами круга у станции метро «Двадцатое января»...

– Конечно, знает. Как свои пять пальцев! – ответил вместо Байрама Парвиз...

В машине, когда друзья остались наедине, Байрам не мог скрыть своей озабоченности.

– Большое тебе спасибо, Парвиз. Работа просто замечательная. Но, боюсь, я провалюсь. Ведь город я совсем не знаю, – Байрам тяжело вздохнул.

– Ерунда! – парировал Парвиз. – У тебя в запасе есть ещё целых десять дней, чтобы изучить его вдоль и поперёк! Хотя Баку и большой, но изучить его проще простого. Это тебе не Шанхай или Нью-Йорк!

– Но я никогда не водил здесь, и у меня нет машины!

Парвиз задумался, сильно нахмутив лоб. Однако через секунду морщины у его лба разгладились.

– Ты прав, брат! Практика, конечно, нужна. Поэтому возьми мою машину на десять дней, потренируешься! – неожиданно предложил он.

– Ты шутишь? – обалдел от такого широкого жеста Байрам.

– Нет, не шучу. Уверен, через десять дней, как я и говорил, будешь знать Баку, как свои пять пальцев!

Не прошло много времени, как Парвиз передал Байраму ключи вместе с бумажкой-доверенностью на управление транспортным средством.

– Не знаю даже, как тебя благодарить! Машину я, конечно, верну тебе в целости и сохранности. Буду ездить на ней очень аккуратно, обещаю. Но на чём же будешь передвигаться ты? – спросил Байрам.

– Насчёт этого можешь вообще не беспокоиться, – спокойным голосом ответил Парвиз, – у меня давно есть другая... Кстати, я буду дома в семь, но Марьям с сыном весь день или дома, или во дворе, так что заходи, не стесняйся, – напоследок сказал он и направился к припаркованному у дороги большому чёрному навороченному джипу...

«Неужели это его?» – Байрам, сидя в машине Парвиза, в роскошном мерседесе, зачарованно наблюдал за своим сумасшедшим в недавнем прошлом приятелем. «Да, его! – Байрам заметил, как ловким движением Парвиз открыл водительскую дверь. – Ну, просто красавчик! Видели бы сейчас его, Парвиза, ребята из нашей воинской части! И что бы сказал наш злючка-лейтенант?»

Байраму на секунду захотелось позвонить лейтенанту или ребятам и рассказать об исцелении «сумасшедшего Парвиза», но он вовремя удержал себя от этого шага.

«Это глупо! Пусть лучше он будет для всех бедным сумасшедшим, чем богатым и добрым Парвизом!» – в голову к нему пришла здравая мысль.

Оставшись в одиночестве, Байрам не спеша тронулся с места. «Вот супермаркет, мусорные ящики, школа», – Байрам очень боялся заблудиться и поэтому старался запоминать всё подряд. Выехав же на проспект, он оказался в водовороте машин, все куда-то торопились и бесцеремонно сигналили друг другу.

Проехав светофор, Байрам был очень удивлён, когда его остановила машина ГАИ. «В чём дело? Я же ничего не нарушал!» – в недоумении он полез за документами в бардачок.

– Документы у вас в порядке! Просто я знаю эту машину, это машина Парвиза. Передавайте ему привет! – нажав что-то в своём планшете, произнёс инспектор ГАИ и пожелал счастливого пути.

«Надо же, Парвиз, оказывается, – известная личность! Чем же он всё-таки занимается, зарабатывает себе на жизнь?» – облегчённо выдохнул Байрам. Когда же он клал документы обратно в бардачок, то случайно заметил «притаившийся там», исписанный ручкой клочок белой бумаги. Байрам не был любопытным, но на его месте мало кто проигнорировал бы этот листок! Байрам достал его из бардачка и полностью раскрыл: там был список из имён и телефонов, а напротив многих имён в скобках даже были написаны пояснения! Внимание Байрама привлекла следующая надпись среди прочих: «Иоланта (медсестра в психиатрической больнице)»!

«Иоланта... Что это за имя? И почему Парвиз держит в бардачке своей машины листок с номером телефона медсестры из сумасшедшего дома? – задумался Байрам. – Он же сейчас абсолютно нормальный! Или всё-таки нет? Может, это временное улучшение? Как там говорил наш армейский врач про психических больных? Какое-то мудрёное слово. Ремиссия! Нет, не похоже! Парвиз, скорее всего, давно как здоров. Ведь у него двухлетний сын. Красавица Марьям вряд ли вышла бы за него замуж, болтай он всё время этими дурацкими голосами!»

Байрам снова внимательно просмотрел листок, там было номеров тридцать, не меньше. И тут к нему пришло озарение: «А, понятно! Парвизу просто нужно было соранить номера из своего старого телефона! Ну, и номер медсестры он тоже переписал, на всякий случай. У меня самого, если подумать, столько бесполезных контактов в этом дурацком телефоне!» – Байрам вспомнил свою вчерашнюю, пусть и счастливо завершившуюся, эпопею с бесплодными поисками работы и ночлега...

Успокоившись, Байрам продолжил изучать город на автомобиле Парвиза... Однако аккуратная и бесцельная езда по неизвестным местам довольно быстро утомила его. Ему было как-то неудобно возвращаться домой в отсутствие Парвиза и приходиться ровно в семь тоже было невежливо. Он с трудом дождался восьми часов вечера, чтобы нажать на кнопку домофона...

– Как успехи, Байрам? Теперь ты знаешь Баку? – Парвиз встретил его доброжелательно, с мальчиком на руках.

Байрам сделал головой неопределённое движение, дескать, не очень, пожал Парвизу руку, вежливо поздоровался с сидевшей за столом Марьям и несколько искусственно попробовал рассмешить ребёнка.

– Пожалуйста, присаживайтесь к столу. Вы, наверное, сильно проголодались? – заговорила Марьям.

– Да, садись, Байрам, а у меня, кстати, появилась идея, как помочь тебе побыстрее изучить город! Вот она точно сработает! – Парвиз отпустил сына на пол, после чего тот побежал к матери, и вскоре мать и сын скрылись из поля зрения Байрама.

– Так вот, – продолжал Парвиз, – просто колесить по городу это, наверно, скучновато. Да и неэффективно, пустая трата времени. Нужно, чтобы у тебя была конкретная цель, чтобы ты выполнял какое-то конкретное задание! Почему бы тебе в

течение десяти, уже девяти дней, не поработать таксистом?! Так одним выстрелом убьёшь несколько зайцев сразу: и город изучишь, и людей увидишь, тебе же в этом городе ещё работать, и заработаешь какие-никакие, но всё-таки деньги!

– Таксистом? На твоей машине?

– Да, не удивляйся, сейчас в такси есть и более дорогие, крутые машины. Вообще, у нас в городе сейчас полно служб такси! Так много, что я сам их уже путаю! Завтра же с утра мы регистрируемся с этой машиной в трёх-четырёх из них, и ты сможешь брать заказы, те, которые находятся поблизости. Вот и всё!

– А как я буду выполнять заказы? Я же город не знаю!

– Пока не знаешь! – Парвиз поднял указательный палец вверх. – Все таксисты едут по навигатору! Это обычный смартфон, просто нужно загрузить приложение, которое будет показывать тебе дорогу. Но только старайся всё запоминать, учиться, а то будешь, как зомби, – рассмеялся Парвиз. – Знаешь, есть такие водители, которые всю жизнь едут по навигатору и город не знают. Но если ты хочешь учиться, то навигатор тебе только поможет!

Байрам с тоской посмотрел на свой старенький телефон.

– Забудь про него! Я тебе подарю мало использованный, андроид! – перехватил его взгляд Парвиз.

– Спасибо, Парвиз! Не знаю даже, что я без тебя бы делал!

– Ну что ты, Байрам! Ты же мой лучший друг! Я очень рад тебе помочь! Знаешь, там в армии ты был моим единственным другом! Я только по тебе скучал! – Парвиз произнёс это так искренне, что растрогал не слишком склонного к сантиментам Байрама. В следующее мгновение тот с удивлением осознал, что по его щеке стекает скупая мужская слеза...

Байрам уже привык к тому, что слова «нового» Парвиза не расходились с делом. На следующий день Парвиз, как и обещал, вместе с Байрамом прошёл регистрацию в нескольких службах такси и подарил Байраму смартфон с уже установленным приложением. Байраму теперь оставалось только принимать и исполнять заказы, и связываться с диспетчером в случае необходимости.

– Удачи, Байрам! – Парвиз сел в большой чёрный джип и уехал, оставив Парвиза в мерседесе со смартфоном-навигатором.

Байрам аккуратно вставил ключ в замок зажигания. «Да, Парвиз – красавчик! С таксистом ловко придумал! Действительно, так я быстрее и лучше узнаю город! И денег заработаю», – с деньгами у Байрама было туго, к тому же он беспокоился за оставшихся без него мать и сестру, и он подумал, что Парвиз, может, специально придумал эту затею с таксистом, чтобы помочь ему, поддержать его материально, пока он не приступил к своей настоящей работе! В подтверждение мыслей Байрама бензобак мерседеса был полон!.. Машина «звенела» и не требовала никаких расходов!

Ожидания не обманули Байрама, в первый же час он заработал около десяти манатов. Но самое интересное было впереди!

Часы показывали 11.00, когда на экране смартфона появился очередной заказ, с пунктом назначения: «Улица Д. Аббасова, дом 39»! Байрам принял его, так как находился совсем рядом с «местом посадки». Подъехав, он никого не увидел вдоль дороги и решил позвонить клиенту, для чего раскрыл детали заказа. Клиент-заказчик был обозначен в приложении как «И.И». «Интересно, мужчина или женщина?» – подумал Байрам. Игра в таксиста уже начала увлекать его. Пока в своей работе он не сталкивался с никаким негативом, даже ждать клиентов ему, вопреки опасениям, или не приходилось совсем, или приходилось очень уж недолго.

Так произошло и на этот раз. Байрам не успел нажать на кнопку вызова, как ...

– Улица Аббасова, 39? – над его ухом прозвучал удивительно приятный женский голос. В следующее мгновение Байрама обдало ароматом неведомых ему духов, и он будто бы впал в протрацию. Когда он очнулся, немного крупная, но красивая девушка лет двадцати пяти сидела на заднем сиденье, и смотрелась в зеркало косметички.

Байрам нажал на педаль газа. У него было своё, водительское зеркало, и он, конечно, не мог удержаться от соблазна рассмотреть девушку получше... И смотреть было на что! Красивые, густо подведённые, карие глаза, длинные ресницы, блестящая блузка, атласная юбка до колен и чёрные ажурные колготки, облегающие стройные ноги. У Байрама перехватило дыхание. Да, первое впечатление его не обмануло, к нему в такси села настоящая красавица, хотя в её красоте и было что-то ненатуральное, искусственное. «Интересно, как она будет выглядеть без косметики?» – Байрам только подумал об этом, как девушка аккуратно сложила свою косметичку.

– Это ведь машина Парвиза, я не ошибаюсь, – вдруг неожиданно сказала она.

Байрам удивлённо вскинул брови. «И она знает Парвиза! Откуда?» – Байраму вспомнился вчерашний инспектор ГАИ, и его «привет», так и не дошедший до адресата.

– Да, – ошарашенно кивнул головой он, – так и есть, это машина моего друга. Но откуда вы это знаете?

Девушка захлопала своими длинными ресницами.

– Я Парвиза знаю очень хорошо, – сказала она, – мы были знакомы ещё до его женитьбы. Правда, должна сказать, что он сильно изменился с того времени, – добавила она с непонятым выражением лица.

– Изменился? Это точно. Вы правы. А я с ним служил в армии, – почему-то проговорился Байрам.

– Значит, вы и есть тот самый Байрам! – оживившись, воскликнула красавица. – Знаете, он мне так много о вас рассказывал. Я вас приблизительно таким себе и представляла: сильным и мужественным. Парвиз говорил мне, что в армии вы были лучшими друзьями! Как удивительно, что мы с вами сейчас встретились! Скажите, а вам про меня он ничего не говорил?

– А кто вы? – недоумённо спросил Байрам.

– Я – Иоланта! – девушка грациозным движением руки расправила свои длинные роскошные волосы... и от этого стала ещё прекраснее...

«Что? Иоланта? – Байрама затрясло. – Неужели та самая медсестра из сумашедшего дома? Точно! И.И! И надо же, номер её телефона, написанный на клочке бумаги, находится и здесь, в бардачке, на расстоянии вытянутой руки!»

– Нет, не рассказывал, – смущённо проговорил он, ему почему-то стало неловко перед девушкой, такой красавицей.

– Очень жаль, – в самом деле девушка будто обиделась и надула губки, – а ведь у нас с ним были особые чувства, особые отношения, мы с ним были очень близки...

«Вот как! Очень близки! Красавчик, Парвиз!» – в очередной раз возгордился своим другом Байрам. Внешний, чуть легкомысленный облик девушки не оставлял у него никаких сомнений относительно характера «близости» этих отношений. «Только почему она мне рассказывает об этом? Ревность к Марьям?!»

– Парвиз просто не очень любит говорить о личном, – попытался загладить «вину Парвиза» Байрам, – так откуда вы его знаете? Вместе учились?

– Можно и так сказать, – девушка улыбнулась какой-то грустной улыбкой. – Он лежал у нас в психиатрической лечебнице, когда я там проходила практику. Это было сразу после его службы в армии. Вы ведь служили с ним вместе, понимаете, о чём я! Да, всё из-за этих голосов, они не отпускали его. Знаете, но мне так тогда стало его жалко. Он был очень несчастным и одиноким. Его наши врачи в самом деле пытались вылечить от расстройства личности, только у них ничего не получалось! А потом... я

полюбила его, мы с ним стали близки, понимаете, и всё...все эти голоса исчезли, он стал нормальным человеком! Значит, получается, что это я его вылечила, хотя врачи потом говорили, что это на него так повлиял курс их суперсовременного лечения.

– А что было потом, когда он вылечился? – Байрам покосился в сторону навигатора, синяя стрелка на котором неумолимо приближалась к пункту назначения.

– Ничего, – сухо произнесла девушка, и взгляд её будто остекленел. – Мы встречались с ним около месяца, а потом он сказал мне, что нам нужно расстаться... – Вот здесь, пожалуйста, – Байрам остановился и увидел дом – двухэтажную виллу с прикрепленной к его стене табличкой: «Улица Д. Аббасова, дом 39». Дом был роскошен, с пальмами на входе, а на втором этаже даже стояли статуи, напоминающие статуи античных героев. «Нет, это точно не психбольница! Наверно, здесь она подрабатывает».

– Удачи с навигатором, – ухоженные пальцы девушки скользнули по переднему сиденью, оставив после себя пятиманатную купюру. – И передавайте от меня привет Парвизу! Знаете, я люблю его, несмотря ни на что! Только передайте, а не забудьте, как тогда с полицейским! – под ошарашенным взглядом Байрама красавица скрылась в роскошном доме...

Девушка ушла, а Байрам всё переваривал увиденное и услышанное. «Значит, после армии бедняга Парвиз оказался в сумасшедшем доме, и именно там его вылечили, избавили от голосов. Девушка считает, что это её заслуга, а врачи – что их! Но всё это неважно. Самое главное, он теперь здоров!!! Только вот откуда медсестра Иоланта знает, что я забыл передать привет от гаишника Парвизу???» – Байрам минут десять поломал над этим голову, но так и не нашёл толкового, разумного объяснения! Треугольник Иоланта – Парвиз – Инспектор никак не хотел складываться у него воедино!

«Ничего! У меня же есть номер её телефона, могу позвонить ей, спросить напрямую!» – эта мысль успокоила Байрама, но звонить Иоланте он сначала как-то постеснялся... А потом... было уже некогда, на его смартфон-навигатор, как из рога изобилия, буквально посыпались заказы...

Да, заказов после девушки, бывшей возлюбленной Парвиза, было много...Только от всех клиентов у Байрама теперь оставались отрывочные, мимолётные воспоминания. Вот клиент, молодой парень, сильно опаздывает на работу и поэтому просит ехать побыстрее. Однако «побыстрее» у Байрама не получается из-за постоянных пробок...Вот следующий заказ – пожилая женщина едет к врачу и просит ехать как можно поменьше...

Вообще, утром-днём больницы оказались самым популярным адресатом. Ещё две женщины ехали к врачу, и одна из них точно была беременной.

Пожалуй, больше других клиентов Байраму запомнилась молодая пара с детьми. Куда они ехали, Байрам так и не понял, но дети так шумели, что он очень обрадовался, когда поездка подошла к концу...

Часы показывали 15.15, когда случилось дежавю. Байрам увидел на экране своего смартфона-навигатора новый, но уже старый, однажды исполненный заказ: «Улица Д. Аббасова, 39»!

«Улица Аббасова, 39», – сказал про себя Байрам, и будто снова уловил аромат дорогих, изысканных духов. «Наверно, да, это снова она – Иоланта, бывшая девушка Парвиза! Ну, отлично! Как раз спрошу её, откуда же она знает о приветов от гаишника!» – заказ был точной копией той самой поездки, с тем же самым местом посадки!

«Она, Иоланта, наверно, успела вернуться к себе домой, а сейчас почему-то едет обратно», – чуть поразмыслив, Байрам нашёл логическое объяснение «возвращению» заказа. Однако в следующую секунду Байрам просмотрел «данные клиента», они теперь были другие...

«Нет, это, конечно, не она, не Иоланта», – у дороги стоял крупный импозантный мужчина лет тридцати пяти-сорока, солидный, в костюме.

– Улица Аббасова, 39? – на всякий случай спросил Байрам.

Мужчина молча кивнул головой, открыл дверцу и грузно сел на переднее сиденье...

Но молчал он недолго.

– Я очень извиняюсь, конечно, но это случайно не машина Парвиз-бея? – к своему удивлению, услышал Байрам. «Клиенты, которые едут по адресу: улица Д. Аббасова, 39, почему-то знают Парвиза лично, его машину и сразу же говорят об этом!!!»

– Да, – ответил Байрам, – а вы откуда знаете? – рефреном спросил он.

– Откуда? Дело в том, что Парвиз-бей очень часто приезжает на ней в наше туристическое агентство, агентство «Рай на земле», – ответил здоровяк.

– Значит, вы его хорошо знаете? – предположил Байрам.

– Скажу так: неплохо. Парвиз-бей – один из наших самых уважаемых клиентов.

«А вы знаете Иоланту?» – хотел спросить Байрам, но удержался.

– Парвиз-бей очень любит путешествовать! Он – заядлый турист, – тем временем произнёс мужчина и почему-то сразу скосил глаза в сторону навигатора... – Извините, а вы не боитесь ему доверять? – вдруг низким голосом спросил он.

«Странно! И причём здесь навигатор? Иоланта ведь тоже про него что-то сказала, типа, пожелала удачи. Почему же все, кто едет по адресу: улица Д. Аббасова, 39, во-первых, знают Парвиза и эту машину, во-вторых же, что-то говорят про навигатор?! Совпадение? Остальные клиенты вообще не задают никаких вопросов! Молчат, как рыбы! – в мгновение всё это пронеслось в мозгу у Байрама.

– Нет, не боюсь, – по существу вопроса ответил он, – это же техника, зачем мне её бояться? Она обмануть не может!

– Да, техника не может обмануть, но люди вполне могут обмануться сами! Вот недавно у нас в туризме произошёл случай. – Мужчина чуть откинул массивную голову назад и провёл пальцами по толстым губам, словно поднося воображаемую сигарету. – Короче, один иностранец здесь в Баку захотел посетить Гобустан, ну, понимаете, посмотреть там на камни, скалы и наскальные рисунки. Зашёл в наше агентство, но наши цены ему не понравились, показались слишком дорогими. У нас же в цены включены и обед, и услуги экскурсовода, и поездка на грязевые вулканы! Короче, вышел он от нас, поймал такси. А таксист оказался, мягко говоря, не очень разбирающимся в наших достопримечательностях. «Гобустан, о'кей, – сказал он, – ноу проблем!» – после чего нашёл Гобустан в навигаторе, и ... через полтора часа они с клиентом добрались до места назначения. Но только прибыли они совсем не в заповедник, а в город-тёзку, в другой Гобустан, в бывшую Маразу! Теперь представьте, какой шок был у иностранца после того, как он целый день впустую прослонялся по городу и его окрестностям в поисках петроглифов! Хорошо ещё, что потом ему объяснили, что у нас в Азербайджане два Гобустана, причём находящихся по разные стороны от Баку!

После своего рассказа мужчина засмеялся, и Байрам засмеялся вместе с ним. «Кого-то он мне напоминает? Но кого? – Байрам никак не мог сообразить, где и при каких обстоятельствах он мог видеть импозантного, судя по всему, делового человека. – И что же, интересно, связывает его с Иолантой, раз у них совпадают и место посадки, и пункт назначения?! Может, она его жена? А что? Она красива, а он, наверно, богат!»

Когда до пункта назначения оставалось всего ничего, телефон у клиента, «мужа Иоланты», зазвонил. «Да, любимая, скоро буду», – Байрам не без удовлетворения услышал «подтверждение» своей версии.

«Интересно, а знает ли он об отношениях своей жены с Парвизом?» – вдруг по-

думал Байрам, но в этот момент ... «вот здесь остановите», – прозвучал голос клиента, и привычно пискнул навигатор.

Байрам остановился, да только никак не мог поверить собственным глазам! Двухэтажный особняк исчез! Вместо него по адресу: «улица Д. Аббасова, 39» теперь находилась новостройка, двенадцатиэтажный дом! «Где же вилла, пальмы и статуи? Куда всё подевалось?»

– А это точно Аббасова, 39? – недоумённо спросил Байрам.

– Да, конечно, – спокойно ответил здоровяк, – сдачи не надо, – в следующее мгновение он небрежно бросил пятиманатную купюру в пенал между водительским и пассажирским сиденьем и скрылся в каменных джунглях...

Байрам растерянно огляделся по сторонам. К своему сожалению, когда он подвозил Иоланту, он так увлёкся разговором и яркой внешностью собеседницы, что совсем не запомнил дороги, не запомнил практически ничего, кроме самого дома и прикрепленной к нему тёмно-серой таблички! «Стоп, табличка!» – Байрам торопливо вышел из машины...

На стене многоэтажного здания таблички не было – красной краской, правда, были выведены цифры, но не 39! Байрам остановил первого попавшегося прохожего, тот лишь развёл руками, не местный. Байрам остановил второго, третьего, однако те тоже были не в курсе. «Может, стоит постучать в квартиры и спросить адрес?» – подумал Байрам, но тут к нему пришла идея получше. «Можно же позвонить девушке-диспетчеру из службы такси. Она же сама просила звонить, если что-то пойдёт не так».

Байрам позвонил. «Вы приехали по тому же адресу, что и в прошлый раз, только дом теперь другой? – девушка-диспетчер будто его узнала и говорила очень любезно. – Этого не может быть! Вы, наверное, просто заехали с другой стороны. Говорите, у дома другой номер? А, такое часто бывает. Понимаете, в городе не так давно были перенумерованы практически все улицы, поэтому часто случается путаница – перемешиваются старые номера с новыми! Но вы не волнуйтесь, доверяйте нашему приложению».

Байрам вернулся к автомобилю. «С Иолантой всё более-менее понятно, медсестра, бывшая подруга Парвиза. А кто такой этот мужчина, «её муж»? Муж ли он вообще ей? – «двойственность» адреса: «улица Д. Аббасова, 39» несколько поколебала уверенность Байрама. – Может, они даже вообще не знакомы друг с другом! Да, он вёл себя так, как будто руководит туристическим агентством. Как же оно называлось? «Райский уголок»? Нет, «Рай на Земле»! Только имя своё он так и не назвал. Как же он указан в приложении, интересно?»

Байрам раскрыл детали заказа... «Странно... «А-н» ... Кто же это может быть?» Ни одно мужское имя, начинающееся на А и заканчивающееся на Н, не приходило Байраму в голову. «А вдруг он тоже есть в этой бумажке из бардачка, раз едет по тому же адресу: улица Д. Аббасова, дом 39?!» – осенило Байрама. Он открыл бардачок, достал скомканный листок и снова прошёлся по списку... «Да, есть такой, «Айдын (директор туристического агентства)», – с удивлением нашёл соответствующую запись он. Байрам на всякий случай сверил номер из бумажки с номером клиента в заказе – они совпадали!

«Что же это значит? Уже второй клиент – знакомый Парвиза, и едет при этом по тому же адресу: улица Д. Аббасова, 39! Да и самое интересное, места почему-то разные! Хотя, может, девушка-диспетчер и права, я нахожусь там же, просто с другой стороны?»

Соблазн отыскать дом, в который тогда вошла Иоланта, был очень велик, но у Байрама на смартфоне «горел» заказ стоимостью 15 (пятнадцать) манатов! Клиент был совсем рядом и ехал в аэропорт! Такой выгодный заказ упускать было нельзя!..

Когда Байрам вернулся из аэропорта, было уже темно. Спустя же пару часов, исполняя заказы, он понял, насколько сильно вечерний Баку отличается от Баку светлого времени суток. И дело было не только в ощущениях. Если утром-днём люди в основном пользовались услугами такси, чтобы доехать до больницы или поликлиники, то вечером самыми популярными адресатами стали кафе, дома торжеств и рестораны. «Больницы, рестораны я скоро буду знать наизусть, так же, как и этот адрес: «улица Д. Аббасова, дом 39», – Байрам внезапно вспомнил о медсестре Иоланте, «её муже» Айдыне, директоре туристического агентства, об объединяющем их списке в бардачке, и доме-загадке, по словам девушки-диспетчера, спрятавшемся за многоэтажкой.

«Кстати, а в каком конкретно районе дом этот находится?» Байрам вроде уже немного освоился в Баку, пусть в его голове и была каша из названий разных улиц и проспектов. Он вбил в навигатор: «Баку, улица Д. Аббасова, дом 39», однако его запрос почему-то остался без ответа.

«Наверно, сбой в системе», – подумал Байрам и в следующую секунду убедился в правильности своего предположения! Почему? Да потому, что адрес-заказ «улица Д. Аббасова, дом 39» в третий раз за день появился на экране его смартфона! «И кто теперь клиент? Нет, вряд ли Иоланта, и вряд ли Айдын, ведь место посадки теперь совсем не там, где предыдущие два раза!»

Байрам собрался было принять заказ, как тот неожиданно пропал! «Наверно, его перехватила другая машина», – разочарованно подумал Байрам. Только он недолго переживал по поводу потерянного заказа. Вскоре этот же заказ появился снова! «Наверно, «перехвативший» заказ водитель почему-то отказался от поездки!»

Байрам, не мешкая, стремительно нажал на «вернувшийся» заказ! Всё, заказ его! Прошла минута, и он уже был на месте.

Только клиента почему-то не было... Более того, он даже не отвечал на звонки...

Прошло минут десять, а от клиента по-прежнему не было ни слуха, ни духа. Да, если бы не адрес-загадка: «улица Д. Аббасова, дом 39», Байрам давно бы отказался от этой поездки! На секунду Байраму захотелось позвонить Парвизу и рассказать ему обо всём. О том, например, что сегодня среди прочих у него было два клиента, его знакомых. Причём оба они, и девушка, и мужчина ехали по одному и тому же адресу, но почему-то оказались в разных местах! Однако тут Байрам подумал о том, что вряд ли Парвизу понравится, что он, Байрам, рылся, копался у него в документах! Байрам был настолько взволнован, так взбудоражен, что даже не подумал, что, в принципе, можно и умолчать о списке из бардачка!

Байрам уже отчаялся ждать, когда, наконец, объявится клиент! Пожилой, неряшливо одетый мужчина, он появился словно из ниоткуда! Ему было лет семьдесят, а может, даже больше. Сутулый, а на носу будто бы с трудом держались старые, изрядно поношенные очки. Байрам привык уважать старших, поэтому ни слова не сказал о своём долгом ожидании.

– Улица Аббасова, дом 39? – вместо этого спросил он.

– Да, сынок, – скрипучим голосом ответил старик, – извини, что опоздал.

– Ничего страшного, – благожелательно отозвался Байрам.

Байрам тронулся с места и в третий раз за день поехал по одному и тому же адресу. «В первый раз с девушкой там был частный дом, во второй раз с мужчиной – новостройка, а что, интересно, я увижу сейчас, со стариком?! Дом или многоэтажку?»

Байрам ожидал от старика, что тот тоже, как и Иоланта, и Айдын, скажет, типа: «Это машина Парвиза», а потом что-то скажет про навигатор, но тот молчал. «Может, он не из списка? Ведь у него совсем другое место посадки!» – вдруг подумал Байрам.

– Извините, а вы там живёте? – после некоторых колебаний он всё-таки решился задать клиенту вопрос.

– Да, – ответил старик, – живу.

– Что там? Частный дом или всё-таки новостройка? – прямо спросил Байрам.

– Трудно сказать, молодой человек. Это во многом зависит от того, что вы хотите там увидеть, – старик ответил уклончиво и странно.

– А мне всё равно, – несколько наигранно пожал плечами Байрам, – какая мне разница?

– Тогда ничего и не увидите, – ещё более странно ответил старик.

– Как это не увижу? – удивился Байрам. – Там же что-то есть! Просто, понимаете, я был там два раза, и во второй раз это было уже другое, совсем другое место! Представляете?!

– А, вот вы о чём, молодой человек! – дружелюбно проскрипел старик. – Тогда я вас очень хорошо, даже прекрасно понимаю. Я ведь сам архитектор по образованию. Работал раньше в комитете по строительству. Дело в том, что Баку очень сильно изменился, я и сам не узнаю этот город, в котором родился, вырос и прожил почти всю свою жизнь! Тут всё теперь другое! От того, старого Баку, не осталось и следа...

«С ним бесполезно разговаривать», – решил Байрам и замолчал...

Молчал и старик. Но прошло несколько минут, как вдруг ни с того ни с сего он заговорил:

– Молодой человек, я уже совсем старый, зрение не то, всё чаще подводит меня, но, скажите мне, это ваша машина или нет?

– Нет, это машина моего друга, – удивлённо ответил Байрам.

– А как зовут друга?

– Парвиз, – на выдохе произнёс Байрам.

– А, Парвиз. Сумасшедший Парвиз, – старик беззлобно прошамкал дрожащим голосом.

– Что? И вы его знаете? Откуда? – изумлённо спросил Байрам.

– Я очень дружил с его отцом, – задремезжал старик. – Он купил эту дорогую машину незадолго до своей смерти. Да, хороший был человек, только рано умер, аллах ряхмят елясин! Очень уж он переживал за судьбу своего единственного сына, за то, что тот не в своём уме!

– А когда он умер?

– Парвиз тогда служил в армии.

– Не может этого быть! – воскликнул Байрам. – Я служил вместе с ним в одной части! Никто у него не умирал, кроме дяди Бахлула! – и тут навигатор пискнул, хотя секунду назад и показывал, что до пункта назначения остаётся более километра!

«Что за чёрт!» Байрам сбавил скорость и ахнул, опешив от представившейся его взору картины. Вокруг была пустошь, одна голая степь! Здесь не пахло ни спальным районом с виллами-особняками, ни каменными джунглями с новостройками-многоэтажками. Здесь не было ничего по обеим сторонам дороги, лишь где-то далеко вдали мигал свет «отшельников-домов».

– Что? Мы приехали? – озадаченно спросил Байрам.

– Да, – невозмутимо кивнул головой старик, – большое вам спасибо. Вот здесь остановите, пожалуйста, – старик пальцем указал на появившееся у дороги одинокое, вроде тутовое дерево.

Байрам остановился...

– Но где мы? Это ведь не Аббасова, 39! – протирая глаза, сказал он.

– Почему? Мы же приехали сюда по навигатору! А он ошибиться не может! – резонно заметил старик.

– Но здесь... здесь ничего нет, – запинаясь, проговорил Байрам.

– Почему же нет? Есть... Дорога, – старик улыбнулся, – дерево... и фонари.

Фонари действительно были, но только от них совсем не исходил свет...

– Послушайте, аксакал, – занервничал Байрам. – Я был по этому адресу и утром, и днём. Утром я видел здесь такой большой частный дом, а днём – новостройку-многоэтажку! Куда они подевались? И где вы сами тут живёте? И кто вы?

Старик проигнорировал последние вопросы Байрама. В следующую секунду, резко открыв дверь, он буквально выпрыгнул из машины и пустился наутёк!

Байрам бросился было за ним вдогонку, но не смог догнать! Старик исчез за деревом, будто растворился в темени ночи!

«Как же он смог так легко от меня удрать? Это же был глубокий, совсем древний старик! – Байрам оторопел, остался стоять на пустыре. – И, самое главное, вот старый плут, он обманул меня, не заплатил! Сколько же там было? Почти семь манатов! Вот мошенник! Но куда же он мог убежать? Ведь здесь за деревом вроде ничего нет! Может, всё-таки спрятался где-нибудь?» – Байрам побродил по пустырю минут пять-десять, но ничего не нашёл, ни единой зацепки!

Уставший, он вернулся назад к своему автомобилю. И тут на пассажирском сиденье Байрам увидел деньги, десятиманатную купюру! «Нет, старик меня не обманул, расплатился, даже заплатил на три маната больше, чем надо! И зачем он тогда убежал? Или, может, он не собирался расплачиваться, а просто уронил десятиманатную купюру при бегстве?» – подумал Байрам, но тут заметил прикреплённую (именно прикреплённую, степлером!) к десятиманатной купюре записку... Записка была сложена вчетверо, поэтому Байрам её не сразу заметил, и не была написана от руки, а отпечатана на принтере...

«Всё не так, как кажется. Сумасшедший Парвиз вовсе не сумасшедший», – с удивлением прочёл Байрам. «И что это значит?»

Байрам уже больше не доверял навигатору, он набрал адрес: «улица Д. Аббасова» в Интернете. «Нет такой улицы», – Интернет мгновенно выдал ему ответ. Да, в Баку есть улицы Г. Аббасова, Т. Аббасова и М. Аббасова, но улицы Д. Аббасова нет и никогда не было!

«Значит, меня обманули, и целых три раза! Но зачем, с какой целью? И где же тогда я нахожусь на самом деле? – задался естественными вопросами Байрам. – Может, позвонить девушке-диспетчеру? Нет, это бессмысленно! – ответил самому себе Байрам. – Девушка-диспетчер точно заодно с Иолантой, Айдыном и стариком! Кстати, а кто такой этот старик? Наверно, и он есть в бумажке Парвиза!» – Байрам в очередной раз открыл бардачок... «Рафик-муаллим, архитектор (папин друг)», – уже без удивления нашёл он подходящий контакт. Байрам сверил номер телефона с номером из заказа. Номера совпадали! «А значит, все трое заодно с Парвизом», – в этом уже у него не оставалось сомнений! «И кто такие эти трое? – Байрам задумался. – Иоланта – красавица, Айдын – здоровяк, и красивым назвать его трудно, а Рафик – глубокий старик... Однако все они, все трое, чем-то неуловимым похожи друг на друга! И чем-то похожи на Парвиза!» – вдруг осенило его! «Да нет, этого не может быть, где они, а где Парвиз?» – образ девушки никак не хотел ложиться на внешность давнего армейского приятеля. «Но зубы!» – Байрам будто снова увидел в отражении своего водительского зеркала белоснежную ослепительную улыбку! «Да и старик этот уж больно резво побежал», – Байрам вспомнил, что Парвиз нёсся, как на крыльях, когда однажды, в армии, они сыграли в футбол!

«Да, это всё он! Только зачем он проделал это?» – Байрам набрал номер Парвиза и одновременно с зуммером услышал едва различаемую мелодию! Да, мелодия звонка телефона Парвиза, так хорошо ему знакомая, звучала посреди голого, безлюдного пространства. Парвиз не поднимал трубку, и Байрам побежал на звук. Естественно, что с каждым его шагом-скачком звук мелодии всё нарастал. Байрам пробежал метров двести, когда мелодия прозвучала так громко, как будто бы телефон был совсем рядом. «Но где же телефон, где Парвиз?» – только Байрам подумал

об этом, как вдруг резко стало светло, «включились» все близлежащие фонари-проектора...

Байрам увидел большую передвижную камеру и белый баннер-полотно с надписью: «улица Д. Аббасова, 39». А потом он увидел девушку-красавицу, мужчину – «её мужа», старика! Только он увидел всех их троих вместе, в одном лице! Он увидел Парвиза! Да, именно Парвиз один сыграл всю эту троицу в своём странном фильме! Но у него были помощники. Байрам увидел краем глаза электромобиль и тени трёх-четырёх людей!

– Я очень надеюсь, брат, что ты на меня не сильно обижаешься. Я теперь и актёр, и режиссёр, снимаю вот такие ролики, розыгрыши и приколы, и выкладываю их в Интернете, – произнёс Парвиз. – Но я, кстати, довольно известный актёр. Меня многие знают, я снимаюсь и в кино, играю в театре. Года через два, вот увидишь, вообще стану суперзвездой!

– Хорошо, но как ты сделал это? – спросил Байрам.

– Что это? Что ты имеешь в виду? Перевоплощение? Грим? Сейчас такая техника, что девушку можно сделать из кого угодно, даже из тебя! – засмеялся Парвиз.

– Да нет же! Как ты устроил так, что я три раза поехал по несуществующему адресу? Ты что-то сделал с моим навигатором?

– А это было совсем не сложно, брат. Я просто заранее договорился со службой такси. Они отправляли тебе «заказ на Д. Аббасова» по моему сигналу, на самом же деле этот адрес был видимостью, за ним стояли реальные адреса, и каждый раз новый. Не забывай, кстати, что сегодня первое апреля!

– Я и забыл. Ловко придумано! – не мог не восхищаться Байрам. – А играл ты здорово, ты – настоящий талант!

– Просто я актёр, – отмахнулся Парвиз. – Это – мой дар, дар перевоплощения.

– Слушай, а откуда Иоланта, то есть ты узнал, что я вчера забыл передать тебе привет? – вдруг вспомнил Байрам.

– Тут всё ещё проще, дорогой. Гаишника я сам увидел вчера вечером, когда проезжал на чёрном джипе. Он мне и сказал, что передавал через тебя привет. Кстати, а Иоланта тебе понравилась? Только не говори, что нет. Уверен, что произвела на тебя впечатление! Скажи лучше, а невеста у тебя есть? Нет? Почему? Все, что ли, не в твоём вкусе? Не переживай, я тебе найду отличную жену. Мы сегодня, кстати, говорили с Марьям по этому поводу, у неё есть одна родственница на примете, такая умница, красавица, из хорошей семьи, тебе точно понравится!

Поздно ночью Парвиз вышел из спальни. Марьям безмятежно спала, а рядом спал их двухлетний сын. Парвиз на цыпочках зашёл в комнату Байрама. Байрам тоже спал, и с его лица не сходила довольная, блаженная улыбка, ещё бы – его бакинские планы-мечты уже начали осуществляться. «Отлично, – подумал Парвиз, – все спят», после чего так же на цыпочках вышел из квартиры, закрыв за собой дверь.

Он спустился вниз, к своей машине, мерседесу, который он так любезно предоставил Байраму, чтобы тот получше изучил город. Парвиз открыл машину вручную, запасным ключом, сел в водительское кресло, после чего открыл бардачок. Да, бумажка была на месте, как он и думал! Здесь были все: и Иоланта, и Айдын, и очень уважаемый им Рафик-муаллим, здесь были все тридцать его, Парвиза, голосов!

– Большое вам, спасибо, друзья! – произнёс своим натуральным голосом Парвиз. – Вы замечательно сыграли! Я очень благодарен вам за сегодняшнее представление! Только не обижайтесь те, кому сегодня роли не достались! Я же вам обещал! Вы обязательно сыграете, и все будете звёздами! Мы с вами завоюем и Интернет, и кино, и театр, и телевидение! Нас будут знать во всём мире, а не только в Азербайджане!

– Спасибо, Парвиз! – в ответ невысказанным образом в унисон прозвучал целый хор из тридцати голосов...

– Иоланта, – снова заговорил Парвиз, – вы сегодня были просто обворожительны. Я никогда не видел вас настолько прекрасной.

– Спасибо, Парвиз, – зазвенел голос Иоланты, – только мне кажется, что твоему приятелю я не очень понравилась.

– Ну что вы, Иоланта! – сказал Парвиз. – Вы были великолепны! Байрам не сводил с вас глаз, но только до тех пор, пока вы не сказали, что у нас с вами были отношения. Вот тогда он начал стесняться вас. Он чистый парень. Для него девушки друзей – табу, даже бывшие!

– Редкий экземпляр, – в голосе Иоланты прозвучали насмешливые нотки.

– Но знаете, Иоланта, я очень расстроился, когда вы сказали о нашем расставании, мне было так больно, – продолжал Парвиз, – хотя, не скрою, мне было так приятно, когда вы говорили о том, что мы с вами были близки. Я очень люблю вас, вы даже не представляете себе, насколько сильно. Но я вынужден скрывать свои чувства от Марьям, она ведь этого не поймёт, и от этого я очень страдаю.

– Я тебя понимаю, мой мальчик, – сочувственно произнесла Иоланта, – я тоже очень сильно тебя люблю. Я помню каждое мгновение, когда мы с тобой были вместе... Помнишь, там, в больнице?

– Да, конечно, помню, – смутился Парвиз, – и вы правы, именно вы меня вылечили, а не врачи!

– Спасибо, Парвиз, – сказала Иоланта и ... вышла из разговора.

– Айдын, и вы были неподражаемы! – Парвиз говорил тем же самым голосом, но несколько поменялась тональность. – И откуда вы знаете эту смешную историю про иностранца в Гобустане? Ах, это я вам её рассказал? Хоть убейте, не помню. Но Байраму эта история очень понравилась, он от души смеялся. Я скоро зайду в ваше агентство, обязательно зайду! Вы правы, я очень люблю путешествовать! И знайте, я не против ваших отношений с Иолантой. Более того, я буду только рад, если у вас всё получится! Я буду любить вашего ребёнка, как своего!

– Всегда рады вас видеть, Парвиз-бей, – прозвучал мягкий услужливый баритон Айдына...

– Рафик-муаллим, а вы просто молодец! – Парвиз заговорил со стариком учтивым голосом, но громко и при этом чётко выговаривая каждое слово. – Никогда не думал, что вы можете так быстро бегать! А вы в юности занимались лёгкой атлетикой? Даже ездили по соревнованиям, пока не заболели? Извините, не знал. Только насчёт моего отца вы всё-таки ошибаетесь. Он умер не когда я служил в армии, а намного раньше, когда отказался верить в существование дяди Бахлула! Да, этого я ему никак простить не мог, поэтому и перестал с ним общаться!

– Напрасно, Парвиз, – вдруг снова прозвучал голос Иоланты, – напрасно ты так бесчеловечно поступил со своим отцом. Это было его право. Ведь каждый человек имеет право верить во что-то или нет... Ты не должен был обижать его, а должен был просто принять его выбор!

– Да, вы правы, Иоланта! – Парвиз не выдержал и разрыдался. – Я очень виноват перед своим отцом...

Опять раздался хор из тридцати голосов. Почти все эти голоса принялись наперебой утешать Парвиза... И вскоре он пришёл в себя.

– Рафик-муаллим, большое вам спасибо и за то, что устроили Байрама на работу, и вообще за то, что посоветовали тогда позвонить Байраму, чтобы он, так сказать, заодно и сыграл роль таксиста. Откуда, кстати, вы узнали, что он в Баку, если не секрет?

Рафик-муаллим проговорил что-то своим старческим голосом, после чего Парвиз довольно улыбнулся.

– Ах, это вы написали анонимку на его контору? Ох, уж вы и хитрец! Не ожидал такого от вас! Только, давайте больше не будем шутить над Байрамом, даже из благих побуждений. Он на самом деле – чудесный парень. Знаете, почему я ему помогаю? Потому что Байрам – единственный нормальный, чуткий человек. Единственный, кто принёс нам свои соболезнования в связи со смертью дяди Бахлула...

Неудачный брак

Скромный банковский служащий Гамид не мог поладить с женой, спорил и ругался с ней каждый божий день. Вот и сегодня, только он пришёл с работы, как вроде на «пустом месте» вспыхнул и разгорелся конфликт, завершившийся таким привычным за последнее время истеричным диалогом:

– Как же ты мне надоела, Лейла!

– Представь, ты мне тоже, Гамид!

– Заткнись, дура!

– Сам молчи, дурак!

– Дурак я, что на тебе женился.

– Не женился бы. Я тебя не заставляла.

– Да кто ты такая вообще? Что ты о себе возомнила? – Гамид поднял руку, Лейла инстинктивно прикрыла ладонями лицо, но удара не последовало. Гамид отвернулся от жены, в раздражении стукнул кулаком по крепкому дубовому столу, после чего хлопнул входной дверью и опрометью побежал вниз по лестнице. Выбрав во двор, Гамид нос к носу столкнулся с Самиром, соседом, своим лучшим другом.

– Что, опять проблемы?! – скорее утвердительно, чем вопросительно произнёс Самир. Да, по виду Гамида было сразу заметно, что он не в себе: волосы на его голове торчали в разные стороны, руки тряслись, а щека нервно подрагивала.

Гамид ничего не ответил, и Самир участливо взял его под локоть.

– Вот поэтому я и не женюсь, брат, – не без самодовольства улыбнулся он, – знаешь, и без того проблем у меня, холостяка, хватает, – Самир несколько наигранно вздохнул. – Кстати, сегодня в Интернете мне такой прикольный афоризм попался, про брак. Как же там было? А, вспомнил! Короче, брак – это союз двух людей, цель которого – решение проблем, которых, в свою очередь, и не было бы, не будь этого союза. Вроде так, – Самир беззаботно рассмеялся.

Гамид хотел улыбнуться, но его лицо лишь исказила гримаса. Он подсадовал на Самира, в очередной раз наступившего ему на «мозоль», собрался было попроситься с ним и пойти куда глаза глядят, как услышал:

– Слушай, а ты не думал пойти к специалисту, семейному психологу? Надо же с этим что-то делать! – Самир внезапно стал необычайно серьёзен...

– Я? К психологу? Что я там потерял? Разве я псих? Со мной всё в порядке. Я – абсолютно нормальный, – чересчур эмоционально отреагировал Гамид. По правде говоря, он толком не понимал, в чём разница между психологом, психоаналитиком, психиатром или психотерапевтом.

– Если ты идёшь к психологу, это вовсе не значит, что с тобой что-то не так, – спокойно возразил ему Самир. – Весь цивилизованный мир сейчас ходит к психологам. Ты что думаешь, все они ненормальные? – добавил он пару секунд спустя.

Гамид недоумённо пожал плечами... Вообще-то он был довольно замкнут по натуре, не очень общителен. Самир был, пожалуй, единственным, кому Гамид что-то рассказывал о своих семейных передрагах.

– Хорошо, – неуверенно сказал он, – предположим, ты прав. Многие сейчас ходят к психологам. Даже нормальные люди. Но есть ли польза от этого? Я имею в виду не для психологов, а для тех, кто к ним ходит! По-моему, нет. Почему? Потому что все психологи – шарлатаны! Кому конкретно они помогли? Можешь сказать?

– Могу. Моей родной сестре, – Самир произнёс так тихо, как будто сообщал о военной тайне. – Знаешь, кроме шуток, пару лет назад она с мужем реально мучилась, хотела развестись. Ей тогда кто-то посоветовал пойти к психологу. Они и пошли, ни на что особо не надеясь. А он, психолог, прикинь, оказался профессионалом. Короче, вразумил их, правда, не знаю, как, но факт, что сейчас у них всё в порядке, крепкая и счастливая семья! Как же звали этого психолога? Подожди, сейчас вспомню! А, Эльчин, точно! Где он принимает? Прямо в центре, напротив мини-стерства! Не может быть, чтобы ты там не видел на втором этаже вывеску «Психологические услуги»! Да, это его офис! К нему, кстати, не так просто попасть, нужно записываться заранее. Но, если хочешь, я узнаю сейчас у сестры номер его телефона, сам ему позвоню и попрошу, чтобы он тебя сразу принял. Пойдёшь?

– Давай, – отрешённо ответил Гамид...

Самир прямо при Гамиде позвонил своей сестре и узнал номер телефона Эльчина. Однако до Эльчина дозвониться уже оказалось не так просто, только на третьем-четвёртом звонке Самир услышал интеллигентный бархатный голос: «Извините, я очень занят, напишите мне, пожалуйста, о вашем случае по Интернету, там, в Интернете, мы и договоримся о встрече».

Доступа к Интернету на улице не было ни у Гамида, ни у Самира.

– Ничего, Гамид, не переживай. Я всё равно должен сейчас пойти в одно место, вот там Интернет точно есть, так что оттуда я сам и свяжусь с Эльчином. Жди сегоднего моего звонка, – сказал Самир, и на этом друзья разошлись. Самир пошёл в «своё место», а Гамиду ничего не оставалось, как вернуться к себе домой...

Когда Гамид вошёл, Лейла уже спала или притворялась, что спит. Гамид постелил себе на диване, и тут раздался звонок от Самира: «Всё в порядке, брат, я с ним договорился. Эльчин будет ждать тебя завтра, в 19.30. Только смотри, ни в коем случае не опаздывай, он в самом деле очень занятой человек. У него время – деньги», – напоследок произнёс Самир...

Да, Гамид никогда раньше не был у психологов, поэтому чувствовал себя скорманно, немного не в своей тарелке. Хотя обстановка в офисе была самая обычная, для Гамида тем более привычная: большие удобные кресла, современные стеллажи. «Почти как у меня на работе, в банке, – подумал Гамид, – только вместо папок и бумаг здесь книги, очень много книг». Гамид бегло пробежался глазами по корешкам, но встретил только две знакомые фамилии: Фрейда и Карнеги, и от этого почувствовал себя ещё более неуютно. «Интеллектуал чёртов», – подумал Гамид. Эльчин, импозантный мужчина средних лет, подперев рукой подбородок, внимательно, изучающе смотрел на Гамида... «И чёрт меня побрал согласиться на эту встречу с психологом, – затерзал себя Гамид, – как мне себя вести, что говорить? Жаловаться на Лейлу? На то, какая она плохая, стерва и мегера? Ну и что? Только выставлю себя дураком, полным неудачником перед этим напыщенным типом! Да и чем, в сущности, он сможет мне помочь? Только посмеётся надо мной или, что ещё хуже, будет говорить всякие глупости и банальности».

– Прошу вас, Гамид, не волнуйтесь, – Эльчин, наконец, «включил» свой бархатный голос, – почувствуйте себя, как дома.

– Спасибо, – только и нашёлся сказать Гамид, язык всё ещё отказывался слушаться его.

– Я думаю, Гамид, вы мне доверяете, – профессионально взял инициативу в свои руки Эльчин. – Вы ведь пришли сюда. А самое главное, до этого написали такой подробный, замечательный имейл, где так хорошо обо всём рассказали, – вдруг, неожиданно для Гамида, заявил он.

«Подробный, замечательный имейл? Это Самир вчера так постарался? Вот ба-

лабол! И кто его просил?! Он же должен был только договориться о встрече!» – пронеслось в мозгу у Гамида. Он вспыхнул от негодования, однако довольно быстро успокоился, внезапно поймав себя на мысли, что, может, это и к лучшему, что Самир «всё рассказал» – интересно бы знать, что именно! Слишком уж не расположен был Гамид выдавливать из себя откровения о своей личной жизни...

– Да, я просто хотел сэкономить время, и своё, и ваше, – на ходу соврал он.

– Похвально, – загадочно улыбнулся Эльчин. – Тогда давайте немедленно приступим к нашему сеансу, ведь вы и так немного опоздали, – Эльчин под недоумённым взглядом Гамида отработанным движением руки достал откуда-то из-под стола свой тонкий ультрасовременный планшет и надел модные очки.

«Как это опоздал? Что он говорит? Я же вроде вовремя пришёл, даже раньше назначенного, или он имеет в виду что-то другое?»

– У вас, откровенно говоря, немного запущенный случай, – произнёс Эльчин («а, стоп, понятно, в этом смысле я опоздал, это он имел в виду», – облегчённо выдохнул Гамид), – но вы не волнуйтесь, мы обязательно найдём с вами выход. Итак, Гамид, давайте приступим. С самого начала. – Эльчин два раза кашлянул в кулак, после чего чрезвычайно серьёзно посмотрел на Гамида. – Из вашего письма я, конечно, понял, что вы очень недовольны своим браком. И, как вы считаете, причина ваших неудачных отношений кроется в личности вашей жены: в её неадекватном поведении и плохом характере. Я всё правильно понимаю?

– Именно, – одобрительно согласился Гамид. – Да, так и есть, доканывает из-за сущих пустяков, пилит и пилит, – он расслабился и подумал: «красавчик Самир!»

– Хорошо, понятно. А можете привести в пример какие-нибудь конкретные её претензии?

– Да сколько угодно! – всплеснул руками Гамид, теперь от его недавней зажатости не осталось и следа. – Вот, смотрите: «Почему мы живём на съёмной квартире? Почему ты мало зарабатываешь? Почему мы никуда не уехали в свадебное путешествие?» Ну, и остальное в том же духе. Хотя, когда она выходила за меня, прекрасно знала мои финансовые возможности, и что мы будем жить с ней не в своём доме, а на съёмной квартире.

Эльчин задумчиво почесал свою лысеющую голову...

– Хорошо, Гамид, и с этим всё понятно. Это очень печально, но в общем-то всё это типичные, бытовые конфликты. А семей без конфликтов, к сожалению, не бывает, – вздохнув, сказал он. – Однако я как психолог вижу, что в вашем браке есть, к сожалению, и более серьёзные проблемы. Я, конечно, понимаю, что этот разговор может быть вам неприятен, но без него нам, увы, никак не обойтись. Итак, Гамид, скажите, когда и почему вы стали сомневаться в своей жене, подозревать её в измене?

«Что??? В измене?! Какая измена? Что он мелет?» – услышав вопрос, Гамид почувствовал, как прикипает кровь к его лицу, и первой же его мыслью было вскопчить и вклеить пощёчину «этому негодяю-психологу», и только усилием воли он заставил себя удержаться на месте.

– Что за измена? С чего вы взяли? Разве это было в моём письме? Я писал это? – гневно задрожав, но спокойным голосом спросил он.

– Нет-нет, конечно, нет, Гамид, – торопливо ответил Эльчин, – вы об этом, конечно, не писали, но я ведь всё-таки психолог и могу о чём-то догадаться сам...

– Да, понимаю, мне говорили, что вы – профессионал, – глухо произнёс Гамид, – «только у меня вроде нет причин для ревности», – хотел добавить он, но тут у него в голове что-то «щёлкнуло», и перед глазами всплыла, ожила картина относительно спокойных семейных вечеров, когда он и жена сидели перед телевизором, уткнувшись каждый в свой телефон. На его вопросы Лейла тогда отвечала невпопад или не отвечала вовсе. К тому же Гамиду вспомнились неожиданные отлучки жены «по магазинам» и, главное, её «беспричинно-хорошее» настроение по возвращении, не-

смотря на то, что она ничего не купила...«Да, у неё действительно кто-то есть, и как же я раньше об этом не догадался?» – Извините, Эльчин, вы абсолютно правы, жена мне неверна, она мне изменяет! – вдруг закричал он.

Эльчин хладнокровно отложил в сторону свой планшет...

– Вот, Гамид, я вас очень прошу, пожалуйста, не стесняйтесь. Если вы пришли на встречу со мной, то, уверяю вас, нет никакого смысла утаивать ваши страхи или сомнения. Постарайтесь доверять мне как самому себе!

– Конечно, я постараюсь, – потерянно произнёс Гамид.

Эльчин снова взял в руки планшет...

– Хорошо, – сказал он, – я как мужчина вас прекрасно понимаю, понимаю, что ревность для вас – очень болезненная тема. Но дело в том, что ваша проблема даже не в ней, не в ревности, я хочу поговорить с вами о другом...

– О чём же? – на Гамиде не было лица.

– О ненависти! – акцентированно произнёс Эльчин.

– О ненависти? – недоумённо переспросил Гамид. – Но при чём здесь ненависть?

– Очень даже при чём! Она, ненависть, вытекает из вашей ревности, но на самом деле уже давно завладела всем вашим существом! Да, я имею в виду вашу ненависть к собственной жене, Гамид. Скандалы с женой постепенно довели вас до безумия, до такого иступлённого состояния, что вы стали ненавидеть её. – Эльчин теперь не смотрел на Гамида, закатил глаза, но Гамид продолжал чувствовать на себе его пристальный, сверлящий взгляд. – И эта ненависть гложет вас изнутри. Знаете, я практически никогда не ошибаюсь в людях. Я вижу людей насквозь, и я вижу сон, который вы видите почти каждую ночь. – Эльчин поднёс ручку-стилус к губам, как будто закурил сигарету. – В этом сне вы ненавидите свою жену, ненавидите настолько, что готовы даже её убить!

«Убить?» Гамид остолбенел... Он никому не рассказывал о своих подспудных чувствах, даже Самире – своему закадычному другу. Но Эльчин сказал правду! Да, он уже давно жил с этой безмерной ненавистью в душе, «разрывающей его на куски». «Как же Эльчин обо всём догадался? Он что, в самом деле экстрасенс?»

– Однако тут есть один нюанс, Гамид, – не умолкал Эльчин, – ваша ненависть ведь не существует сама по себе, на самом деле она – частица вашей любви. Да, у нас в психологии любовь и ненависть не делимы друг от друга, они не живут по отдельности, они всегда вместе. Не существует любви без ненависти, так же, как и нет ненависти без любви. Поэтому вы не должны бояться ненависти. Вместо этого бойтесь апатии, равнодушия! Именно они, а не ненависть, убивают любовь! Но только любви в этом мире всё-таки должно быть больше, чем ненависти, иначе наступит крах, крах всему! Вы всё-таки должны больше любить, чем ненавидеть, слышите, Гамид? Скажите мне, когда вы почувствовали, что ненавидите свою жену больше, чем любите? Был такой момент?

– Даже не знаю, доктор, – упавшим голосом ответил Гамид, почему-то назвав Эльчина врачом. – Мы женаты не так давно, и как-то сразу всё пошло не так.

– Значит, вы сильно её любили, раз так сильно сейчас ненавидите, – сказал Эльчин.

– Наверно, – согласился Гамид, – женился я действительно по любви, хотя надо было бы по расчёту...

– Да, любовь и страсть – совсем не гарантия счастливого брака, – глубоко-мысленно произнёс Эльчин. – А если нет взаимопонимания, то сильные чувства всё только усложняют. Поэтому браки по расчёту зачастую бывают прочнее и долговечнее, чем браки по любви. Ведь люди, вступая в такие союзы, свободны от иллюзий и не греют свои сердца большими ожиданиями! Они – реалисты, не ждут от брака большего, чем он может им дать!

Эльчин всё говорил и говорил, а Гамид всё молчал...И тут Эльчин услышал сдавленный всхлип...Гамид заплакал...

– Доктор, – сквозь всхлипы до Эльчина с трудом доходили слова, – я должен вам признаться, это вовсе не я писал вам по Интернету, за меня писал мой близкий друг – Самир.

– Это здорово! Я очень рад это слышать, Гамид! – с непонятным для Гамида торжеством в голосе воскликнул Эльчин. – Значит, вы всё-таки принимаете раздвоенные своей личности, признаёте двойственность своей натуры, и это путь к вашему исцелению.

– Но, доктор, Самир никак не мог знать ни о том, что я подозреваю жену в измене, ни о том, что я хочу её убить. Откуда же вы всё это знаете? Вы что, в самом деле экстрасенс?

По лицу Эльчина прошла самодовольная улыбка.

– Может быть, Гамид, – произнёс он, – но главный мой талант – это всё-таки то, что я психолог и просто знаю людей!

– Доктор, – не мог успокоиться Гамид, – но раз вы так всё знаете, прошу вас скажите: жена мне действительно изменяет? И с кем?

Эльчин встал со своего кресла и подошёл к окну... На улице уже было темно. Эльчин задумчиво провёл рукой себе по подбородку и повернулся к Гамиду.

– Почему изменяет, Гамид? С чего вы это взяли? – мягко, по-отечески сказал он.

– Как? Вы же сами мне это сказали! – воскликнул сбитый с толку Гамид.

– Нет, Гамид, этого не может быть, – возразил Эльчин, – ничего такого я вам не говорил. Я лишь спросил вас, когда и почему вы стали сомневаться в ней...

«Когда? И действительно, почему? Ну, сидит она в своём смартфоне, заходит на всякие сайты, ну и что? Сейчас почти все жёны такие! Если бы она мне изменяла, я бы наверняка это почувствовал, да и уже половина города знала бы об этом!»

– Я не верю, что она меня любит, – тихим голосом произнёс Гамид.

– И напрасно! – умные глаза Эльчина с сочувствием посмотрели на Гамида. – Я лично уверен, что ваша жена любит вас, раз терпит до сих пор все ваши чудачества. Сами посудите, вы небогаты, а она молода и привлекательна. Зачем ей тогда нужно было выходить за вас замуж? Она любит вас, просто по-женски, и ей не хватает вашего внимания, заботы и... любви.

– Доктор, но вы же сами только что мне сказали, что любовь всё усложняет? – совсем запутался Гамид.

– Да, на этот раз вы правы, сказал, – невозмутимо ответил Эльчин, – только это лишь одна из точек зрения. Конечно, вы можете её принять, однако можете принять и другую...

– Какую же?

– Да, любовь всё усложняет, но только в браке по любви люди могут быть по-настоящему счастливы. – Эльчин скрестил пальцы рук, соединив большие пальцы, и получилась форма сердечка. – Если вам повезло жениться по любви, то не упустите своего шанса быть счастливым. Идеальных людей не бывает, так же, как и нет идеальных отношений, а встретить свою «вторую половинку» – это всё равно, что выиграть в лотерею! Поэтому большинству людей приходится строить, по кирпичику выстраивать свои отношения, где-то приспособливаться, идти на уступки, искать компромиссы. И чем раньше вы это осознаете, тем будет лучше для вас и для вашего брака!

Гамид в изнеможении обхватил голову руками. Эта встреча с психологом неожиданно стала для него очень тяжёлым испытанием...

– Да, доктор, вы, наверно, правы. Нет, вы точно правы! – перебил себя он. – Только мне невыносимо тяжело жить с женой и каждый день слышать одно и то же, она меня совсем не понимает. Может, просто лучше перестать мучить друг друга и развестись?

– Развестись всегда можно, Гамид, и это проще всего! – спокойно сказал Эльчин. – Но подумайте, что вы будете делать дальше, после развода? Искать себе новую жену? О’кей, найдёте. А вдруг с ней вы тоже не найдёте взаимопонимания, и дальше будет ещё хуже? Характер супругов ведь не проявляется сразу. А что, если попробовать измениться самому! Поменять линию своего поведения! Советую вам всё же постараться найти общий язык с женой, тем более, что вы с ней не одни, у вас есть ребёнок...

– Но, доктор, тут вы ошибаетесь, у нас нет детей! – ошарашенно воскликнул Гамид.

– Как это нет? – по лицу Эльчина впервые за всё время разговора пробежала тень сомнения... – Должны же быть. Вы в этом уверены? – задал он вроде нелепый вопрос.

– Да, абсолютно уверен, – произнёс Гамид, но в его поникшем голосе не прозвучало ровно никакой убеждённости! За какие-то полчаса Эльчин стал для него гуру психологии, непререкаемым авторитетом, ведь он ещё ни разу не ошибся на протяжении всей этой странной беседы! – хотя постойте, – в непонятном угаре Гамид быстро достал свой мобильный телефон и позвонил жене...

Эльчин услышал длинные гудки, вслед за которыми он услышал грудной, сильный голос Лейлы, жены Гамида. Да, этот голос пробивался через трубку. Эльчин уловил в нём обиду, но вместе с тем и то, что жена хочет сообщить Гамиду нечто важное...

– Доктор, это настоящее чудо! Вы действительно экстрасенс, уникал, ясновидящий! Жена только что узнала о своей беременности. Как же вы это почувствовали? Как догадались? Хотя это уже неважно. У нас будет ребёнок! – через минуту радостно закричал Гамид.

– Поздравляю, – устало выдохнул Эльчин...

Эльчин всё сидел, уставившись в свой планшет. «Да, сегодня был очень тяжёлый, невероятно тяжёлый день. Столько народу! Надо мне, наверное, ещё раз удвоить свою ставку, чтобы приходили поменьше!»

«И надо же, сегодня, оказывается, у меня на приём были записаны целых два Гамида! Причём подряд: один в 19.00, а другой – в 19.30. Как же я не обратил на это внимания? Гамид – не такое уж распространённое имя... Когда в 19.10 я увидел этого молодого человека, я подумал, что пришёл, немного опоздав, шизофреник, который до этого прислал мне страниц десять, да простит меня наука, такого откровенного бреда! А главное, в дальнейшем этот молодой человек вёл себя так, что не дал мне и повода в этом усомниться! Однако у шизофреника всё-таки есть ребёнок, именно ребёнок, а не эмбрион! А значит, пришёл вовсе не он, а другой Гамид – скромный служащий, который должен был прийти в 19.30! За него ведь ещё попросили, чтобы я принял его пораньше. Как же я перепутал этих Гамидов?! Ещё повезло, что клиент ничего не заподозрил и даже ушёл довольным! Да уж, верно, институт брака изживает себя. Раньше приходили в основном невротики, депрессивные паникёры-одиночки, теперь же приходят замученные браком вроде бы нормальные люди! Но где же тогда этот шизофреник, который должен был прийти в 19.00?»

Эльчин взял свой телефон, позвонил так и не пришедшему Гамиду и услышал: «Абонент временно недоступен». Эльчин откинулся в своём кресле, вспоминая длинное путаное письмо. «Да, у того Гамида был по-настоящему тяжёлый случай, надеюсь, что он всё же одумался и не убил свою жену»...

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Публичная персона

Многие люди стремятся стать для начала известными, а там дальше, если повезет, знаменитыми. Для чего? Ведь столько неудобств влечет за собой статус «публичной персоны»? Все просто. Для того, чтобы монетизировать, то есть превратить в денюжку узнаваемость своей неповторимой личности. Неужели все к этому стремятся? Безусловно, не все. Есть те, кто хотел бы остаться в тени и не афишировать свою личность, а вместе с ней деятельность и сложную биографию. Однако таких людей, любящих тень и получающих доходы иным способом, в наше виртуальное время меньше, чем шоуменов.

Невероятное количество певиц, певцов, танцоров, выпускающих клипы, экстремальщиков разного рода, блогеров, влогеров, экспертов почти во всех видах человеческой деятельности, привлекающих внимание зрителей, свидетельствует о том, что все происходящее в виртуальной сфере все более востребовано. Совершенно естественно, особенно в период пандемии, когда жизнь в реале сопряжена со многими ограничениями. Как правило, потребители этого товара, во всяком случае, определенная их часть понимает, что нельзя слишком серьезно относиться ко всему, что они видят и слышат. Необходимо некоторая отстраненность, критический взгляд. И, конечно, полезно помнить о бенефициарах, то есть выгодополучателях. Публичные персоны из шоу-бизнеса и блогосферы извлекают выгоду из всего, в том числе и из скандалов вокруг их имени. Главное для них – как правило, шум вокруг их персоны. Чем больше о них говорят, тем лучше. Таким образом они привлекают подписчиков, потребителей информационного товара на свои сайты. На этом держится вся желтая пресса и бесконечные сомнительного качества ток-шоу. Рекламодатели, те самые, что платят деньги, заинтересованы в такого рода виртуальных баталиях.

Разные задачи и разные способы использования виртуального пространства у публичных личностей. Певцы, актеры, танцоры, экстремальщики обычно мало озабочены содержанием своих роликов. Во-первых, текста вообще может не быть. И очень часто в этом нет необходимости. Шпагат, прыжок, гонки говорят сами за себя. Там, где присутствует слово, очень часто не стоит ждать глубокого содержания. Это могут быть простейшие припевки, набор клише, часто повторяемые банальности. Кроме того, пиар в подобном контексте возможен любой: белый, черный, добавлю, желтый. Не важно, что говорят о той или иной персоне шоу-бизнеса, главное, чтобы говорили. Сверхзадача – не упасть в реку забвения, не кануть в Лету, это самое страшное, что может случиться с деятелями шоу-бизнеса. По этой причине обсуждение личной жизни, пластических операций, нарядов, отдыха хоть в родном Сальяне, хоть на Мальдивах не просто привлекает внимание обывателей. Потребителю беспрестанно настойчиво рекомендуют обратить внимание на эту информацию. И он обращает свое драгоценное внимание. А зачастую и реагирует так, как большинство современных пользователей соцсетей. Либо руганью, либо восторгом. Почему? Потому что те, кто критически мыслит, не будут реагировать на виртуальную барахолку и, тем более, не будут оставлять комментарии. Появившийся не так давно Моргенштерн, рэпер, сделавший сумасшедшую карьеру в виртуале, – одна из успешных персон, сумевших заработать много денег на своей виртуальной деятельности. Настоящее имя Моргенштерна – Алишер Валеев. Молодой человек создает качественные клипы. Эпатжные, провокационные, эклектичные. Конечно, такого рода клипы привлекают подростков и молодых. К тому же это один из способов выпустить пар в условиях авторитарного режима. Молодые погружаются с головой в виртуал, и появляется все больше людей, не желающих жить в реале. Молодые и дерзкие пробуют себя в разных ипостасях, что естественно и интересно. Многие новаторские идеи получают развитие, в том числе и в шоу-бизнесе. А чем привлекают внимание состоявшиеся немолодые мэтры эстрады? Чаше

всего, как ни странно, это бесконечные дискуссии по поводу «вечной молодости» возрастной «поп-дивы» или новый прикид «короля попсы». Ни тебе новых проектов, клипов, песен. Нет, ничего такого легкомысленного. Только новые наряды, новые лица, соответствующие «высоким стандартам пластической хирургии» и, если позволяет кошелек, в качестве бонуса, новая грудь и все остальные части тела. Смешно, скажете вы? Иногда грустно. У этого товара, имею в виду такого рода статьи и сайты, есть свои потребители, и их немало. А там, где потребители, там же и вездесущая реклама и доходы.

Еще один отряд виртуальщиков, активно заполняющих интернет-площадки – блогеры, влогеры и примкнувшие к ним. Выбираете любую тему. Любую. «Кулинарные рецепты блюд римских гладиаторов», «Я же мать», «Как объездить весь мир и не заплатить ни копейки», «Я спокоен, я совершенно спокоен», «Не ем на ночь и вас научу», «Как отрастить густую шевелюру до пояса, даже если у вас совершенно лысый череп» и из самых популярных «Заработаем миллионы в виртуале», также не забудем языковые курсы в самых разных вариантах и на различных площадках. Интернет-деятели очень чутко реагируют на конъюнктуру. Как только появляется спрос, тут же появляются предложения. Для привлечения аудитории, хотя бы на начальном этапе, стоит провести определенную работу. Выяснить, кто такие гладиаторы, для начала. Утрирую, конечно. Но не слишком.

И, наконец, самая сложная, самая рискованная и, как следствие, страдающая и бесконечно критикуемая группа деятелей, связанная одинаково крепко и с реалом, и с виртуалом. Политики, писатели, эксперты, журналисты (в меньшей степени). Тяжеловесы, одним словом. Вот кому приходится нелегко. Их деятельность напрямую связана со словом. От их высказываний, оценок и прогнозов часто зависят общественные умонастроения и, соответственно, состояние общества. Словом можно воодушевить, словом можно убить, спровоцировать войну, обрушить биржевый курс валюты. Яркий пример – твиты Трампа, на которые активно реагировали финансовые институты. Безусловно, бурные события провоцируют исключительно тяжеловесы-политики. Те, чьи слова, а следом за ними поступки, влияют на ход истории.

Писатели, казалось бы, несколько отстранены, в силу своей профессии, от непосредственной вовлеченности в реальную действительность, однако мнение известных, почитаемых писателей часто вызывает дискуссии. В случае, когда высказанное мнение не по нраву большинству, прежнему кумиру объявляют войну, припоминают реальные и вообразимые грехи, начиная с ранней молодости. И Мэтр начинает оправдываться, разъяснять, призывать к цивилизованному диалогу. То, что мы наблюдали недавно в случае с Чингизом Абдуллаевым, затронувшим тему войны в Карабахе.

Многочисленные эксперты в области политики и экономики влияют на умы. Недавно с таким интересом пользователи интернета следили за военным экспертом Алексеем Арестовичем во время 44-дневной войны в Карабахе. Грамотный анализ происходящего позволял увидеть реальную картину, в отличие от репортажей печально известного «героя» Семена Пегова, чьи фантазии на военную тему вызывали не столько раздражение, сколько удивление и смех.

Азербайджанский эксперт, вызывающий уважение своими взвешенными оценками и прогнозами в области экономики и политики – Арастун Оруджлу. Образованный, имеющий широкий кругозор, эксперт, не склонный к истерии, к нему стоит прислушаться.

И самая, пожалуй, многочисленная и незащищенная группа публичных личностей – журналисты. Вот кто каждый день по долгу службы рассказывает, разъясняет и пытается влиять на общественное мнение, естественно, с переменным успехом. В условиях, когда журналисты получают символические гонорары, оставаться в профессии сложно. Грамотные люди предпочтут найти иной источник заработка. Те, кто выполняет определенный заказ власть предержащих, конечно, в другом положении. Независимая журналистика в нашем социуме на положении нелюбимого пасынка. Тем ценнее ее выживание, несмотря на многочисленные преграды.

Реал и виртуал и дальше будут идти в связке. Реал, отражаясь в виртуале, посылает сигналы в сознание людей. От того, насколько правдивым, либо искаженным будет посланный сигнал, зависит наша с вами жизнь.

